

COMMANDO

A BOER JOURNAL OF THE BOER WAR

DENEYS REITZ
J. C. SMUTS

KESSINGER LEGACY REPRINTS

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Наконец, мы получили книгу, в которой все это есть. Нет никакой стратегии и совсем немного тактики в этом простом неприкрашенном рассказе. Идет война, но человеческая душа взрослеет не в ходе войны, а в результате приобретенного на ней опыта. Эта книга рассказывает простую правдивую историю того, что бурская война означала для одного из её участников. Полковник Рейц попал на войну подростком семнадцати лет, прошёл её до самого конца, и сразу после ее окончания написал эти воспоминания. Военных приключений выпало на его долю немало. Все, что пришлось ему пережить, он описал. Эта книга — роман правды; но кроме этого — большой личный роман, и помимо того — еще более замечательный роман о Южной Африке, которому многое должно быть прощено за блестящее описание тяжелого периода существования нации, столь же трудного, как и тех, что выпадали на долю любой другой молодой нации. *(Из предисловия)*

-
- [Предисловие Яна Кристиана Смэтса](#)
- [I. Последние мирные дни](#)
- [II. На грани войны](#)
- [III. К границе](#)
- [IV. Мы вторгаемся в Наталь](#)
- [V. Сражение](#)
- [VI. Удачи и промахи](#)
- [VII. Стычка при Сурпрайз-Хилл](#)
- [VIII. Посещение позиций на Тугеле. Трагедия при Красном Форте](#)
- [IX. Сражение при Спionoскопе](#)
- [X. Дела становятся хуже](#)
- [XI. Кампания В Свободном Государстве](#)
- [XII. Британцы вторгаются в Трансвааль](#)
- [XIII. Дальше от дома](#)
- [XIV. Новые условия](#)
- [XV. До и после успеха](#)
- [XVI. С Запада на Восток](#)
- [XVII. Конец АКК. Я планирую пойти в Капскую Колонию](#)
- [XVIII. Следующая стадия](#)
- [XIX. Дальше на юг](#)
- [XX. Мы входим в Капскую Колонию](#)
- [XXI. Кони и люди](#)

- XXII. Все вперед!
- XXIII. Долгий путь
- XXIV. В тихих водах
- XXV. Последняя фаза
- XXVI. Мы проиграли

Предисловие Яна Кристиана Смэтса

Когда полковник Рейц попросил, чтобы я написал предисловие к его книге воспоминаний об англо-бурской войне, я сначала колебался, поскольку не был уверен, могу ли я представлять читателю книгу, в которой я сам в некоторой степени фигурировал. Однако, во время чтения рукописи, я нашел, что я только вскользь упомянут в нескольких местах и не имею поэтому никакой причины не выполнить его просьбу.

Большое удовольствие и честь представить эту книгу читающей публике. Для меня это — замечательная книга, замечательная в ее простоте и реализме, ее спокойном напряжении и захватывающем интересе. Это — книга о бурской войне, которую я ждал в течение прошедших более чем двадцати пяти лет. Много книг было написано о бурской войне — книги, очень интересные и содержащие много ценных материалов для будущего историка; но требовалось что-то еще. Бурская война была не такой, как большинство других войн. Это была огромная трагедия в жизни народа, и ее общечеловеческий аспект намного превосходит чисто военный. Нужна была книга, которая поможет нам немного понять человеческую сторону этой эпической борьбы, борьбы между самым маленьким и самыми большим из народов.

Наконец, мы получили книгу, в которой все это есть. Нет никакой стратегии и совсем немного тактики в этом простом неприкрашенном рассказе. Идет война, но человеческая душа взрослеет не в ходе войны, а в результате приобретенного на ней опыта. Эта книга рассказывает простую правдивую историю того, что бурская война означала для одного из её участников. Полковник Рейц попал на войну подростком семнадцати лет, прошёл её до самого конца, и сразу после ее окончания написал эти воспоминания. Военных приключений выпало на его долю немало. Все, что пришлось ему пережить, он описал. Действительно, большая часть из того, что описано в этой книге с такой детской простотой, может показаться читателю почти невероятным. Но это — истинная история, и факты в ней часто преуменьшаются, а не преувеличиваются. Захватывающие происшествия, спасение, висевшее на волоске, настоящее безрассудство, опасности и трудности, через которые он прошёл, сами по себе таковы, что записки о них читаются как настоящий роман. Но есть здесь и нечто большее, чем рассказ о военных приключениях. Мы имеем не только незабываемую картину мобильной партизанской войны, но также и точное описание

жизни бурских отрядов. Оно дается не в общих чертах, но с точки зрения конкретного человека. Читая книгу, мы прослеживаем истинную личную историю, которая часто является более странной, чем вымысел. Занимательность этой истории усиливается по мере того, как описание разворачивается от тяжелой кампании в Натале под руководством Боты, через партизанскую войну в Западном Трансваале, которой руководил де ла Рей, к кульминационному моменту похода под моим руководством в Капскую Колонию. Эти картины показывают нам внутреннюю правду войны. Мы видим, как под влиянием событий пробуждается в людях страстный патриотизм. Мы видим, как, под влиянием идеала — в данном случае идеала свободы — самые обычные люди становятся способными презреть любые опасности и выдержать любые страдания и лишения. И эффект тем более поразителен, что эта история настолько проста и объективна.

Эта книга является личным дневником. Но биография автора не заканчивается этой книгой. Бурский мальчик, который написал эту книгу, годы спустя стал мужчиной. Позвольте мне добавить несколько деталей, чтобы рассказать о нем. Мальчик оставил страну как непримиримый противник англичан после окончания бурской войны, поскольку он и его семья не хотели жить под британским флагом. Он перебрался на Мадагаскар, где эти воспоминания были написаны в интервалах между приступами малярии и многочисленными поездками. Там нашло его письмо от моей жены, которое уговаривало его вернуться и указывало ему на то обстоятельство, что он не лучше ее мужа, и если последний мог позволить себе служить своему народу под государственным флагом Соединенного Королевства, то, конечно, и его молодой друг мог бы сделать то же самое. Рейц возвратился и начал работать на свой народ. Он учился смотреть с точки зрения Боты на объединенный народ Южной Африки, для которого воспоминания о бурской войне больше не будут означать горечи, но станут источником богатого духовного опыта. Патриотизм бурского мальчика перерос в патриотизм жителя Южной Африки. И я помню ночь начала восстания в 1914 году, когда Рейц еще раз появился передо мной, на сей раз как беглец, не от британцев, а от его соотечественников в Свободном Государстве, которые подняли восстание. Так играет порой судьба простым человеком. Он выполнил свою обязанность, помог подавить восстание, а после этого служил в моем штабе во время немецкой Западной кампании, так же, как он делал это во время бурской войны; в немецкой Восточной кампании он занимал более высокую должность, командуя конным полком, и на более поздних стадиях Большой войны (Первой мировой) он

командовал Первыми Королевскими Шотландскими Стрелками, одним из самых старых полков в британской Армии. Он был серьезно ранен в начале 1918 года, но возвратился во Францию вовремя, для того, чтобы командовать своим батальоном в жестоких сражениях, которые стали финалом большой драмы, и после перемирия, довел своих людей до Рейна.

После войны он принял активное участие в общественной жизни своей страны. Он был членом кабинета министров и все еще — членом парламента, и в этой должности он служит под моим руководством так же, как он делал в более суровые дни, из которых он пишет.

Эта книга — роман правды; но кроме этого — большой личный роман, и помимо того — еще более замечательный роман о Южной Африке, которому многое должно быть прощено за блестящее описание тяжелого периода существования нации, столь же трудного, как и тех, что выпадали на долю любой другой молодой нации.

Я.К. Смэтс Претория, 16-ого августа 1929 года

I. Последние мирные дни

Мы жили в Оранжевом Свободном Государстве.

Мой отец был председателем суда во время президентства Джона Бранда и впоследствии, в 1887, был сам избран президентом Республики.

Наш дом находился в Блумфонтейне, столице государства, и здесь росли мои братья и я. Нас было пятеро, двое старше и двое моложе меня, и мы вели приятную жизнь, похожую на ту, что и сейчас ведут некоторые ребята. Мы учились ездить верхом, стрелять, и плавать, как только начали ходить. В нашем распоряжении были пони местной породы, очень выносливые, и мы иногда уезжали на несколько недель, путешествуя по равнинам, живя охотой и рыбалкой. Такой жизнью мы иногда могли наслаждаться месяцами и возвращались домой, только когда она нам надоедала. Иногда мой отец взял нас с собой в длительные поездки в более отдаленные районы, где была богаче охота, мы дольше жили на биваках, и встречались с бурами, которые специально собирались для встречи с ним. Наша маленькая страна была образцовой. В ней не было никаких политических партий и до рейда Джеймсона в 1895 году не было вражды между голландцами и англичанами. Мы не имели никаких железных дорог, и шум внешнего мира достигал нас, но слабо, так, что мы были довольным сообществом, удаленным от побережья на сотни миль.

В 1894, когда мне было двенадцать лет, нас взяли в Европу. Это было замечательно для мальчиков, не покидавших пределов республики — проехать к берегу океана, пересечь океан на корабле, и увидеть большие толпы людей и города Старого Света. Мы попали прежде всего в Англию, где некоторое время провели в Лондоне, поражаясь вещам, которые нам пришлось увидеть. Отсюда мы направились в Амстердам, чтобы посетить старшую ветвь нашей семьи, которая осталась в Голландии, когда наши предки эмигрировали в Южную Африку. Глава старого семейства жил в доме на Хееренграфт; богатый человек, судя по тому, что он держал много слуг и на стенах его дома висели красивые картины.

Поскольку наша республика взяла своё название от Оранской династии, мой отец был хорошо принят Королевой Нидерландов, и нам была оказана большая честь. Затем, мы направились в Париж, чтобы встретиться с Казимиром-Перье, недавно избранным президентом Франции. Вместе с ним мы возложили венок на могилу Сади Карно, его предшественника, убитого

анархистом в Лионе. Оттуда мы отправились в Брюссель, чтобы увидеть господина Джесслейна, нашего консула. Его дом стоял на рю де ла Бланшиссери, и он сказал нам, что это был тот самый дом, в котором герцогиня Ричмондская дала ее известный бал накануне Ватерлоо. Мы были представлены королю Леопольду, старику с крючковатым носом и длинной белой бородой, который протянул нам для приветствия только мизинец, возможно потому, что мы были гражданами республики.

Из Бельгии мы отправились в Гамбург, чтобы на корабле пересечь Северное море и попасть в Эдинбург, и оттуда посетить семью Катхартов в Эчендрайне на реке Доон. Мой отец изучал право в Шотландии, а мой дедушка до этого изучал сельское хозяйство, и они оба провели в Эчендрайне много времени, поэтому мой отец хотел, чтобы его сыновья в свою очередь продолжили традицию дружбы, которая в течение ста лет связала эти две семьи.

Мой дедушка впервые попал в Шотландию в 1816 году. Он встретил Вальтера Скотта, которому он привёз львиную шкуру, которую поэт Томас Прингл послал из Кейптауна, и он стал близок с известным писателем. Потом, много времени спустя, уже в Южной Африке, он любил рассказывать об их встречах и о банкете, на котором он присутствовал, когда Скотт впервые признал, что он был автором романа «Уорвели». И мой дедушка и мой отец возвратились в Южную Африку с глубокой любовью к Шотландии и шотландской литературе, и в нашем доме редкий вечер проходил без чтения Бернса или Скотта, так, чтобы мы чувствовали себя, как будто мы были среди своих.

От Эчендрайна мы направились в Лондон, чтобы встретить сэра Джорджа Грея, который, как губернатор Капской колонии, был другом моего отца за многие годы до этого. Мой отец имел обыкновение говорить, что, если бы англичане отправили большее количество таких людей, как он, в Южную Африку, наша история была бы более счастливой, и, хотя я был только мальчиком, а сэр Джордж Грей — стариком, он произвел глубокое впечатление и на меня — какой-то внутренней красотой, которую трудно описать словами, но которой я до сих пор не забыл.

Из Лондона мы приплыли в Южную Африку. По нашему возвращению мои братья и я были приняты нашими менее удачливыми приятелями как паломники, благополучно возвратившиеся из Мекки — столь опасным свершением казалась им наша поездка в те дни.

Мы снова вели нашу старую беззаботную жизнь, все не сознавая грозы, которая назревала из-за разногласий между белыми общинами в Трансваале.

Рейд Джеймсона еще не обострил положение, но угроза уже ощущалась. Президент Крюгер и командант-генерал Пит Жубер часто приезжали в Блумфонтейн с официальными визитами к моему отцу, и мы нетерпеливо расспрашивали их и слушали их истории про охоту и о войнах против туземцев и британцев, имевших место много лет назад.

Сэр Генри Лок, Губернатор Капской колонии, также посетил нас, как и Сесил Родс, большой краснолицый человек, который балагурил с нами, мальчиками, но на чьи политические цели мой отец смотрел искоса. Эти двое пробовали препятствовать Свободному Государству вступить в союз с Трансваалем, но они в этом не преуспели, и соглашение с президентом Крюгером было подписано. Мы согласились поддержать Трансвааль в случае войны с Англией, обещание, которое Свободное Государство лояльно выполнило.

Мои братья и я не понимали смысла всего происходящего, и жизнь продолжалась достаточно приятно, до того как в 1895 здоровье подвело моего отца и он должен был уйти в отставку. Мы переехали в Клермонт, тесный пригород Кейптауна, где нам очень не хватало наших лошадей и привычных просторов Северного Нагорья.

Когда мой отец поправился, мы обосновались в Трансваале, где он скоро стал Госсекретарем при президенте Поле Крюгере. Моего самого старшего брата, которому исполнилось девятнадцать, теперь послали в Европу, чтобы изучать право, а через некоторое время остальные были отправлены в школу в Блумфонтейне, где пробыли до середины 1899 года.

В течение нашего нахождения в Капской колонии имел место злополучный рейд Джеймсона, и мы нашли по нашему возвращению, что чувство неприязни между англичанами и голландцами возрастало; и даже в Свободном Государстве, где до настоящего времени оно было неизвестно, было так много неприязни, что люди открыто говорили о том, чтобы сбросить англичан в море, тогда как ранее таких мыслей ни у кого не было.

К июлю (1899 года) ситуация стала настолько серьезной, что мой отец велел нам ехать в Преторию, поскольку война с Англией казалась неизбежной. Мы попрощались с Блумфонтейном, городом, где мы родились и выросли и где провели такие счастливые дни, и отправились на север, оставляя позади нас мир детства. Впереди были годы опасностей, лишений и изгнания.

II. На грани войны

Когда мы прибыли в Преторию, ситуация достигла критической точки. Между Трансваалем и Великобританией происходил непрерывный обмен телеграммами ультимативного характера. Все они публиковались, и с каждой новой телеграммой напряжение возрастало. Столица Трансвааля стала вооруженным лагерем. Артиллерийские батареи провозились по улицам, команды из разных районов страны проезжали через город почти ежедневно, направляясь на границу с Наталем. С ближайших холмов, где сотни мужчин тренировались в стрельбе, доносился непрерывный треск. К побережью один за другим отправлялись поезда, переполненные беженцами, бегущими от надвигающейся бури, и все это происходило непрерывно.

Оглядываясь назад, я думаю, что война была неизбежна. Я не сомневаюсь, что британское правительство всячески обостряло ситуацию и было главным её виновником, но и Трансвааль также готовился к войне, и, судя по тому, что я видел в Претории в течение нескольких недель, которые предшествовали ультиматуму, я чувствую уверенность, что бури в любом случае настояли бы на разрыве.

Сам я не испытывал никакой ненависти к британцам; от стороны моего отца я был потомком голландских и французских гугенотов, а моя мать (скончавшаяся много лет назад) была чистокровной норвежкой с севера Капской колонии, таким образом во мне смешалась кровь многих народов. Все же, как любой житель Южной Африки, я должен был бороться за свою страну, и причины конфликта меня не сильно интересовали. Я смотрел на перспективу войны глазами юнца, предвкушая новые приключения, видя только её очарование, но не зная ничего об ужасе и страданиях.

Мне было семнадцать лет, и я был слишком молод, чтобы быть полноправным бюргером. Сам президент Крюгер решил этот вопрос. Однажды утром, когда я был в правительственном здании, я встретил его и моего отца в коридоре, и я сказал президенту, что в штабе фельдкорнета отказались записать меня на действительную военную службу. Старик смерил меня взглядом и прорычал: «Пит Жубер говорит, что англичан против нас — три к одному — *Sal jij mij drie rooi-nekke lever?*» (Ты справишься один с тремя?) Я смело ответил: «Президент, если я подпущу их поближе, мне хватит и одного выстрела на троих». Он издал хриплое хихиканье, выразив свое отношение к моему тщеславию и, повернувшись к моему отцу, спросил его о моем

возрасте. Услышав ответ, он сказал: «Хорошо, господин госсекретарь, мальчик должен пойти воевать — я сам начал воевать, когда был моложе его», и отвел меня прямо в соседнюю комнату командант-генерала, где Пит Жубер лично вручил мне новый карабин «Маузер» и нагрудный патронташ с боеприпасами, с которыми я возвратился домой довольный и гордый.

Я много раз видел президента в эти дни, поскольку имел обыкновение ходить с моим отцом в его дом в предместьях города, где они обсуждали государственные дела, пока я сидел, слушая их разговоры. Президент имел вид человека неотесанного, с невежественными манерами, и был самым некрасивым человеком, которого я когда-либо видел, но он имел сильнейшую харизму, которая производила впечатление на всех, с кем он общался. Он был религиозен в известной степени, и по воскресеньям он сам проповедовал в небольшой допперской церкви, которую он сам построил на другой стороне улицы, где я иногда слышал его.

Такова же была госпожа Крюгер, которую я часто видел с ведрами во дворе, поскольку она держала молочных коров и продавала молоко соседям. Как-то раз только она принесла нам кофе, в то время как мы рассматривали рисунок статуи ее мужа, которая должна была стоять на Церковной площади. Президента был изображен одетым как церковный староста в высокий цилиндр, и старая леди предложила, чтобы верх шляпы был вогнут и заполнен водой, чтобы птицы могли из нее пить. Мой отец и я от души посмеялись по пути домой над ее простотой, но согласились, что было приятно, что она об этом думала.

Я также знал Пита Жубера, командант-генерала, поскольку, кроме его посещений Блумфонтейна, его сын Ян и я были друзьями, и я иногда ходил с ним домой, чтобы поговорить о приближающейся войне, и его отец при этом присутствовал. Он был доброжелательным, действующим из лучших побуждений стариком, который сделал много хорошего в мелких кампаниях прошлого, но, как я мог понять, груз ответственности, которая легла на него сейчас, был для него слишком велик и казался ему не по силам.

Однажды днем он показал мне телеграмму, который получил от российского общества, предлагающего оборудовать госпиталь в случае войны, и когда я выразил мое удовольствие, то был удивлен, услышав, что он отказался от подарка. Он сказал: «Видите ли, мой мальчик, мы, буры, не цепляемся ха всякие новомодные идеи; наши средства из трав (bossie-middels) для нас достаточно хороши.» В другой раз, описывая празднества при открытии железнодорожной линии до залива Делагоа, которую

он посетил как главнокомандующий, он сказал мне, что, когда португальцы в его честь устроили торжественный смотр войск численностью в тысячу человек, он спустился с трибуны, чтобы обменяться рукопожатием с каждым из солдат. Я сам очень любил его, и его отношение ко мне всегда было добрым и отеческим, но я чувствовал, что он был непригоден командовать такой большой армией и очень жаль, что более молодой и энергичный человек не был назначен на его место в начале войны.

Шли дни, и в сентябре 1899 дела приняли такой оборот: британские войска двигались к западным границам Трансвааля и Свободного Государства, другие войска доставлялись морем, в то время как большие силы буров концентрировались на различных фронтах. Комитеты и депутации из Капской колонии до последней возможности предпринимали попытки предотвратить катастрофу войны, но было ясно, что жребий был брошен и что ни одна из сторон не была настроена к дальнейшему ведению переговоров.

Мой самый старший брат (его называли Хьялмаром в честь норвежского дяди) был далеко в Европе, изучал право, и мой отец уже телеграфировал ему, чтобы он возвращался. Мой следующий брат, Жубер, названный в честь командант-генерала, был годом, старше, чем я, и хотя он также был слишком молод, чтобы получить права бюргера, он намеревался предложить свою кандидатуру для военной службы, но два младших брата должны были пока ходить в школу.

Жубер и я были готовы заранее. Наши лошади были в хорошем состоянии, и в наших седельных сумках лежало все необходимое. Мой брат имел прекрасную гнедую лошадь, а я — сильное небольшое пони породы басуто, и мы могли отправляться в любой момент.

Многие буры из разных дистриктов были уже мобилизованы, но до настоящего времени в Претории не было никакого движения. Наконец, пятого сентября, первая партия из города была сформирована, она должна была направиться к границе с Наталем. Как только мы об этом услышали мы взяли наши винтовки, привели наших лошадей из конюшни, в течение десяти минут оседлали и навьючили.

Мы сказали до свидания нашей мачехе и ее детям, поскольку мой отец за несколько лет до этого вступил в повторный брак, и поехали через город к зданию фольксраада, чтобы попрощаться с ним. Мы нашли его запершимся с президентом и членами Исполнительного совета, но мы вошли и, когда мы объяснили, почему мы приехали, все встали, чтобы пожать нам руки. Старый

президент дал нам торжественное благословение, и мой отец, который не ожидал столь внезапного отъезда, еще раз попрощался с нами хриплым голосом и сказал, что он уверен, что мы сделаем все, что сможем.

От правительственных зданий мы доскакали до станции, где было очень оживленно. Сотни друзей и родственников приехали, чтобы посмотреть на это, но, несмотря на толпу на платформе и погрузку снаряжения и батарей, мы были в состоянии погрузить наших животных после того, как были погружены боеприпасы и остальное снаряжение.

Когда все было готово, поезд тронулся под звуки Трансваальского государственного гимна. Были восторженные приветствия и взмахи шляп и зонтиков теми, которые оставался позади, и мы были уже на пути к фронту. Что касается моего брата и меня, мы не были трансваальскими бюргерами, и при этом мы не были призваны на службу, но мы автоматически стали солдатами бурской армии на основании того, что забросили наше имущество в окно вагона и взобрались в вагон, немного зная о том, какие долгие и трудные последствия нас ожидают.

III. К границе

Нашим непосредственным начальником или фельдкорнетом, (таким было его звание), был г. Зидерберг, который ранее занимался перевозками грузов на фургонах, а рядовыми были главным образом молодые ребята, до этого работавшие на государственной службе, в юридических конторах или в магазинах в Претории. Немногие из них когда-либо видели войну или проходили военное обучение, но они были полны энтузиазма, и несмотря на тесноту и грубую пищу, мы вели себя как школьники.

После монотонной трехдневной поездки, часто прерываемой бесконечными остановками, мы достигли Салидспруйта, маленькой станции приблизительно в десяти милях от границы с Наталем, где мы наконец вышли из поезда. Большое число бюргеров из разных районов страны уже расположилось на равнине, с обеих сторон железнодорожной линии, и вельд вокруг был покрыт палатками и фургонами. Слева от дороги стоял большой шатер, над которым развевался четырехцветный флаг Трансвааля, что указывало на штаб генерала Жубера. И он и его жена прибыли туда одними из первых, и это было их традицией — она постоянно сопровождала мужа во всех его поездках.

Когда мы вывели из поезда наших лошадей и помогли сгрузить оружие, нам указали место, где мы должны были расположиться — туда мы и отправились. Мы спешили в высокой траве, и, после того как развели костры и приготовили ужин, провели наш первый вечер на открытом воздухе. В течение следующих десяти дней мы наслаждались нашим новым положением, как будто бы мы были на пикнике, а не в ожидании начала военных действий. Однажды вечером мой брат и я были приятно удивлены: в лагерь прибыл старый слуга нашей семьи, на его лице была улыбка от уха до уха от радости, что наконец-то он нашел нас. Его звали Чарли, он был внуком Мошеше, известного вождя басуто, Сколько я себя помню, он был нашим семейным слугой, сначала в Свободном Государстве и затем в Трансваале, куда он последовал за нами. Недавно он посещал Умбандине, короля свази, но, узнав, что должна начаться война, он сразу возвратился в Преторию, и мой отец послал его к нам. Это было просто замечательно, поскольку мы могли теперь переложить на него все заботы о кухне и лошадях, кроме того, он привел мне роскошную чалую лошадь, которую мой отец послал мне, поскольку боялся, что для моего пони мой вес будет великоват.

Каждое утро моему брату и мне приводили наших лошадей с пастбища и мы выезжали, чтобы посетить соседние лагеря, горя желанием увидеть все, что было можно. Мы видели поток новых людей, прибывающих ежедневно по железной дороге или едущих из соседних местностей, и наблюдали с бесконечным интересом длинные колонны заросших мужчин на косматых лошадях.

В конце недели, здесь собралось, должно быть, почти 15 000 всадников, готовых вторгнуться в Наталь, и мы были уверены, что ничто не могло нам помешать достичь моря.

Наша военная организация была простой. Каждый коммандо был разделен на две или больше группы — корнетства, которые, в свою очередь, подразделялись на капральства. Корнетство должно было состоять из 150–200 человек, а капральство номинально — из 25, но на этот счет не было никаких твердых правил и популярный фельдкорнет или капрал могли иметь под своим началом вдвое больше людей, чем непопулярный, поскольку бюргер сам мог выбрать, под чьим началом ему служить, и мог даже выбрать себе коммандо, даже если сам он был из другой местности или города.

В коммандо Претории мы разделились на капральства. Процесс разделения происходил стихийно: подбирались группы людей, ранее знакомых друг с другом, или жившие в одном районе, или предпочитавшие одинаковую еду. Так организовывались военные подразделения. Один из их числа избирался капралом, через которого передавались все распоряжения вышестоящего руководства. То же происходило и в других коммандо. Снабжение людей продовольствием выглядело очень просто. Наш фельдкорнет знал, сколько людей находится под его началом, и по мере необходимости посылал группу на склад, который находился возле железной дороги. Продовольствие грузилось в фургон, который доставлял этот груз в распоряжение капральства. Там все сваливалось на землю и люди разбирали все привезенное. Мясо доставлялось в виде стада быков, которых резали по мере необходимости. Система была не очень экономной, но всем всего хватало и люди могли есть то, к чему привыкли дома. Лошади, одежда и оружие у каждого были свои и никто никакой компенсации за это не получал.

Начиная с рейда Джеймсона трансваальское правительство ввезло из Германии большое количество винтовок «Маузер», которые были проданы бюргерам по номинальной стоимости. Таким же образом было закуплено большое количество боеприпасов, так что коммандо были хорошо вооружены. Две республики мобилизовали примерно 60 000 — 70 000 всадников, они были сосредоточены на западной и восточной границах и

ждали только команды, чтобы вторгнуться в Наталь и Капскую колонию. Эта большая сила, вооруженная современным оружием, была большой военной машиной и, будь у нее лучшие руководители, могла бы повернуть историю в другом направлении.

Сколько войск британцы имели в Южной Африке, я точно не знаю, но они постоянно подвозили подкрепления, и я думаю, что наши лидеры недооценили груз, который взвалили на себя.

Насколько нам было известно о Натале, самые близкие британские войска располагались в городе Данди, приблизительно на расстоянии в пятьдесят миль. Эти силы, как мы впоследствии выяснили, насчитывали примерно 7000 человек, и дальше на юг, в Ледисмите, было еще примерно 6–7 тысяч, но к ним постоянно прибывали подкрепления и трудно было сказать, сколько их на самом деле.

10-ого октября состоялся большой парад в честь дня рождения президента Крюгера. Наверное, в Южной Африке раньше никогда не собиралось больше мужчин в одном месте. Зрелище было замечательным — коммандо, одно за другим, строем проходили мимо командант-генерала, и каждый, в зависимости от своих понятий о военном приветствии, размахивал шляпой или винтовкой. После парада мы собрались вместе, и галопом поскакали на возвышенность, где под вышитым знаменем Трансвааля сидел на лошади Пит Жубер. Когда мы приблизились и остановились, он обратился к нам, привстав в седле. Я был зажат другими всадниками, и не смог быть достаточно близко, чтобы услышать то, что он говорил, но скоро все знали, что ультиматум (написанный и подписанный моим отцом), который послали британцам, давая им двадцать четыре часа на то, чтобы они отвели войска от границ Республики, был отвергнут, что означало объявление войны.

Волнение, которое за этим последовало, было непередаваемым. Огромная толпа, стоя в стремени, кричала до хрипоты, и только после того, как командант-генерал и его свита, пробившись через толпу, удалились, все постепенно стихло и коммандо разошлись. Ликование затянулось до поздней ночи, и, сидя без дела у костра, обсуждая приближающуюся войну, мы слышали пение и крики из соседних лагерей до самого рассвета.

На следующий день Англия приняла вызов, и война началась. Снова повторилось вчерашнее волнение. Пламенные речи были произнесены, и генерал Жубер был принят с полным восторгом, когда он приехал в коммандо, чтобы лично обратиться ко всем собравшимся. Всем коммандо было приказано находиться в полной готовности, и был выдан рацион на пять дней, состоящий

из сушеного мяса и другой еды. Летучие отряды должны были вторгнуться в Наталь, а весь обоз должен был быть оставлен на месте, так что мы с братом были обязаны послать нашего слугу-туземца в главный лагерь, где были оставлены все фургоны в ожидании дня, когда они смогут двигаться дальше.

Мой брат и я присоединились к нескольким друзьями из Саннисайда, пригорода Претории, в котором мы жили, и через несколько дней мы стали плохо сбитой большой толпой, стержнем которой были пять братьев Малерб. Мы выбрали Айзека Малерба, самого старшего из них, нашим капралом, и лучше этого человека я никогда не встречал. Скоро мы стали известны как капральство Айзека Малерба. Ему было приблизительно тридцать пять лет, он был смуглым, тихим и капризным, но мы доверились ему. Его братья тоже были храбрыми мужчинами, но он стоял на голову выше нас всех. После его смерти на Тугеле оказалось, что он был достаточно состоятелен и предусмотрительно оставил жене и двум маленьким дочерям хорошие средства.

Война была официально объявлена 11-ого октября. На рассвете утром 12-ого, собранные командос разъехались, и мы начали свой первый марш к границе.

Насколько глаз мог видеть, что равнина изобиловала всадниками, оружием, и рогатым скотом, все это упорно продвигалось к границе. Вид был великолепный, и я никогда не забуду того восторга, с которым я ехал на войну.

Все это закончилось трагедией, и я пишу об этом в чужой стране, но память о тех первых днях неизгладима.

IV. Мы вторгаемся в Наталь

Мы достигли пограничной деревни Фольксруст перед полуднем, и здесь задержались на день, расположившись лагерем возле памятника, воздвигнутого в ознаменование битвы при Маюбе, которое произошло на соседней горе в 1881 году.

Армию разделили, чтобы облегчить проход через гористую располагающуюся впереди местность. Часть командос Претории, приблизительно в 300 человек, была присоединена к большому отряду в 1 500 человек, которым командовал генерал Эрасмус, по прозвищу Марула, с его братом, командантом Эрасмусом по прозвищу Черный Шум, бывшим его заместителем.

Они были высокими, смуглыми мужчинами, одетыми в черных пальто для верховой езды, и полуцилиндрах, отделанных крепом. В подобном стиле одевались многие бурские офицеры, что фактически стало их отличительным признаком. Генерал Марула получил свое прозвище после недавней войны с туземцами в Северном Трансваале, в ходе которой он, как говорили, отдавал приказы из-за дерева марулы, а прозвище Черного Шума было данью его темному цвету лица и склочному характеру.

Несколько других отрядов, примерно равных нашему, были выделены из главных сил, и днем каждому из этих новых командо был назначен свой маршрут. Мы провели неприятную ночь под дождем. У нас не было ни палаток, ни пальто, так что мы сидели на термитниках, или ложились прямо в грязь — кто как смог. Это было нашим первым знакомством с реальными трудностями войны, и это несколько приглушило наш первоначальный энтузиазм к тому времени, когда на рассвете ливень прекратился. Когда стало достаточно светло, мы отправились в путь, дрожа от холода и голодные, поскольку все вокруг промокло и невозможно было развести костер.

Наша дорога лежала между высокими горами, и снова начался дождь, перешедший в ливень. Далеко справа и слева мы мельком увидели другие отряды, бредущие сквозь туман, также медленно передвигаясь по труднопроходимой местности. Мы не пересекали границу, но двигались параллельно ей, и, когда стемнело, мы остановились в мрачном месте, скоро растоптанном в болото множеством лошадей. Снова шел дождь всю ночь, и снова мы не могли развести костер, и пришлось утолить наш голод только бильтонгом из наших седельных сумок.

Это было первым серьезным испытанием, поскольку, в дополнение к дождю, холодный ветер дул со склонов

Дракенсберга, через который мы шли. К счастью о прошлых неприятностях скоро забывают, и, когда к восходу солнца погода улучшилась, мы снова были в хорошем настроении, не думая о прошлой ночи.

После длинного перехода мы оказались на равнине, по которой, извиваясь, протекала река Буффало, с зелеными холмами и приятными долинами, за которой лежал Наталь. Все всадники остановились, и мы пристально глядели в полном молчании на землю обетованную. Генерал Марула, оценив ситуацию, повернул голову и произнес речь, говоря нам, что Наталь был наследием, которое было украдено у наших предков, и теперь должно быть отнято у узурпатора. Среди восторженных криков мы начали переходить реку вброд. На это потребовался почти час, и все это время приветствия и пение 'Volslied' были непрерывны, и мы вошли в приветливую землю Наталя, полные надежды и отваги.

Как только мы перешли реку, мы развернулись на фронте в несколько миль, и так двигались дальше. Далеко, с обеих сторон, мы могли видеть, что другие отряды двигались в одном ряду с нами. Не было человека, который не полагал бы, что мы проедем так до самого побережья, но будущее было скрыто от нас, и мы не знали, как наша сила и энтузиазм будут растрачены в бессмысленных осадах и в удерживании бесполезных позиций, когда наше единственное спасение заключалось в быстром наступлении. Самые ближние к нам английские солдаты были все еще за много миль к югу от нас, так что все чувствовали себя совершенно спокойно, при том что проблем с фуражом, большие запасы которого были на окрестных фермах, не возникало.

В сумерках мы достигли холмов около поселка Ньюкасл, и здесь остановились, Наши лагерные костры, пылавшие вокруг, были похожи на огни большого города. Следующим утром мы двигались в колонах через улицы, некоторые из жителей, которые нам сочувствовали, махали руками, остальные смотрели на нас с угрюмым негодованием. Вне поселка мы остановились, чтобы позволить другим отрядам пройти, а затем, уже в сумраке, все коммандо начали долгий марш, который продолжался всю ночь, с одной остановкой, чтобы дать лошадям передохнуть.

С восходом солнца мы прошли в пределах пятнадцати миль от горы с плоской вершиной, за которой лежал город Данди и располагались самые близкие к нам английские силы.

Вопреки ожиданию, мы простояли большую часть дня и снова на закате поднялись, чтобы подготовиться к очередному ночному маршу. Коммандо к этому времени сблизилась, и вся наша армия была собрана фактически в один кулак, что придавало нам

храбрости. Генерал Жубер обошел нас в течение дня, и мы узнали от него, что он планировал окружить английские войска той же ночью. Генерал Марула, с 1 500 мужчинами, частью которых было коммандо Претории, должен был занять гору, которая господствовала над вражеским лагерем в Данди, в то время как другие силы должны были сомкнуть клещи на флангах и тылу. Настроение у всех было приподнятым, и даже сильный дождь, который пошел вскоре после нашего выступления, не смог его испортить. Ночь была черна, и наш маршрут проходил в основном по открытой грязной равнине, иногда прерываемой разными препятствиями, результатом чего был большой беспорядок, когда коммандо перемешивались друг с другом, но все же, марш был успешным, и к рассвету Марула смог отделить свое коммандо от других. Скоро при сете молний мы увидели крутой склон горы, возвышавшейся перед нами как стена, и был получен приказ начать подъем, потому что, как уже говорилось, с вершины этой горы английские позиции были как на ладони. Мы были почти уверены, что вершина горы занята врагом и по нам в любой момент откроют огонь, но, достигнув обширного плато, нашли его покинутым. Это было так неожиданно, что в первый момент все растерялись, никто не знал, что делать дальше, и, поскольку было еще темно и дождь не прекращался, мы, дрожа от холода, ждали рассвета. С наступлением дня дождь прекратился, но вершину горы по-прежнему накрывал туман, и все выглядело настолько зыбким и призрачным, что мы пришли в большую растерянность, чем когда-либо прежде, и даже когда у Марулы спросили, что делать дальше, он просто стоял, глядя на туман и не знал, что сказать. Видимость в любом направлении не превышала пятидесяти ярдов, но мы без того знали, что английские позиции были прямо под нами, поскольку мы могли услышать приглушенные крики и грохот фургонов, и мы ожидали приказа идти в атаку к подошве горы. Но генерал Марула и его брат ничего не сделали и даже когда сын президента Крюгера Каспар, который служил с нами как частное лицо, и который на этот раз решил проявить инициативу, поднялся и попросил их, чтобы они повели нас на врага, Марула просто его прогнал.

Он, должно быть, знал что делает, потому что внезапно с той стороны началась сильная канонада, что заставило нас вскочить и с замиранием сердца слушать первые в этой войне звуки сражения.

Мы ничего не могли видеть, но рядом началось сражение, и время от времени сквозь рев пушек мы слышали стрельбу из винтовок и «максимов». По нам, однако, никто не стрелял, и мы не находили себе места по той причине, что рядом идет бой, а мы

стоим здесь в роли наблюдателей, пока другие вступили в первый бой этой войны. Примерно через час все стихло — как потом мы узнали, англичане отбили атаку на холм Талана фрайхедского коммандо, которое понесло большие потери. К полудню немного прояснилось, в тумане появились просветы, и мы приблизились к кромке плато. Далеко внизу мы увидели отряд англичан численностью примерно в триста человек. Врага мы видели в первый раз, и наблюдали за ним с большим вниманием.

Как эта горстка людей оказалась в тылу бурской Армии, я не понял, но их положение было отчаянным, поскольку между ними и их главными силами находилось почти 15 000 всадников, и теперь, когда туман поднимался, их шанс пройти незамеченными исчез. Уже отдельные бурские стрелки появлялись из тумана, стреляя с седла и отгоняя солдат от их главных сил. Наши мужчины к этому времени собрались на обращенном вперед краю горы, надеясь заметить находившийся ниже английский лагерь, поэтому только некоторые заметили англичан на равнине у нас в тылу. Среди них был наш капрал, Айзек Малерб, мой брат и я, и пять или шесть других мужчин из Претории. Увидев англичан, мы вскочили на лошадей и поскакали вниз по склону со всей возможной скоростью. Достигнув подножия, мы помчались по вельду вслед за английскими всадниками, ориентируясь на звуки выстрелов, потому что видеть преследуемых мы сейчас не могли — они скрылись среди низких холмов. Продолжая преследование, мы скоро достигли места действия.

Англичане достигли маленькой фермы и мы подоспели как раз вовремя, чтобы увидеть, как солдаты спрыгнули с лошадей, и побежали, чтобы спрятаться за стенами каменного краала, в котором держали рогатый скот, и среди скал позади дома. Другие бюргеры собирались рядом, и скоро отряд был полностью окружен. Их фронт был пересечен руслом пересохшего ручья, и Айзек сразу повел нас туда. Это означало необходимость приближаться к врагу по открытой местности, и теперь, впервые в моей жизни, я собственными ушами услышал острое шипение винтовочных пуль, и впервые испытал действительно острые ощущения. Мои предыдущие представления относительно сражения были совсем не такими, действительность оказалась совершенно иной. Солдат не было видно, (за исключением случайно показавшегося шлема) — а фонтанчики пыли поднимались вокруг нас. Мы достигли русла, имея одного раненого, которого оставили вместе с лошадьми в русле, поднялись на берег и скоро сделали наши первые выстрелы в этой войне.

Англичане ответили, но они не были в состоянии уделить

нам много внимания, поскольку к этому времени окружающая местность гудела как потревоженный улей. Буры прибывали со всех сторон, и конец был всего лишь вопросом времени. Через несколько минут орудие «Крез» Трансваальской артиллерии подготовилось и открыло огонь. Самый первый снаряд обратил в паническое бегство всех лошадей отряда. Бедные перепуганные животные проскакали мимо нас, и мы вскочили на наших лошадей, чтобы отвлечь их, но должны были отступить, чтобы не быть растоптанными остальными. Я сумел удержаться на краю табуна, и, схватив за узду, остановил прекрасного черного жеребца. Любуясь своей добычей, я увидел, что белые флаги поднялись в краале и соседнем доме, и я поспешил присутствовать при сдаче. К тому времени, когда я добрался туда, солдаты сложили оружие и строились рядом с офицерами. Их командир, полковник Моллер, выглядел довольно удрученным, но рядовые, казалось, были более бодрыми. Офицеры и рядовые были одеты в униформу цвета хаки, вместо алой, которую я видел в Англии, и это несколько разочаровало меня, поскольку это, казалось, умаляло очарование войны; но хуже всего был вид мертвых солдат. Они были первыми людьми, которых я видел убитыми в бою; и их пепельные лица и открытые глаза стали для меня шоком, поскольку я считал смерть в сражении полной достоинства, но теперь я видел, что на это было ужасно рассмотреть. Я однако, был слишком возбужден из-за того, что принял участие в нашем первом успешном сражении, чтобы быть удрученным долгое время, и я наслаждался новыми впечатлениями — видеть захваченных пленных и разговаривать с теми из них, которые не отказывались поговорить. Оглядевшись в последний раз, те, кто был из Претории, вернулись на гору, где мы оставили остальную часть нашего коммандо, оставив раненого, чтобы ему оказали медицинскую помощь.

Темнота наступила прежде, чем мы достигли подножия горы, на которой находились наши люди, и снова начался сильный дождь, поэтому мы сделали остановку в пустынном сельском доме, и здесь провели ночь со всем возможным комфортом, пожалев наших компаньонов.

На рассвете дождь прекратился, и вскоре мы увидели, что отряд Марулы спускается с горы, поэтому мы вскочили на лошадей и поторопились присоединиться к ним, когда они спустились.

Люди замерзли, промокли и были голодны, и они смотрели с завистью на нашу сухую одежду и на трофеи в виде сабель и штыков, которые мы принесли с собой. Погода наконец улучшилась, и выглянуло солнце, которое стало пригревать, так

что скоро все пришли в доброе расположение духа, несмотря на сообщение Марулы, который сказал, что окружение не удалось и английские силы из Данди ушли в Ледисмит. Когда его брат, Черный Шум, увидел лошадь, которую я захватил в предыдущий день, он заставил меня передать ее одному из его фельдкорнетов, лошадь которого захромала, и я был достаточно глуп, чтобы подчиниться, поскольку я все еще имел немного уважения к начальству, и это был последний раз, когда я видел свой трофей. Это было очень большой неудачей, потому что небольшой пони басуто, которого я использовал как выючное животное, ночью куда-то ушел, и мы с братом остались без выючной лошади, которая должна была нести наши припасы и вещи. Теперь наш путь лежал в город Данди. Поскольку Марула был не совсем уверен, что все англичане ушли, он послал патруль из десяти мужчин вперед, чтобы проверить это.

Мой брат и я были в одном отряде и, когда мы ехали вперед по подножию холма, видели, что примерно полдюжины английских солдат скачут от нас по склону, приблизительно в 500 ярдах. Мы кричали, чтобы они остановились, но поскольку они не обратили на это внимания, мы соскочили с коней и стали стрелять, сбив двоих солдат.

Другие после этого остановились, и, подъехав к ним, мы обнаружили, что один из двоих был мертв, а другой тяжело ранен. Остальные сказали нам, что они были на разведке и заблудились в дожде и тумане накануне, и с большим удивлением узнали, что их войска оставили Данди.

Мы оставили мертвеца лежать там, где он упал, и приказали, чтобы пленные отнесли их раненого товарища в город, и поскольку мы хотели прибыть туда первыми, мы оставили их и поехали дальше.

К этому времени люди Марулы также спешили в Данди, но мы их обогнали. Отстали они ненамного, и скоро 1 500 человек кричали на улицах, и вообще вели себя очень недисциплинированно. Офицеры пробовали навести порядок, но с нами нельзя было справиться, и мы разграбили магазины и жилые дома, и нанесли значительный ущерб до того, как командиры и фельдкорнеты смогли восстановить некоторое подобие порядка. Это делалось не ради наживы, поскольку все равно мы не могли много увезти, но общему порыву мы не смогли противиться. Нам с братом жаль было нашего пони, но мы нашли продукты, которых бы хватило для королевского банкета, и после того, как все эти дни мы питались одним вяленным мясом, смогли вознаградить себя за все лишения.

Кроме города, который был ограблен, был большой военный

лагерь, стоящий в предместьях, и это тоже был целый город — с улицами из палаток, с большими запасами консервированного и другого продовольствия, и, зная, как плохо питались и были снабжены наши люди, я изумлялся не имеющим числа вещам, которые были у англичан. Были горы роскошных продуктов, удобных кроватей спальных мешков, и был даже спортивный зал и множество других вещей, слишком многочисленных, чтобы вспомнить их все.

Разграбление Данди было делом людей генерала Марулы, остальная часть бурских сил тем временем перемещались к востоку и к западу от города, преследуя английский гарнизон, который отступал к Ледисмиту.

В тот же день Марула сумела убедить своих людей возобновлять наступление, и его отряд отправился дальше, но двадцать человек из нашего коммандо были наугад выбраны им, чтобы остаться в тылу и предотвращать дальнейшие грабежи. Случайно ему на глаза попался и я и тоже был включен в этот отряд.

Старина, вероятно, подумал, что оказал мне добрую услугу, но я был совсем этому не рад, тем более, что мой брат ушел с остальной частью коммандо. После того, как они ушли, мы поискали вокруг одно из менее поврежденных зданий, поскольку мы понятия не имели, сколько времени нам предстоит здесь оставаться, и решили устроиться с удобствами. К вечеру я снова отправился в английский лагерь, чтобы взглянуть на него еще раз, и, обследуя лагерь, нашел полевой госпиталь, состоявший из нескольких палаток с красным крестом. Одна из палаток была большим шатром для раненных офицеров, и здесь я увидел генерала Пенна Симонса, командующего английскими войсками. Он был смертельно ранен, и медсестры сказали мне, что эту ночь он не переживет. На следующее утро я снова отправился в лагерь и встретил нескольких человек, несущих его тело, завернутое в одеяло, и я сопровождал их туда, где они похоронили его — позади небольшой английской часовни. Теперь, когда коммандо ушло, и нас оставляли в одиночестве, мы могли бы успокоиться и отдохнуть, но в тот же день взъерошенный всадник въехал в город с новостями о беде, которая случилась с йоханнесбуржцами в Эландслаагте. Он был в состоянии большого возбуждения и его сведения были настолько преувеличены (вероятно, для того, чтобы сам он смог оправдать свое присутствие в тылу), что я решил уйти в поисках нашего коммандо, поскольку я понял, что война будет другой, Временно исполняющий обязанности капрал, которого поставили над нами старшим, некий Поль де Виллирс, запретил мне уезжать, поскольку было приказано остаться в

Данди до дальнейших распоряжений, но я через час уехал. Поскольку было уже поздно, когда я отправился в путь, стемнело прежде, чем я успел далеко отъехать, и я провел ночь на станции Гленко, где нашел других беглецов с поля сражения при Эландслаагте, из рассказов которых понял, что это было довольно серьезное дело, в котором мы потеряли два орудия и много людей, убитыми и ранеными, помимо некоторых сотен пленных.

На станции я встретил жену генерала Кока, который командовал Йоханнесбургским коммандо. Он был тяжело ранен и увезен британцами в Ледисмит, и бедная женщина надеялась пройти через их линии, чтобы увидеть его. Как она приехала, чтобы находиться здесь, я не знаю; вероятно, она сопровождала коммандо как жена командант-генерала, но я не знаю, смогла ли она увидеть своего мужа, который умер несколько дней спустя.

Я продолжил путь перед рассветом на следующее утро, ее заплаканное лицо стояло у меня перед глазами, я впервые понял, что приходится испытывать женщинам на войне. Я спускался по проходу Вашбэнк в одиночестве, и, хотя я был плохо знаком с этой местностью, найти дорогу не составило труда, потому что она была разбита копытами тысяч лошадей, которые прошли здесь раньше. В течение двух дней, пока я был в Данди, генерал Жубер переместил всю его армию на юг, и в тот момент стоял лагерь примерно в десяти милях от Ледисмита, куда я и прибыл уже в сумерках. Приблизившись, я увидел тысячи костров, горящих на холмах, поскольку коммандо были растянуты более чем несколько миль, и мне пришлось потратить много времени, чтобы в темноте определить местонахождение людей из Претории. Я наткнулся на генерала Марулу, сидевшего на корточках у костра и, прежде, чем я смог убежать, он увидел меня, и раздраженно спросил, почему я оставил Данди без его разрешения. Я сказал, что я ушел, чтобы помочь ему брать Ледисмит, и, усмехнувшись над моей наглостью, он отослал меня. Когда наконец я нашел мой сотряд, мне сказали, что мой брат отсутствует со вчерашнего дня, что обеспокоило меня, поскольку мы обещали нашему отцу оставаться вместе, насколько это будет возможно.

На следующий день вся наша линия двинулась, и зрелище было замечательным — массы всадников покрывали зеленые склоны холмов, с которых открывался вид на Ледисмит. Англичане стояли в обороне, и, поскольку в течение утра мы не соприкасались с ними, то могли теперь видеть, что они строили форты и укрепления на низких холмиках, окружающих город.

Ни одна из сторон не предприняла никакой попытки

схватиться в тот день, но ночью наши люди заняли Булвану и Ломбаардскоп, две больших возвышенности, и удерживали линию которая проходила вокруг холма Пепворт и горными хребтами, простирающимися к Николсон Нек. Следующий день прошел в подготовке к предстоящему сражению, но я ездил от коммандо к коммандо в бесплодных поисках моего брата.

Столкновение с британцами было неизбежно. Они имели 10 000 — 12 000 человек, включая тех, кто ушел из Данди, и мы имели 14 000 или 15 000, так, чтобы кое-что должно было обязательно произойти.

Той же ночью коммандо Претории заняло подходящую позицию справа от холма Пепворт, где мы лежали до утра, не выпуская оружия из рук, в любой момент ожидая нападения, но солнце взошло, и все оставалось спокойным, из чего мы заключили, что на следующий день что-то произойдет.

К одиннадцати утра Пит Жубер, командант-генерал, и его штаб, прибыли, чтобы поприветствовать нас. Он начал ругать людей за то, что они ограбили соседнюю ферму и настолько увлекся, что забыл сказать нам, зачем же он приезжал. Мы благосклонно приняли его недовольство, но я боюсь, что никто не воспринимал его всерьез. Его штаб в шутку называли «королевская семья», и это было заслуженно. Была история, о бюргере, который увидел, как некий человек отдает приказы всем подряд. Бюргер спросил его, является ли он офицером, тот ответил: «Конечно я — офицер, ведь я — племянник командант-генерала.» Этот рассказ, возможно, был верен, но не для всех членов «королевской семьи» — некоторые из них действительно важничали, и мы не испытывали к ним большой любви, хотя надо честно сказать, что ни один из собственных сыновей командант-генерала не состоял в его штабе, но служил обычным рядовым.

После этого Пит Жубер приказал г. Зидербергу, нашему фельдкорнету, занять нас устройством брустверов по линии холмов впереди наших позиций и все упорно трудились до заката, потому что эту позицию мы должны были удерживать в случае вражеской атаки.

V. Сражение

Когда мужчины возвратились в лагерь тем вечером после окончания работы, меня оставили на аванпосту вместе с семью другими людьми, в том же месте, где мы в течение дня. рыли шанцы.

Холм, который мы занимали, был важной частью бурской позиции. С нашей позиции мы видели равнину, простирающуюся до Ледисмита, а справа просматривалась широкая долина, расположенная между нами и Николсон Нек, большим холмом с плоской вершиной, на ее противоположной стороне.

Все было тихо до трех утра, когда из темноты донесся звук выстрелов, а вслед за тем — крики и топот, но, поскольку через некоторое время шум утих, мы не стали ничего предпринимать. Незадолго до рассвета, когда стало светлеть, снизу прискакали два больших мула, их сбруя волочилась по земле, и, остановив их, мы обнаружили, что один из них вез на спине ствол горной пушки, а другой — снаряды к ней в кожаном сундуке. Они, очевидно, прискакали с британских позиций, и только потом мы узнали, что сильный отряд пехотинцев вышел из Ледисмита, предполагая под покрытием темноты зайти к нам тыл, но что их мулы бросились в паническое бегство, приведя войска в такое расстройство, что вместо достижения своей цели они были вынуждены занять позицию на наших флангах на Николсон Нек, где в течение этого дня, я принял участие в сражении, которое привело к их пленению. «Тем временем взошло солнце, и мы могли теперь рассмотреть англичан на вершине холма Николсон Нек на другой стороне долины. Солдаты работали как муравьи, строя каменные брустверы, и мы могли рассмотреть группу офицеров, стоящих вокруг того, что было похоже на карту окружающей местности, в то время как другие солдаты натягивали брезент на дерево, чтобы сделать навес от солнца. В это время наше коммандо, так же как и другие коммандо по соседству, спокойно стояли приблизительно в 400 ярдах в тылу, скрытые низким горным хребтом, и, хотя тревоги никто не объявлял, мы сделали первые выстрелы в этом сражении.

Расстояние было слишком большим для точной стрельбы, но наш залп произвел свое действие и рассеял офицеров, которые поспешно поднялись наверх, чтобы присоединиться к своим войскам на вершине, где мы больше не могли ничего разглядеть, поскольку все, кто там работал, спрятались, и плато выглядело пустым. Наши выстрелы также были сигналом для других коммандо, в ближайшее время прискакали всадники из других

лагерей, чтобы занять передовой гребень, и в течение двадцати минут уже сотни стрелков собрались перед равниной, ведущей к Ледисмиту.

Что касается англичан на Николсон Нек, коммандо Свободного Государства, получили приказ. подойдя с запада, напасть на них, и к семи часам мы слышали выстрелы с этого направления, но в течение следующего часа, или двух мы ничего не делали, пока высокие столбы пыли не поднялись со стороны Ледисмита, и скоро длинные колонны пехоты оказались на открытой равнине перед нами.

Трансваальские артиллеристы втащили 6-дюймовое орудие Крезо «Длинный Том» на холм Пепворт, милей левее, и установили там также несколько орудий меньшего калибра, и все они теперь открыли огонь по приближающимся войскам. Я ожидал, что снаряды нанесут врагам большие потери, но оказалось, что наши первые выстрелы были пристрелочными, а вражеские колонны успели развернуться, и, вместо опустошения, которое я ожидал, были только облака дыма и воронки в земле, в то время как пехота продолжала двигаться.

И все же зрелище продолжалось.

С того места, где мы находились, все было видно как на ладони: передвижения войск на равнине под нами, пехота, наступающая волна за волной, артиллерийские упряжки, и вся панорама сражения развивалась на наших глазах.

Солдаты, не обращая большого внимания на рвущиеся среди них снаряды, безостановочно двигались вперед, хотя многие из них падали мертвыми и ранеными. В тылу готовились к стрельбе другие батареи. Мы видели конные упряжки, возвращающиеся в тыл, а затем, чтобы прикрыть наступление своих войск, англичане сами открыли артиллерийский огонь и я слышал звук, который никогда не смогу забыть: вой снарядов, летящих на наши головы и рвущихся над нами и среди нас с оглушительным грохотом.

Такого грохота от пушечных выстрелов, разрывов снарядов и тысяч винтовочных выстрелов Южная Африка не слышала никогда ранее. Я испытывал возбуждение в большей степени, чем страх, и, как мне сейчас помнится, был сильно взволнован и вместе с остальными стрелял по англичанам. Наши действия были успешны, и к тому времени, когда англичане приблизились к нашим позициям на двести ярдов, множество их тел покрывало вельд, и наступление приостановилось под градом наших пуль. Они не отступили, но спрятались за термитниками и другими укрытиями. Оттуда они запросили поддержки артиллерии, но все же их наступление было остановлено и в этот день не возобновилось.

Наши потери были невелики, поскольку мы были хорошо укрыты, но батарея на холме Пепворт пострадала намного сильнее. Английские батареи сконцентрировали на холме весь огонь, стремясь ее подавить, и мы видели, что людям на холме приходится несладко, поскольку его вершина была охвачена пламенем и покрыта клубами дыма, а сотрясение земли от разрывов снарядов ощущалось даже на нашей позиции.

В течение нескольких последних дней я не получал от своего брата никаких известий, но сейчас к нам примчался конный артиллерист с сообщением от генерала Марулы, чтобы сообщить, что большинство орудий было повреждено. Я узнал в нем старого знакомого, и, увидев меня, он сказал, что мой брат в тот момент помогал расчету «Длинного Тома» на холме Пепворт. Это известие меня обеспокоило, и я побежал за лошадь, которая стояла вместе с остальными, и поскакал к холму с той скоростью, какая была возможна, невзирая на воронки, снаряды и пули, и достиг подножия холма с безопасной стороны. Там на расстеленном полотне лежало шесть или семь артиллеристов, сильно искалеченных, которых принесли с вершины холма, и Фердинанд Хольз, немецкий военный врач, осматривал других раненых, которых тоже принесли с позиций.

Рядом стоял санитарный фургон — запряженный в него мул был убит и лежал в постромках, несколько санитаров стояли рядом, а погонщики-туземцы убежали. На холме продолжали рваться снаряды — по 20–30 штук зараз, производя страшный грохот. Я привязал свою лошадь под деревом и, осмотрев раненых, убедился, что моего брата среди них нет. Тогда я, перебегая от камня к камню, в секунды, когда стрельба стихала, отправился вверх по склону холма и, наконец, достиг полуразрушенных валов. Здесь я нашел моего брата и выживших артиллеристов, присевших позади стены. Они не могли стрелять под градом шрапнели, который обрушивался на их позицию. Сами орудия под таким огнем почти не пострадали, но стрелять из них было некому, и все они молчали.

Вокруг лежали другие мертвые и раненые, которые также защищали эту позицию. Мне там настолько не понравилось, что я стал убеждать брата вернуться назад, к своему командо. Он, хотя и был сильно потрясен тем, что ему пришлось пережить, отказался, и я должен был признать, что он был прав. В моем присутствии на холме смысла больше не было и я попрощался с ним, и, воспользовавшись перерывом в огне, вернулся к подножию холма. Там я увидел, что доктор Хольз был мертв — он погиб от разрыва снаряда, когда оказывал помощь раненому. В это время прибыл новый санитарный фургон, и я помог грузить

раненых, прежде чем пошел за своей лошадью, которая, к счастью, не пострадала, и поторопился уйти. Наше командо было там же, где я его оставил, и на равнине перед ними ситуация тоже существенно не изменилась. Английские войска не показали никаких признаков продвижения, и наши командо лежали в бездействии, в то время как стрельба шла вдалеке, исход сражения решался в артиллерийском поединке. Только справа, от Николсон Нек, мы слышали непрерывную стрельбу из винтовок — это буры из Оранжевой республики перестреливались с англичанами, которые ночью вышли из Ледисмита.

Наш капрал, Айзек Малэрб, предложил некоторым из нас вместе с ним пересечь долину в направлении к Николсон Нек. За ним последовало примерно с дюжину бойцов — мы, прячась за камнями и деревьями от шрапнели, пробрались к лошадям, и спустились в широкую долину, на противоположной стороне которой возвышался Николсон Нек. Пока мы пересекали долину, по нам стреляли, но подножия холма мы достигли без потерь. Здесь мы обнаружили группу индусов, которые грузили на носилки английских раненых. Наше появление напугало их. Не обращая на них внимания, мы привязали лошадей и начали подниматься на холм, стараясь не попасть на ту его сторону, которая больше обстреливалась. Вершина Николсон Нек — широкое плоское плато, на котором попадают отдельные валуны, и, достигнув ее правой кромки, мы вначале ничего не могли понять. Стреляли винтовки, свистели пули, но никого не было видно. Мы поползли вперед и нашли несколько небольших групп бюргеров из Оранжевой республики, которые стреляли, укрывшись за камнями, и, когда мы присоединились к ним, они сказали, что англичане залегли за такими же укрытиями в тридцати или сорока ярдах от нас.

Обе стороны вели перестрелку на таком небольшом расстоянии, и солдаты в этой дуэли явно проигрывали, потому что для буров такая стрельба была делом привычным. Раз за разом я видел, как солдаты высывались из-за укрытия, чтобы выстрелить, и вслед слышался глухой удар пули, нашедшей свою жертву, и человек падал. Мы тоже стали стрелять, и в течение следующего часа англичане были постепенно отеснены к дальнему краю плато.

Продвигаясь вперед, мы находили мертвых и раненых англичан и поняли, какие потери они понесли: почти за каждым камнем лежал мертвый или раненый англичанин и нам стало ясно, что в ближайшее время мы полностью овладеем холмом.

К полудню, продолжая наступать, мы услышали звук горна, который не смогли заглушить винтовочные выстрелы, и в то же

время англичане подняли белый флаг.

Сотни одетых в хаки фигур поднялись из-за числа камней и направились к нам, волоча за собой винтовки. Мы стояли, ожидая их. Трофеи был хороши, мы захватили 1 100 пленных, главным образом Дублинских Стрелков. Комmando, которое это сделало, было из дистрикта Хелиброн, в северной части Оранжевой Республики. Их командиром был Менц, но главная роль в этом бою досталась фельдкорнету Христиану де Вету, который впоследствии стал прославленным командиром партизанского отряда. Я видел его здесь впервые, поскольку он в течение сражения постоянно перемещался по всему полю боя, чтобы отдать необходимые приказы, и хорошо запомнил его жесткие глаза и острое решительное лицо.

Вскоре после сдачи я говорил с некоторыми из захваченных офицеров, когда услышал, что один из них воскликнул: 'Мой Бог; смотрите туда!' и, повернувшись, мы увидели, что все британские силы, которые выступили против нас тем утром, отступают к Ледисмиту. Большие облака пыли вздымались над вельдом, отмечая движение войск, и их отступление походило скорее на бегство. Англичан было приблизительно 10 000, но генерал Жубер имел пол своим началом намного большее число кавалеристов, и мы были уверены, что он отдаст приказ о преследовании, но, к нашему удивлению, этого не произошло. Я слышал, как да Вет бормотал: «Пустите конных! Пустите конных!», но командант-генерал упустил эту замечательную возможность, что впоследствии дорого нам обошлось.

Судя по тому, в каком порядке отступали англичане, он мог бы выбить их из Ледисмита, возможно, потеряв бы при этом больше людей, чем за время долгой осады, но англичане смогли вернуться в Ледисмит, спасаясь от огня с холма Пепворт, орудия которого снова заговорили, а буры при этом только смотрели на них и не сделали никакой попытки воспользоваться результатами победы.

Когда мы увидели, что войска отступили и никто их не преследовал, наше внимание обратилось к полю битвы на вершине холма. Все пространство было завалено мертвыми и ранеными солдатами, и их крики и стоны вместе с ужасными картинами, которые я здесь видел, часто посещали меня. Хотя в последнее время я часто видел, как убивают, но с тем ужасом, который творился здесь, сравниться ничто не могло. В нашем отряде, у Айзека Малерба, раненых было немного, но буры из Оранжевой Республики потеряли восемь или девять человек убитыми и пятнадцать или двадцать ранеными. Англичане потеряли около двухсот убитыми и многих ранеными. Такое

неравенство потерь объяснялось тем, что в стрельбе англичане не были для нас достойными соперниками. В чем-то другом англичане имели над нами несомненное превосходство, но, что касалось стрельбы, превосходство буров в ней было таким же, как и в 1881 году. Насмотревшись на эти ужасы, мы попрощались с фристатерами, вернулись вниз к своим лошадям и отправились через долину к своему командо, которое находилось там же, где мы его оставили, на горном хребте.

В тот день и еще долго после все обсуждали причины, по которым командант-генерал отказался от преследования англичан. Старый Марула сказал мне, что, когда офицеры стали упрашивать Жубера начать преследование, тот привел в оправдание своих действий старую голландскую поговорку: «Когда Господь протягивает вам палец, не старайтесь взять всю руку», то есть Всемогуций достаточно помог нам в тот день, чтобы и далее полагаться на его благоволение — мудрость, которая, по словам Айзека Малерба, вполне подходила для богослова, но никак не для военного.

Мы не могли еще знать, что ждет нас впереди, и праздновали сражение под Ледисмитом как большую победу, считая, что враг сломлен. Разумеется, это был наш успех, но в конечном итоге для нас было бы лучше, чтобы англичане прорвались через наши позиции — это заставило бы наших лидеров избрать иную стратегию кампании, чем долгая бессмысленная осада.

Если бы буры двинулись к побережью, вместо того, чтобы сидеть вокруг городов, которые не представляли никакой ценности, результат войны, возможно, был бы другим, но они пожертвовали их большим преимуществом — мобильностью, и позволили прекрасным воинам сидеть в осаде, что их деморализовало, в то время как наше единственное спасение было в занятии побережья.

VI. Удачи и промахи

Мы почивали на лаврах в течение нескольких дней, каждое командо на том же месте, которое оно занимало во время сражения.

Ледисмит скоро полностью был осажден; на каждом холме и пригорке заняли позиции стрелки, которых было около десяти тысяч.

Во время этой передышки мы наслаждались отдыхом, и занимались в основном тем, что наблюдали за англичанами, которые строили укрепления в ожидании нашего штурма, и за нашими фуражирами, которые отправлялись в тыл за новыми припасами.

Через некоторое время наше командо получило приказ переместиться и занять холм Белл Коп, который находился прямо перед устрашающего вида английским укреплением, которое выросло здесь за последние несколько дней. Мы выехали однажды перед рассветом, чтобы осмотреть нашу новую позицию, которая должна была стать частью кольца осады и нашим домом на последующее время. Нам предстояло обустроить это место, чтобы сделать его пригодным для жилья. Все соседние фермы были разграблены и из них было увезено все, что можно было использовать для устройства укрытий от непогоды. Мой брат присоединился к нам. Там же нас нашел и слуга-туземец Чарли, который сиял от радости по этому поводу. Он прошел пешком весь путь от трансваальской границы и несколько раз его арестовывали как шпиона, но он все же добился своего. Разумеется, мы встретили его с распростертыми объятьями, потому что смогли переложить на него все самые неприятные обязанности — таскать воду, готовить, следить за лошадьми. Мы же смогли заняться более приятными вещами — стрелять по англичанам и навещать своих знакомых в соседних лагерях.

Жизнь лагеря была приятной. Не было никаких тренировок или парадов и, за исключением ночных караулов периодических поездок к железнодорожному складу, чтобы пополнить наши запасы, не было никаких обязанностей. Наше командо получило большое пополнение, и через некоторое время его численность возросла от одной тысячи до одной тысячи пятисот человек, но дисциплина была слаба, и непрерывный поток бюргеров уезжал домой в самовольный отпуск, так что мы никогда не знали, какой силой мы располагаем в данный момент.

Хотя мы номинально состояли под командой генерала Марулы и его брата, мы редко видели кого-то из них, поскольку

они жили в главном лагере в миле от нас, и мы были предоставлены сами себе.

И Марула и Темный Шум были некомпетентны как лидеры, но они были настоящими мужчинами. Они пожертвовали всем, что имели, и когда, позже, они были покинуты их подчиненными и лишены всей власти, то остались воевать, как рядовые, до самого конца.

Мы привыкали к размеренной жизни, хотя иногда становилось скучно. Условия были неплохими. Наш слуга Чарли доказал свои способности снабженца, и благодаря его экспедициям в холмы среди зулусских краалей, где он общался со своими родственниками из семейства вождя Мошеша, наша кладовая всегда была полна, что было предметом зависти для остальной части лагеря.

Через неделю или две, были розданы палатки, и мой брат и я разделили одну из них с пятью хорошими друзьями из нашего отряда, с которыми мы дружили начиная с отъезда из дома. Это были Чарльз Джепп, мой инспектор, Роберт Реек, Уолтер де Восом, Франк Русо и Сэмюэль ван Зидж, но они были все убиты в ближайшее время.

Атмосфера была такая спокойная, что многие бюргеры пригнали туда со своих ферм запряженные волами фургоны, а к некоторым приехали их жены и семьи. Все это усиливало атмосферу бездеятельности и действовало очень разлагающе.

Однако, сообщения со всех фронтов были хорошими, и мы считали, что все так и должно быть, и наслаждались жизнью, иногда предпринимая небольшие поездки, чтобы посмотреть, как артиллерия обстреливает город.

Раз в неделю мы ходили навестить нашего норвежского дядю Теодора Теселла, который нес службу в коммандо Оранжевой Республики на западной стороне кордона. Он обосновался около реки Вааль за многие годы до этого, и был призван на службу против своего желания, поскольку считал, что мы проиграем. Мне было удивительно смотреть на то, как буры слушают его рассуждения по поводу перспектив войны, но буры — люди терпеливые и добродушные, и мой дядя не имел никаких неприятностей из-за своих высказываний. Однажды, когда мы с ним болтали на холмике, занятом группой бюргеров из Кронстаада за рекой Клип, большой отряд конных англичан приблизился к нам, готовясь на нас напасть или демонстрируя подобное намерение. Их артиллерия открыла огонь, а всадники начали делать вид, что хотят нас атаковать. По тревоге бюргеры выскочили из палаток и открыли такой огонь, что англичане, кружившие вокруг нашего холма, умчались прочь, забрав свои

орудия, и сражение кончилось, не начавшись. Над нами разорвалось несколько снарядов, но, поскольку мы были хорошо защищены, то посчитали, что никто из нас не пострадал, пока не осмотрели позицию и не обнаружили, что рядом с нами три человека было убито, и еще несколько ранено.

В другой раз, когда мой брат и я возвращались от командант-генерала из главного лагеря, куда он нас вызывал, нас застигла темнота и начался сильный дождь. Мы привязали лошадей в небольшой роще и обнаружили рядом запряженный мулом фургон, накрытый холстом. Мы заползли внутрь, пробрались в угол и проспали всю ночь в тепле. Утром, когда мы проснулись, то обнаружили, что нас внимательно рассматривает человек с кружкой кофе в руке. Мы поднялись и объяснили ему, каким образом оказались в его фургоне. Этим человеком был господин Смэтс, государственный прокурор, коллега моего отца по работе в Исполнительном Совете. Здесь он находился по важному делу, и, искренне посмеявшись над нашей наглостью, заказал для нас завтрак и кофе. Впоследствии он стал боевым генералом и почти два года я служил под его командованием

Я также вернул своего маленького басутского пони, которого потерял было около Данди. Я нашел его привязанным к собственному фургону генерала Жубера в главном лагере, и мне пришлось подраться с его ординарцами, прежде, чем я смог перерезать веревку и забрать его. Командант-генерал отсутствовал, и они обещали мне все неприятности, когда он возвратился, но я знал, что для буров право собственности на лошадь почти священо, так что и здесь я вышел победителем.

Когда затем я встретил генерала Жубера и спросил его, как у него оказалась моя лошадь, он сказал, что пони, очевидно, заблудилось и было найдено одним человеком из его штаба; и он держал его больше как домашнее животное.

Британцы время от времени обстреливали наш лагерь, но при первых признаках опасности мы скрывались и весь ущерб сводился к одной-двум пробитым палаткам и нескольким раненым лошадям. Во время одного из обстрелов зацепило и нашего слугу, и потом он с гордостью демонстрировал всем осколок, вынутый из него.

В это время за мной послали, чтобы я мог выступить на суде в Претории свидетелем против человека, которого обвиняли в том, что он украл одежду и деньги, которые мой отец поручил ему передать мне и моему брату. Я поехал туда товарным поездом, и этот человек был посажен в тюрьму. В Претории я провел два дня. Перед возвращением в Наталь я зашел к отцу в его офис, и мы вместе зашли в государственную школу, в которой в тот момент

содержалось много английских пленных офицеров, один из которых просил разрешения поговорить с отцом. Мы прошли мимо часовых и вошли в классную комнату, где тот играл в какую-то игру со своим товарищем. Его имя было Уинстон Черчилль, он был сыном лорда Рэндольфа Черчилля, о котором мне раньше часто приходилось слышать. Он сказал, что был не военным служащим, а военным корреспондентом, и на этом основании просил его освободить. Отец возразил, что при взятии в плен при нем был найден пистолет «Маузер» и, следовательно, он должен оставаться в плену. Черчилль на это возразил, что в Судане все военные корреспонденты носили с собой оружие для самообороны, и это сравнение очень не понравилось моему отцу — он в резкой форме ответил, что буры не имеют привычки убивать мирных граждан. Тогда молодой человек попросил моего отца взять у него несколько статей, которые он написал для английской газеты, и переправить их в Англию через залив Делагоа — в этом, по его словам, не было ничего предосудительного. Тем же вечером отец прочитал эти статьи и сказал, что Черчилль — очень умный молодой человек. Вскоре после этого мы узнали, что пленный перелез стену и сбежал, подробностей я в то время не знал.

Когда я вернулся к Ледисмиту, все продолжались как прежде, и в течение первого месяца осады мы провели только одну операцию. Это была попытка захвата находившегося перед нами форта (мы называли его Красным фортом), который англичане начали строить в первый день осады, за чем мы безучастно наблюдали. Он находился от нас на расстоянии в тысячу сто ярдов и я в свое время провел много времени, стреляя по нему из укрытия.

К концу ноября отряду примерно в триста человек было приказано на рассвете атаковать его.

Наше коммандо в последнее время получило подкрепление, но бойцы это были неважные — в основном бедняки из трущоб Претории, которые попали туда после большой эпидемии среди домашнего скота, бывшей в 1896 году. Жизнь в трущобах сказалась на них не лучшим образом, и их присутствие было для нас источником не силы, а слабости. Отряд для атаки был набран в основном из этих людей, к которым для усиления добавили нескольких человек из отряда Айзека Малерба. Мы вышли из лагеря до рассвета и собрались в сухом русле у подножия Белл Коп. Оттуда мы должны были пересечь тысячу ярдов по открытой местности и на рассвете атаковать Красный форт.

Вследствие различных задержек рассвет наступил прежде, чем мы покинули русло, и солдаты, должно быть, заметили

движение, поскольку они открыли огонь прежде, чем мы смогли начать наступление. Старшим при этом был помощник фельдкорнета де Ягер. Он, хотя и из бедняков, был тем не менее храбрым старым воином, и, даже поняв, что мы обнаружены, приказал нам двигаться вперед. Айзек Малерб и его люди подчинились, но оставшиеся отказались сдвинуться с места, боясь покинуть безопасное убежище. Мы, примерно пятьдесят человек во главе с де Ягером, побежали вперед, спеша пройти опасный простреливаемый участок. Видимость была еще плохой, поэтому мы смогли пройти примерно четыреста ярдов без потерь, пока не достигли небольшой скалы, за которой можно было укрыться, и остановились там, чтобы перевести дух. Поняв, что никто нас не поддержит, де Ягер приказал отступать. Но теперь мы никуда не могли двинуться, потому что солнце уже взошло, и отступать по простреливаемой местности было опасно, поэтому нам не оставалось ничего другого, как провести следующие десять часов в своем укрытии, под палящим солнцем, без пищи и воды.

Англичане из форта не давали нам возможности поднять голову от земли, и мы в своих укрытиях лежали, скорчившись и не имея возможности пошевелиться под градом пуль. Один из наших, Андерсон, был ранен в обе ноги и Роберт Рейнек из нашей палатки отважно перенес его на плечах к руслу ручья; англичане сперва стали по нему стрелять, но, когда поняли, что он помогает раненому товарищу, прекратили огонь и даже позволили ему вернуться обратно к нам без единого выстрела.

Мы провели в жаре и духоте весь остаток дня, желая только, чтобы все это поскорее закончилось, и, когда наступила темнота, отправились по равнине в обратном направлении, обойдясь без дальнейших жертв, хотя по нам продолжали стрелять. Я чудом уцелел; когда мы приближались к руслу ручья, я на секунду остановился, чтобы посмотреть, не был ли кто ранен во время отступления, и в это время пуля чиркнула по моему горлу, словно задев меня горячей кочергой. Я был в большей степени напуган и одновременно испытал радость от того, что пуля не попала в меня, и быстро спрыгнул в русло. Здесь мы утолили жажду из луж, сохранившихся на дне русла, и отправились в лагерь, где обнаружили, что те из нашего отряда, кто за нами не последовал, вернулись в лагерь и смотрели на нас как на дураков, безо всякого сочувствия.

На следующий день после этого дурацкого приключения я пошел на Сурпрайз-Хилл, небольшой изолированный холмик приблизительно в шестистах ярдах справа от нашего лагеря. Здесь была артиллерийская батарея из гаубиц, которые обстреливали город, и я из любопытства часто посещал ее. Этим

утром, когда я возвращался через покрытую кустарником долину, я увидел человека по имени Майк Хэндс, который шел передо мной, ведя лошадь в поводу. Направляясь к нему, я с удивлением увидел, как между деревьями появился высокий английский солдат с винтовкой наготове. Он выстрелил в Хэндса, но попал в лошадь, которая упала, и Майк выстрелил в него. Солдат выронил винтовку и упал на спину: подойдя к нему, я обнаружил, что пуля попала ему в голову. Как он оказался на наших позициях, я не знаю, возможно, он ночью вел разведку и заблудился в темноте.

Жизнь в лагере текла своим чередом. Осажденный гарнизон периодически обстреливал нас, но ничего серьезного не происходило, и основные действия происходили в двадцати милях от нас, где на южном берегу Тугелы английский главнокомандующий генерал Буллер сосредотачивал войска, чтобы попытаться деблокировать Ледисмит.

По слухам, он имел сорок тысяч человек с многочисленной артиллерией. Северный берег реки от моста Колензо до Спионоскопа, протяженностью много миль вверх по течению, защищало примерно пятнадцать тысяч буров из обеих республик. Мы же считали, что вне зависимости от того, что произойдет на Тугеле, осажденные войска ничего не предпримут, поэтому все обязанности по охране лагеря выполнялись спустя рукава.

Днем никакой охраны не было вообще, потому что и без того многие буры обстреливали англичан, а ночью мы, будучи в составе пикета, иногда приближались к английским позициям так близко, что могли слышать, как англичане разговаривают между собой, а иногда и сами что-то в шутку кричали им, но все это нами всерьез не воспринималось.

Мы имели обыкновение идти пешком после наступления темноты отрядами примерно в двадцать человек и, дойдя до нейтральной полосы, посылали двоих вперед на небольшое расстояние; они, собственно, и были часовыми. Остальные тем временем разворачивали одеяла и спали, пока не раздавался сигнал от часовых. На рассвете мы собирались и шли в лагерь, чтобы успеть к утреннему кофе, и никакие инциденты не нарушали этот порядок.

Порядок был нарушен ночью на девятое декабря, когда отряд из двухсот или трехсот англичан вышел из Ледисмита и, дойдя до Ломбаардскопа, повредил «Длинного Тома». Эта позиция находилась в шести или семи милях от нас, так что мы ничего не слышали до следующего утра, но, когда мы это узнали, то поняли, что прежняя приятная жизнь ушла в прошлое.

Наши опасения имели под собой серьезное основание.

Следующей ночью Айзек Малерб должен был выдвинуть свой отряд к обычному месту на равнине. Нас собралось только двенадцать человек, остальные были посланы к железной дороге, чтобы привезти припасы, и, поскольку они до нашего ухода не вернулись, эта богатая событиями ночь началась без них.

VII. Стычка при Сурпрайз-Хилл

Два других отряда выполняли приказы одновременно с нами. Один, которым командовал капрал Тоссель, бывший полицейский детектив, был отправлен к подножию Сурпрайз-Хилл, маршрут другого проходил слева от нас. Мой брат, я и Сэмюэль ван Зидж были единственными жителями нашей палатки, которые были там, другие четверо были среди тех, кто ушел за припасами. Идя в темноте позади Айзека Малерба, мы обсуждали нападение на Ломбаардскоп предыдущей ночью, и я помню, что бедный Сэмюэль надеялся, что наша очередь не настанет. Но наша очередь настала. Когда мы достигли обычного места остановки, двух мужчин пошли, как обычно, вперед, а остальные остались. Я должен был пойти в пикет в час ночи. Около половины первого я проснулся, и, решив, что снова засыпать уже не стоит, лежал на одеяле, глядя на звезды.

Через некоторое время я отчетливо услышал приглушенный звук шагов многих людей в направлении Сурпрайз-Хилл, поэтому я встал и пошел к этим двум часовым, чтобы посоветоваться с ними. Оказалось, что они также услышали шум, и мы трое прислушивались несколько секунд. Разумеется, это были люди, поднимающиеся на холм. Мы подумали, что люди капрала Тоссея чего-то испугались и заняли склон холма, на котором стояли гаубицы. Это заблуждение было рассеяно внезапно начавшейся на вершине холма стрельбой, сопровождаемой дикими криками, и мы поняли, что это были англичане. Мы нерешительно стояли, наблюдая за вспышками выстрелов, которые освещали вершину холма, когда темнота была разорвана огромной вспышкой, сопровождаемой страшным грохотом, и мы поняли, что наша гаубица взлетела на воздух. Двое часовых и я помчались назад туда, где наш отряд был уже на ногах. Айзек Малерб теперь показал, из чего он был сделан. Без малейшего колебания он пошел к самому опасному месту, ориентируюсь на крики англичан и вспышки выстрелов. Его намерение было в том, чтобы соединиться с отрядом Тоссея, если бы он смог найти его, а затем преградить англичанам путь к возвращению в Ледисмит и задержать их до тех пор, пока всё коммандо Претории не прибудет из лагеря, и таким образом уничтожить или захватить диверсантов.

Оказалось, что отряд Тоссея убежал, узнав о появлении англичан. Они не только дали им беспрепятственно пройти, но даже не сделали предупредительного выстрела, чтобы дать сигнал находящимся выше, которые были застигнуты врасплох и

все переколоты штыками. А что касается нашего командо в лагере, оно всю ночь простояло под ружьем, но фельдкорнет Зидерберг отказался рисковать (возможно, справедливо), посылая своих людей в темноту, не зная обстановки. Таким образом мы, двенадцать человек, оказались предоставленными сами себе.

Приблизившись к холму, мы по крикам и выстрелам поняли, что основные силы нападающих находятся на вершине холма, но между вершиной и подножием англичане оставили цепь пикетов, которые должны были предупреждать их об опасности. Скоро мы столкнулись с одним из них. Мы были еще довольно далеко от холма, когда мы с Айзеком услышали: «Стой! Кто идет»? Часовой был в нескольких шагах от нас, и мы одновременно выстрелили и побежали вперед. Мы нашли мертвого солдата (утром, разглядев его знаки, мы поняли что это сержант), остальные часовые из этого пикета разбежались в ночной темноте.

Мы продвигались осторожно, и скоро столкнулись еще раз с другой и более сильной группой. стороной{партией} арьергарда. Нас снова окликнули, а потом открыли по нам сильный огонь, и мы спрятались в сухом русле ручья у подножия Сурпрайз-Хилл. Оттуда мы открыли ответный огонь, пока англичане не отступили, и один за другим пошли по руслу, чтобы найти удобную позицию против англичан, которые начнут спускаться с холма.

В это время солдат, лежавший в скрывающей его высокой траве на берегу ручья выше нас, вскинул винтовку и выстрелил в нас. решительно в нас. Мой сосед по палатке, фургон Сэмюэль ван Зидж, шел прямо передо мной, и я держал руку на его плече, чтобы не споткнуться на неровной дороге. Пуля ударила его прямо в горло, и расстояние до стрелявшего было так мало, что пламя от выстрела опалило его лицо и подожгло бороду, которая на мгновение вспыхнула, как спичка. Он пошатнулся, а потом упал. Он был еще жив, но по его тяжелому дыханию я понял, что он тяжело ранен. Я постарался устроить его поудобнее, положил одеяло ему под голову и побежал дальше, чтобы соединиться с остальными. К тому времени войска уже спускались с Сурпрайз-Хилл и шли они как раз на нас. Офицеры свистели и кричали: «Группа А, сюда! Группа Б, ко мне!» чтобы собрать своих людей. Они, очевидно, не догадывались, что дорога может быть перекрыта, поскольку не делали никаких попыток скрыть свое передвижение. Они смеялись, кричали, зажигали спички, чтобы прикурить — все это говорило о том, что они не ожидали никаких неприятностей.

В это время Айзек выбрал подходящее место на берегу русла, и здесь мы присели — лицом к холму, спиной к Ледисмиту — и

тихо ждали приближения англичан.

По шуму, который они издавали, мы определили, что их было около трехсот человек, и они спускались прямо к нам. Никаких признаков помощи от Тосселя или нашего коммандо не было. Положение становилось критическим.

Пока солдаты были еще далеко, я быстро сбегал проведать ван Зиджа. Он был еще жив и слабым голосом попросил, чтобы я помог ему повернуться, чтобы ослабить боль, но, когда я поворачивал его, почувствовал, как его тело в моих руках напряглось, а затем обмякло, и, когда я отпустил его, он был мертв. Я поторопился назад, поскольку смех и разговоры были уже рядом. Я оказался на пути огромного солдата (возможно, он таким показался мне в темноте). Он шел вразвалку, держа в руке карабин со штыком, но споткнулся и упал прямо передо мной. Он был в моей власти, потому что мой карабин был нацелен на него, но мне было неприятно убивать его, как собаку, поэтому я приказал ему поднять руки, что он и сделал, оставив винтовку у моих ног. Я приказал ему сесть и не шуметь, и он выполнил приказ с такой готовностью, что я нашел его на том же месте следующим утром, он так же сидел и терпеливо ждал меня, причем его нога была ранена шальной пулей, попавшей в него во время последующих событий. Очевидно, этот солдат оказался впереди основного отряда, потому что, когда я добрался до своих, весь отряд только что достиг подножия холма и приближался к нам.

Айзек прошептал нам, чтобы мы были готовы открыть огонь, и все всматривались в темноту пока, приблизительно в пятнадцати ярдах от нас мы не увидели смутно выделявшуюся темную массу, и затем по команде стали стрелять — залп за залпом в их густые ряды, едва успевая передергивать затворы. После последнего залпа они подумали, что в них по ошибке стреляют свои пикеты. И стали кричать: «Это стрелковая бригада! Не стреляйте!», но ошибка быстро обнаружилась, прозвучала команда «В штыки!», и они пошли на нас, как стена. Хотя нас было мало, наш огонь был такой сильный, что англичане отклонились влево, чтобы перейти ручей ниже, и, хотя мы продолжали стрелять, остановить их мы уже не могли.

Все же несколько солдат, сбившись с пути, наткнулись на нас и были ранены или попали в плен.

Капитан по имени Гео Пэйли оказался там, где мой брат и я, стоя на колене, обстреливали берег, и, поскольку он не остановился, когда мы его окликнули, мы выстрелили и он свалился между нами. В другой раз один из наших мужчин, Ян Латтиг, был схвачен несколькими солдатами в нескольких ярдах

нас, произошла рукопашная драка, в которой ему нанесли удар штыком и еще прикладом по голове. В темноте мы не могли разобрать, что случилось, но когда мы слышали его крик о помощи и подбежали туда, его противники убежали. Мгновение спустя я разглядел трех солдат в русле ручья позади меня и подбежал к ним. Один едва не заколол меня ударом штыка, который прошел между моей рукой и телом, но прежде, чем он мог повторить удар, я свалил его, и они сдались. Один из них был армейским доктором, раненым пулей в ногу, а двое других сказали, что помогали ему. Я приказал им остаться на месте, где и нашел их утром.

Приблизительно в это время мы слышали четыре или пять выстрелов, один за другим, сопровождаемых стонами, в том направлении, где войска все еще пересекали русло, в двадцати или тридцати ярдах. Мы не знали, что это значит этого, и только на рассвете обнаружили, что мы это были предсмертные крики нескольких наших, которые прибыли от лагеря, чтобы помочь нам. Было уже около трех утра и мы почти истратили свои боеприпасы, и нам ничего не оставалось, как только сидеть и смотреть на отходящую в темноте к Ледисмиту колонну англичан.

Когда наконец рассвело, мрачная картина предстала перед нашими глазами. Перед нами, в пределах радиуса меньше чем в двадцать пять ярдов, лежало более шестидесяти мертвых и раненых английских солдат, и проходя среди них, мы нашли тела трех из наших, которых первоначально не было с нами. Двое, исколотые штыками, были мертвы, а третий был при последнем издыхании.

Они были на железнодорожном складе вместе с остальными, и по возвращению благородно попытались пробиться к нам, когда слышали стрельбу. Они почти дошли до нас, но столкнулись с уходящими солдатами, и были заколоты прежде, чем они смогли выстрелить несколько раз. За нашей спиной лежало тело бедного Самюэля ван Зиджа, а рядом сидели пленные, числом около двадцати.

Мертвые, раненые, и пленные — на одиннадцать наших их оказалось больше восьмидесяти, больше семи на каждого.

Наша работа была закончена, и вскоре после восхода солнца г. Зидерберг с большим эскортом приехали, пробравшись через кустарник, чтобы увидеть то, что осталось от нас, и очень удивились тому, что большинство из нас живы.

Мы стояли среди мертвых и раненых солдат, в центре восхищенной толпы, и с этого времени об отряде отважного Айзека Малерба говорили как о лучшем в коммандо (См. «Англо-

бурская война» Конан — Дойля, где он называет меня по имени в связи с этим делом). В «Истории войны» выпущенной «Таймс» об этом говорится так:

Солдаты спускались с Сурпрайз-Хилл. Внезапно у их ног темноту разорвали вспышки выстрелов. Отряд из примерно двадцати преторийцев, в основном молодых адвокатов и служащих, смело заняли склон холма и, невзирая на сильный ответный огонь, заняли позицию поперек склона, чтобы перехватить нападавших, представления о численности которых они, очевидно, не имели.

Не обращая внимания на крики буров, солдаты в полном молчании продолжали наступление. Храбрые преторийцы опустошали магазины винтовок в тщетной попытке остановить наступление, и наконец, солдаты прорвались, убив или ранив нескольких человек. Британские потери составили четырнадцать человек убитыми и пятьдесят ранеными — отнюдь не чрезмерная плата за столь успешный рейд».

VIII. Посещение позиций на Тугеле. Трагедия при Красном Форте

Спустя несколько дней после стычки на Сурпрайз-Хилл мы однажды утром проснулись от грохота отдаленной канонады со стороны реки Тугелы. Все лагеря вокруг Ледисмита были встревожены, так как было получено сообщение о том, что генерал Буллер предпринял долгожданную попытку прорваться на помощь Ледисмиту. Некоторое время никаких известий не поступало, и только на закате стало известно, что британцы с большими потерями отбиты и у них захвачено много оружия.

Вместе с новостью об успехе в Колензо прибыли известия о победах на других фронтах. Пит Кронье одержал в Магерсфонтейне победу над генералом Уочипом, который был убит, а генерала Гатакра побили в Колесберге. Эти новости вызвали всеобщую радость и лишь немногие среди нас сомневались в том, что вскоре будет подписан мир, как это произошло в 1881 году после сражения на Маюбе.

На сей раз, однако, все было по-другому, и британцы были настроены более решительно, но все же мы с полной уверенностью ожидали начала мирных переговоров и сдачи Ледисмита — событий, которые, по нашему убеждению, могли произойти в любой момент, и жизнь лагеря снова вошла в привычную колею.

На Рождество другой наш дядя, Ян Мулдер, навестил нас. Он был голландец по крови и бродягой по своей натуре. Он занимал разные посты, принимал участие во многих войнах с туземцами и к моменту начала войны служил регистратором верховного суда в Свазиленде. После начала войны он добровольцем пошел в полицию Свазиленда, в составе которой и служил сейчас на Тугеле.

Я давно хотел увидеть построенные там укрепления, о которых мы много слышали, поэтому сопровождал его туда, когда два дня спустя он возвращался назад.

Мы оставили лагерь на рассвете и поехали вокруг восточной окраины Ледисмита, посещая попутные лагеря, чтобы передохнуть или перекусить, и через четыре дня достигли Тугелы в районе Колензо. Бурская оборонительная линия располагалась приблизительно по цепочке холмов на северном берегу реки, хотя некоторые окопы были отрыты перед холмами или на самом берегу реки. В одной из этих траншей мы нашли Полицию Свазиленда, небольшой отряд примерно в сто человек.

Британская армия находилась за рекой, где большие палаточные лагеря занимали часть равнины. Судя по количеству палаток, там находилось около сорока тысяч человек. Я несколько раз проехал вдоль линии обороны, и, поскольку обстановка была спокойной, один раз мы небольшим отрядом даже пересекли реку и отправились посмотреть то место, где в недавнем сражении было захвачено английское орудие и убит сын лорда Робертса. Там сейчас лежали только лошадиные трупы и сломанные винтовки, и, поскольку англичане выстрелили по нам шрапнелью, мы поспешили вернуться на свой берег.

Нашу траншею периодически обстреливали шестидесятифунтовые корабельные орудия, батарея которых располагалась в Чивили, в семи милях от нас. Хотя некоторые снаряды падали совсем рядом с нами, они не наносили нам никакого ущерба. Здесь я впервые познакомился с лиддитом — недавно изобретенной взрывчаткой, которая взрывалась с ужасным шумом, испуская желто-зеленый дым, который вызывал резь в горле и груди. Я читал о том, как это вещество действовало на дервишей при Омдурмане, и английские газеты предсказывали столь же ужасные результаты и для нас; но буры быстро научились не бояться их и называли эти снаряды «маленькие черномазые (klien kafferokies)». Всякий раз, когда начинался обстрел, раздавался крик: «Внимание- маленький черномазый», и все ныряли в укрытия из мешков с песком.

Я встретил Новый год (1900) вместе со свазилендцами, которые пели гимны в честь праздника, а три дня спустя я сказал моему дяде до свидания и отправился домой.

На сей раз я поехал вокруг западной границы Ледисмита, чтобы посетить коммандо из Оранжевой республики, охранявших ту сторону кордона, поскольку у меня там было много друзей и знакомых, и, проведя среди них целый день, я так рассчитал свой маршрут, чтобы достигнуть лагеря в Кроонстад перед закатом, поскольку я желал переночевать у моего норвежского дяди. Когда я встретил его, он был готов сопровождать пикет на равнину в сторону английских линий. Его приготовления к исполнению служебных обязанностей были необычны, поскольку он взял с собой запряженную быками повозку, на которую сложил перину, одеяло и подушку, и, когда основная часть пикета после наступления темноты отбыла на свой пост, он предложил мне оставить мою чалую в лагере, и мы с ним отправились туда, где этой ночью был его пост. От этого места до английских аванпостов было не более четырехсот ярдов, но моего дядю это совершенно не смущало. Он распряг быков, привязал их к колесам повозки и дал одному из молодых ребят полкроны, чтобы

тот подежурил за него. Сам он расстелил постель и захрапел так, что англичане вполне могли его слышать. Я лег вместе с ним, и мы проспали всю ночь, проснувшись незадолго до рассвета, чтобы успеть собрать вещи и покинуть пост, пока не станет светло. Весь тот день я провел с кроонстадцами и даже был на военном совете. В течение многих недель шли разговоры о занятии силами Оранжевой республики отдельно стоящего холма, который назывался Вагон-Хилл и считался ключом к оборонительным позициям Ледисмита. Мы так много об этом слышали, что перестали в это верить, на сей раз, кажется, все было серьезно, и командиры вместе с фельдкорнетами из соседних лагерей прибыли на этот совет. Здесь я узнал, что было решено штурмовать холм в течение следующего одного-двух дней. Говорилось, что Пит Жубер устал ждать капитуляции гарнизона Ледисмита и ожидал, что захват этой позиции решит дело. Этот холм я хорошо знал и сомневался в том, что эта операция принесет успех, но буры были настроены на атаку.

Следующим утром я пересек Клип-Ривер и через Николсон-Нек вернулся в лагерь преторийцев, все время думая о том, будет ли предпринята эта атака. Когда я прибыл, мне сказали, что это дело решенное и атака начнется следующим утром, причем четыреста человек из нашего коммандо должны будут атаковать уже знакомый нам Красный форт, чтобы отвлечь внимание англичан, в то время как фристатеры атакуют Вагон-Хилл.

Наш отряд должен был принять участие в этой атаке, и Айзек Малерб уже дал необходимые распоряжения.

В 3:00 утра 6-ого января прозвучал сигнальный свисток, и скоро мы вышли пешими, под командованием фельдкорнета г. Зидерберга и его помощника де Ягера. Мы собрались в сухом русле того же самого ручья ниже Беллес-Коп, откуда началась и наша предыдущая неудачная экспедиция. Наш опыт был неудачен, но сейчас мы, имея такую силу, надеялись на успех.

Однако, почти половина нашего отряда имела иное мнение, и когда, незадолго до восхода солнца, оба фельдкорнета пошли вперед, приблизительно двести человек пошли за ними, а остальные отказались. На споры времени не было, поэтому мы оставили отказавшихся и сами пошли к вражеским позициям. Было еще темно, и мы, невидимые врагу, шли вперед, пока не дошли до той самой скалы на полпути к форту, за которой провели ужасные часы во время прошлой попытки атаковать шесть недель назад. Тут англичане заметили нас, хотя рассвет только занимался, и открыли по нам сильный огонь. Это остановило нас, и в течение некоторого времени мы не знали, идти нам вперед или отступить. Фельдкорнеты сами не знали,

что делать, но, пока они спорили, вмешался человек по имени Виллемс. Он был из отряда личных телохранителей президента Крюгера — красивый высокий мужчина в полицейской униформе. Мы его не знали, поскольку в лагере он оказался случайно — навещал родственника и, услышав о предполагаемой атаке, вызвался добровольцем. Он красноречиво обратился к нам с призывом атаковать форт. Около соседнего холма была построена небольшая железнодорожная насыпь, прямо за железнодорожной веткой на Гаррисмит, и, кроме нее, другого укрытия не было. До него было примерно четыреста ярдов, но еще не рассвело, и мы прошли туда, потеряв только одного человека. Оттуда можно было атаковать форт, но, поскольку за насыпью было безопасно, люди решили залечь за ней и перевести дух. Задержка стала роковой — светало, и мы потеряли свое преимущество, поэтому остались на месте, вместо того, чтобы наступать.»

Мы были теперь настолько близко от стен форта, что могли видеть дула винтовок защитников форта, когда они через амбразуры стреляли в нас. В стороне стоял еще один отряд солдат, которые ждали нашей атаки, чтобы отразить ее, над бруствером мы видели блеск их штыков, что давало нам дальнейшую пищу для размышлений.

Спустя некоторое время Айзек Малерб, мой брат, и еще несколько человек переползли железную дорогу и поднялись по насыпи, стараясь прятаться за большими булыжниками, которые остались на ней и могли дать хорошее укрытие для стрельбы. Отсюда до форта было всего около 25 ярдов. Намерение наше состояло в том, чтобы стрелять по амбразурам и таким образом прикрыть нашу атаку, когда она начнется по приказу фельдкорнетов. Поскольку мы сильно удалились от основного отряда, отрезанного теперь от нас железнодорожной насыпью, связи с ним у нас не было, хотя мы поминутно оглядывались, ожидая сигнала, который нам подадут. Мы уже стали думать, что атаки не будет, как вдруг услышали крик и увидели, как Виллемс, за которым бежало примерно пятнадцать человек, выскочил из-за насыпи. Мы решили их поддержать, но раньше чем мы поднялись, атакующие были уничтожены. Из амбразур был сделан всего один залп и мы увидели, как все упали, и поднялся потом только один. Остальные были ранены или мертвы, или не могли подняться из укрытия.

Наш отряд избежал таких потерь, потому что не был на линии огня и мы смогли спрятаться быстрее, чем солдаты обратили на нас свое внимание, но все же и у нас были жертвы. Франк Роос, мой сосед по палатке, упал замертво с пулей в сердце. Человек, который остался стоять под огнем врага, был

Виллемс. Он бесстрашно дошел до форта и попробовал измерить толщину стены. Его пытались заколоть штыками, которые он отбивал своей винтовкой, пока в него не выстрелили из револьвера. Он опустился и остался сидеть, опираясь на стену, положив голову на колени и раскачиваясь из стороны в сторону, словно от сильной боли, пока другая пуля не попала в него, потому что он резко, как от толчка, упал лицом вперед. Все это произошло так быстро, что мы просто растерялись.

Виллемс и еще шесть человек из его отряда были мертвы, остальные прятались за укрытиями. Некоторые из них были ранены и пытались перевязать раны, стараясь в то же время не высовываться из-за укрытия. Смотреть на них было больно, но помочь мы им ничем не могли — под таким огнем это было бы самоубийственно.

Мы не знали, зачем была предпринята эта вылазка, и, прождав некоторое время, поняли, что дальнейших попыток атаковать форт не будет; тогда мы поодиночке пересекли железнодорожную линию в обратном направлении и снова оказались позади насыпи вместе с остальными. Зидерберг сказал нам, что вылазка была сделана без его приказа, Виллемс и его люди перешли насыпь прежде, чем он смог их остановить, что и привело их к столь печальному концу.»

Для нас не оставалось ничего иного, кроме как повторить предыдущий опыт, и оставаться на месте, пока темнота не позволит нам уйти незамеченными. Повторить атаку после того, что произошло, было нереально, а уйти средь бела дня через тысячу ярдов простреливаемого вельда — невозможно.

Еще не было восьми утра, когда мы услышали оружейную канонаду и стрельбу из винтовок со стороны Вагон-Хилл, который был от нас в трех-четыре милях, где началось основное сражение. Как были дела у фристатеров, мы не знали, поскольку никакой связи с ними не имели, но предполагали, что, судя по усилению стрельбы, сражение было упорным. Мы же ничего не могли сделать и сидели в своем укрытии, как крысы в норе. Мы могли лишь изредка выстрелить по форту и с тоской смотреть назад, где находились преторийцы, которым хорошо было видно наше бедственное положение.

Время тянулось медленно, солнце сверкало невыносимо, и раненые стонали и кричали, прося воды, которой ни у кого из них не было. Переползая за насыпь, мы смогли перетащить к себе тех, кто был ближе к нам. Во время этого занятия я рассмотрел убитых. Одним из них был помощник фельдкорнета де Ягер, остальных я раньше встречал в лагере, но знаком с ними не был. Чтобы скоротать время, я стал читать старую газету, которую

таскал в кармане, и иногда дремал. Эти действия имели неожиданный результат — когда я разворачивал газету, те, кто наблюдал за нами из тыла, подумал, что это белый флаг, и кто-то нетерпеливый побежал по лагерю, крича о том, что мы сдаемся. Прежде, чем нашли полевой бинокль, что позволило опровергнуть этот слух, весь лагерь знал, что нас увели в Ледисмит.

Так прошел этот день. Мы лежали, ожидая темноты, иногда стреляли по амбразурам. Все время мы слышали звуки сражения на Вагон-Хилл. Перестрелка то усиливалась, то затихала, чтобы через некоторое время начаться с новой силой. Состояние наших раненых ухудшалось — у них начинался жар, а мы ничем не могли им помочь. Нам было нечего пить, а видеть, как они просят воды, было выше наших сил, поэтому мы отворачивались и делали вид, что не замечаем их.

Около пяти пополудни к нам пришла неожиданная помощь. Совершенно неожиданно, когда ничего этого не предвещало, небо вдруг покрылось черными тучами, и начался сильнейший ливень из тех, которые я помню. В вельде сразу началось наводнение. Гром и шум дождя оглушали нас. Мы не могли выдержать этого дольше нескольких минут и, оставив мертвых и раненых, вслепую отправились в лагерь, до которого было около мили.

Там тоже царил беспорядок. Палатки снесло, и все наши вещи разнесло потоками воды на пространстве в милю. Огонь разжечь мы не могли, и провели целую ночь, дрожа от холода. Нам не давала покоя мысль о том, что мы оставили без помощи наших раненых, а утром нам в довершение этого сказали, что фристатерам не удалось захватить Вагон-Хилл, а из потери составили триста человек.

В течение дня наши мертвые были привезены в фургоне под белым флагом.

Мы отнесли бедного Франка Рооса к нашей палатке, и второй раз за три недели мои товарищи, и я сидели над телом нашего друга, гадая, кто же из нас будет следующим.

IX. Сражение при Спионоскопе

Приблизительно неделю спустя г. Зидерберг сказал мне, что я могу на две недели съездить в Преторию, и я, оставив брата следить за лошадьми, отправился на север в товарном поезде и, проведя три дня в вагоне вместе с овцами, прибыл домой. Отец не знал заранее о моем приезде, и, хотя он очень тепло меня принял, стал настаивать на моем возвращении, потому что, по его словам, англичане готовили новое наступление на Тугеле и мое место было в Натале. Я сказал, что, по мнению всех буров, серьезных действий больше не будет, но отец, тряхнув головой, сказал, что ему очень жаль, но он не может разделить наш оптимизм.

Я был разочарован, поскольку с нетерпением ожидал насладиться домашней жизнью и хорошей едой, но отец настаивал на своем, и я на второй день уехал обратно.

Я достиг нашего лагеря у Ледисмита 23-го января (1900), и оказалось, что там набирают добровольцев, чтобы отправиться к Тугеле. Я услышал, что генерал Буллер переместил английскую армию на двадцать пять миль вверх по течению от Колензо и готовится к крупному наступлению у Спионоскопа (Холм Наблюдения), который был частью бурской линии на северном берегу Тугелы. Они уже делали такие попытки в разных пунктах, чтобы найти слабое место в бурской обороне, и я понял, что отец был прав — ситуация была критической и требовались подкрепления от всех командо, располагавшихся вокруг Ледисмита.

От нашего командо требовалось пятьдесят добровольцев, причем вызвалось втрое больше, Фельдкорнет выбрал Айзека Малерба, нас с братом и трех наших соседей по палатке — Чарльза Джемпа, де Воса и Хейнекле, и еще нескольких из нашего отряда

Мы отправились через час после моего возвращения из Претории, уже после наступления темноты пересекли Клип-Ривер, и, двигаясь всю ночь на запад, к рассвету достигли Спионоскопа. Уже во время движения мы слышали звук канонады, который не смолкал ни на минуту, хотя для нас это опасности не представляло, поскольку мы были еще далеко.

После короткой остановки, чтобы наши лошади смогли отдохнуть, а мы — приготовить завтрак, нам показали вершину крутого горного хребта, проходящего справа на расстоянии мили, где мы должны были вырыть запасную траншею. Нас от самого Ледисмита сопровождал запряженный мулом фургон, на который были погружены боеприпасы, провизия, кирки и лопаты, и вот с

этим непривычным инструментом мы и стали подниматься на склон.

Когда мы проработали некоторое время, фельдкорнет Зидерберг, который всегда очень тепло к нам относился, сказал, что, поскольку я был самым молодым, мне не нужно больше копать и я могу спуститься вниз к тому месту, где у нас был привал. Не очень охотно я дошел до того места, где была моя лошадь, и стал смотреть, что происходило на передовых позициях, который были не видны с того места, где мы копали траншеи.

С самого восхода солнца не прекращалась канонада и стрельба из винтовок, и сейчас, когда я был свободен, решил подойти поближе к огневому рубежу. По мере приближения стрельба становилась громче, и скоро я достиг места, с которого мог видеть линию фронта, проходившую по краю соседней возвышенности.

Черные клубы пыли и дыма от разрывов снарядов и картечи, посланных с другого берега Тугелы, висели над позициями. Судя по шуму, сражение было в самом разгаре, и я поспешил найти безопасное место. Зрелище отсюда было прекрасным. Равнина подо мной была перерезана Тугелой, сияющей на солнце, и противоположный её берег был весь покрыт английской пехотой и кавалерией. Над лесистыми холмами вдаль сверкали вспышки английских орудий, и я задал себе вопрос — почему я совершил такую глупость, что оказался здесь?

В течение предыдущих дней англичане захватили несколько плацдармов на нашей стороне реки, и их отряды занимали несколько ближайших к реке холмов и хребтов, которые они смогли занять. Буры, вынужденные отступить, заняли соседние хребты и высоты, укрепили их и теперь сопротивлялись дальнейшему продвижению врага, позиции которого теперь находились в нескольких сотнях ярдов от нас.

В этом месте позиции удерживали буры из Оранжевой Республики, а ниже по течению — трансваальцы. Всего буров было десять или двенадцать тысяч человек, и они занимали позицию, в центре которой находился Спionoскоп. Они вели лишь слабый ответный огонь, экономя боеприпасы, и наша артиллерия по той же причине молчала, хотя по нам стреляло около двухсот орудий — позже я слышал, что это была самая большая концентрация артиллерии за всю историю войн.

Жертвы были значительны, и я сам видел некоторых людей, жутко искалеченных, включая отца и сына из Франкфуртского коммандо, которые были разорваны на части снарядом из гаубицы, их винтовки тем же взрывом были отброшены далеко за

наши позиции.

Это был очень тяжелый день. Мало того, что был ужасно видящих столько убитых и искалеченных людей, но к этому добавлялась постоянная опасность самому стать жертвой очередного снаряда.

Казалось, что этот обстрел указывал место предстоящего наступления, и мы все время ждали перерыва в стрельбе и начала атаки, но, как оказалось, это был лишь отвлекающий маневр, и нападение планировалось после полуночи совсем в другом месте.

Я имел право оставить свою позицию, поскольку мой отряд располагался в тылу, но я не стал уходить, и оставался там, пока все не утихло к закату, когда я мог возвратиться, не потеряв лица. Я нашел добровольцев из Претории, там же, где я оставил их, копающими траншеи тем утром. Они, должно быть, поработали хорошо, поскольку закончили весьма длинную траншею.

Я присоединился к Айзеку Малербу и другим, сидящим вокруг костров, готовящих ужин, и, наблюдая за тем, как небо над Дракенсбергом становилось все темнее, болтал в течение этого тихого часа с мужчинами, большинству из которых следующим утром было суждено умереть. Фельдкорнет Зидерберг приказал мне спуститься с ним к фургону, в котором были наши запасы. Он сказал, что хочет провести там ночь, и ему нужен связной, чтобы в случае чего доставить к окопам его распоряжение, и он надеется на мои быстрые ноги.

Когда мы добрались до места, для него была разбита палатка, которую он разрешил мне разделить с ним, и скоро я уснул. Ночью шел дождь, иногда прекращавшийся, и в три утра мы были разбужены винтовочной стрельбой со Спionoскопа. Мы прислушались, но, поскольку ничего не могли сделать в темноте под дождем, а стрельба вскоре утихла, мы снова уснули.

На восходе снова началась канонада и винтовочная стрельба по тому же фронту, что и вчера, но, поскольку все это было лишь повторением вчерашнего, мы с Зидербергом не были сильно встревожены и продолжали сидеть под защитой фургона, потягивая утренний кофе, пока над нашими головами свистели шальные пули.

Пока мы завтракали, один из наших преторийцев прискакал с сообщением от Айзека Малерба чтобы сказать, что британцы ночью предприняли атаку и захватили Спionoскоп. Это было очень серьезно, поскольку, если бы холм пал — вся линия обороны по Тугеле пала бы вслед за ним, и мы с трудом заставили себя поверить в эту новость. Гонец, однако, уверил нас, что это было так, но он сказал, что сильный отряд бюргеров собирался ниже холма и что Айзек Малерб поехал вниз короткой

дорогой вместе со всеми, кто был с ним, поэтому мы крикнули погонщикам, чтобы они навьючили наших лошадей, и, взяв сколько можно было боеприпасов из фургона, мы последовали за нашим проводником.

Тяжелые снаряды падали там, куда мы шли, но мы не должны были зайти так далеко, и меньше чем через пятнадцать минут достигли основания Спionoскопа. Здесь в длинных рядах стояли сотни оседланных лошадей, и мы стали искать, где остановится.

Бурская контратака началась незадолго до этого. Восемьсот или девятьсот стрелков поднимались вверх по крутой стороне холма под огнем обстреливавших их с небольшой дистанции английских войск, которые утвердились на плоской вершине после внезапного нападения накануне вечером. Многие из наших людей падали, но передовые были уже на расстоянии нескольких ярдов от скалистого края, которым был отмечен гребень холма, и солдаты поднимались из-за своих укрытий, чтобы встретить атакующих. На мгновение или два бойцы сошлись в беспорядочном рукопашном бою, когда воюющие стороны сконцентрировались по краю плато уже вне нашей видимости. Очарованные, мы наблюдали за этим, пока наши люди не исчезли из вида, а потом, очнувшись, сошли с лошадей и оставили их отдыхать, а сами пошли вслед за атакующими.

Мертвые и умирающие мужчины лежали по всему склону, и было ясно, что здесь были преторийцы, потому что скоро я нашел тело Джона Малерба, брата нашего капрала, с пулей между глаз; а в нескольких шагах от него — еще двух убитых из нашего коммандо. Дальше я нашел моего соседа по палатке, бедного Роберта Рейнека, убитого выстрелом в голову, и недалеко от него — Л. де Вильера из нашего отряда, тоже мертвого. Еще выше был Криге, еще один из людей Айзека, с пулями в обоих легких, все еще живой, и рядом с ним Уолтер де Вос из моей палатки, раненый в грудь, но бодро улыбнувшийся нам. Кроме преторийцев, было много других убитых и раненых, по большей части бюргеров из Каролины в восточном Трансваале, из которых в основном состоял отряд. Спionoскоп, хотя и крутой, не очень высок с северного склона, где мы поднялись, и нам не потребовалось много времени, чтобы достичь вершины. Здесь мы обнаружили, что наступающие захватили только каменный пояс, который ограничивал край плато, Остальная часть плоской вершины была в руках англичан, лежавших в мелкой траншее позади низкой каменной стены примерно в двадцати ярдах от нас. Оттуда они вели огонь, что делало невозможным дальнейшее продвижение. Было достойно восхищения, что буры смогли добиться такого успеха, атакуя врага по голому склону под таким

сильным огнем, что весь склон был усеян их телами. Я встретил брата, спускающегося вниз и ведущего захваченных солдат и больше не видел его поскольку он имел приказ сопровождать их к Ледисмиту, и никакого дальнейшего участия в сражении он не принимал.

Мы только успели обменяться рукопожатием, и я прошел еще несколько ярдов по направлению к огневому рубежу. В течение короткой задержки я потерял контакт с г. Зидербергом, и когда я спрашивал людей, присевших позади скал, об Айзеке Малербе, то Рэд Дэниел Опперман, офицер коммандо, сказал мне, что он несколькими минутами ранее послал преторийцев в обход, чтобы обстрелять английский фланг. Идя в том направлении, я достиг места, где скальное обнажение обрывалось. Отсюда до начала следующего скального участка было примерно сто ярдов совершенно открытого пространства.

Один из мужчин, находившихся там, сказал мне, что преторийцы незадолго до того проскочили этот промежуток, и теперь они заняли позицию среди камней на другой стороне. Я решил последовать их примеру, но, как только я оставил укрытие, на меня обрушился такой огонь, что я решил не рисковать и остался где был. На полпути к дальним скалам лежал убитый, и, приглядевшись, я узнал в нем Карла Джеппа, моего последнего соседа по палатке. Эту потерю я переживал особенно остро, потому что мы были очень большими друзьями. Внешне он был человеком суровым, но я видел от него много доброго с тех пор, как мы оказались в Натале. Поскольку я не смог добраться до своего капрала, то вернулся к тому месту, где первоначально достиг вершины холма, и занял свое место на огневом рубеже.

В течение моего отсутствия приблизительно пятьдесят солдат сдались в плен, но больше ничего хорошего не было. Мы несли большие потери от огня из английских окопов, находившихся так близко от нас, что до них можно было добросить бисквит, и моральное состояние буров было на пределе. Это понял бы каждый, кто лежал под огнем ли-метфордов, который велся с двадцати ярдов. Потери, которые мы несли, были нам хорошо видны, но мы то время не знали, что своей стрельбой причиняем противнику еще больший ущерб. Наши убитые и раненые лежали среди нас, а английские были скрыты за бруствером, поэтому мы не могли знать, что англичанам приходится еще хуже, чем нам.»

К счастью, к девяти часам ситуация разрядилась, поскольку трансваальские артиллеристы наконец привели в готовность орудие на холме, который был примерно в миле от нас и начали стрелять над нашими головами по войскам, скупившимся на небольшом плато перед нами. Огонь англичан стал меньше и

наши потери также уменьшились. Положение, тем не менее, оставалось тяжелым. Солнце припекало все сильнее, а у нас не было ни еды, ни воды. Вокруг нас было множество убитых и раненых, что производило деморализующее действие. К полудню уныние стало овладевать бурами и порядок поддерживался только волей команданта Оппермана, громкий голос которого мог поддержать любого, в ком он замечал признаки колебания. Если бы не он, все могли бы разбежаться, поскольку поползли слухи, что нас предоставили собственной судьбе. Мы видели, что на равнине под нами собирается большое количество всадников, но до конца дня помощь к нам придти не могла. Я много раз слышал, как старый Рэд Дэниэл кричал, что помощь близка, но, похоже, что сам он в это уже не верил.

Со временем люди стали покидать позицию, и это привело к тому, что к вечеру мы удерживали забрызганный кровью уступ горсткой стрелков. Я тоже хотел уйти, но мысль об Айзеке и других моих друзьях спасла меня от ухода. Ни одна из сторон не делала попыток двинуться вперед, и весь остаток этого ужасного дня обе стороны упорно держались за свои позиции. Сражение не прекращалось, огонь винтовок с малой дистанции продолжался час за часом, потери росли и жара не спадала.»

Утром я был свидетелем странного случая. Рядом со мной находился немец по имени фон Брусевиц. Он был офицером в немецкой армии, но за год до этого он своей саблей проткнул гражданского человека во время драки в берлинском кафе. Это происшествие вызвало большой шум и, чтобы не допустить народного возмущения, император уволил его из армии. Говорят, что слово «брусевитство» до сих пор используется в Германии для обозначения высокомерия офицерской касты. Может быть, поэтому он оказался сейчас на вершине Спиритоскопа, где ему и суждено было погибнуть, поскольку, несмотря на наши уговоры не высываться, он постоянно вставал из-за камней, чтобы выстрелить.

Учитывая близость к нам английских солдат, это было безумием, и, после того как он несколько раз испытал судьбу, неизбежное все же произошло. Я видел, как он снова встал, зажег сигарету, выпустил дым, не обращая внимания на летящие пули, и вслед за тем мы услышали глухой звук и он упал мертвым в нескольких футах от меня, с пулей в голове. Но вскоре повторилось нечто похожее. Снизу приехал старый кафр, который плакал и искал тело своего хозяина. Я советовал ему быть поосторожнее, поскольку он вышел из-за укрытия, чтобы поискать среди убитых, лежащих на открытом месте, но он не послушал и вскоре тоже получил пулю в голову.

Час шел за часом, мы продолжали держаться, стреляя каждый раз, когда из-за камней показывался шлем, и в ответ солдаты стреляли по нам. Мы хотели есть, мучились от жажды и устали; вокруг нас были мертвецы, покрытые роями мух, привлеченных запахом крови. Мы не знали о том, что англичане также несли тяжелые потери, и полагали, что им приходится намного легче, поэтому наше уныние росло по мере того, как удлинялись тени.

Наши люди группами уходили с позиции, открыто бросая вызов Рэду Дэниелу, который был бессилен перед лицом этого группового дезертирства, и когда наконец солнце село, я не думаю, что было нас осталось больше чем шестьдесят человек.

Стемнело очень быстро, стрельба прекратилась и наступила тишина, нарушаемая только редкими выстрелами и стонами раненых. Еще долгое время я оставался на месте, всматриваясь в темноту, враги были так близко от нас, что я мог слышать стоны их раненых и доносившиеся из-за бруствера голоса.

Мои нервы начали сдавать, и скоро мне стало казаться, что я вижу идущие на меня фигуры со штыками. Когда я попробовал найти тех, кто днем был рядом со мной, оказалось, что они ушли.» Почти в панике я оставил свое место и поспешил по краю скал в поисках компании, и к моей огромной радости, услышал грубое 'Wer da?' Это был командант Опперман, который до сих пор оставался на своем месте приблизительно с двумя дюжинами людей. Он сказал мне оставаться около него, и мы оставались здесь до десяти часов, слушая возню и разговоры врага.

Наконец Опперман решил отступить, и мы спустились с холма тем же путем, по которому он поднялся наверх почти за шестнадцать часов до этого. По пути мы постоянно натыкались на трупы. Когда мы спустились, оказалось, что большей части лошадей нет, их забрали те, кому они принадлежали, но наши лошади и принадлежавшие убитым и раненым оставались там же, где мы их оставили на рассвете, без пищи и воды.

Первое необходимое действие состояло в том, чтобы утолить нашу неистовую жажду и напоить лошадей из ближайшего ручья. Потом мы обсудили, что делать дальше. В течение дня большинство раненых было эвакуировано, но оставалось еще несколько в тяжелом состоянии, которых не на чем было вывезти. Они были собраны вместе, и за ними присматривал старик, который при тусклом свете пытался облегчить их страдания. Никакой информации мы получить не могли и не понимали, что делать дальше, не ведая о том, что англичане в этот самый момент уже отступают, спускаясь по своей стороне Спionoскопа. Мы же полагали, что утром увидим отряды англичан, спешащих к Ледисмиту, и буров, покидающих Тугелу.

В то время как мы говорили, г. Зидерберг вышел из темноты. Я терял его из виду в течение почти всего дня, но он все это время был на холме и спустился незадолго до нас. Он не видел никого из отряда Айзека Малерба и остальной части преторийцев, и понятия не имел, что случилось с ними. Еще несколько отставших присоединилось к нам, и мы согласились вести наших лошадей к лагерю каролинцев, который, насколько мы знали, находился недалеко. Мы, осмотрели седельные сумки бесхозных лошадей в поисках еды, а потом двинулись в путь. Достигнув лагеря каролинцев, мы застали из в состоянии полного хаоса. Фургоны грузились и все готовились уходить. Они весь день сражались и приняли на себя главный удар врага, но теперь, когда все кончилось, в лагере началась паника. К счастью, когда первые фургоны тронулись с места и всадники были готовы последовать за ними, раздался топот копыт и в середину лагеря влетел всадник, который стал кричать, чтобы все остановились. Я не мог видеть его лица в темноте, но слышал, что это был Луис Бота, новый командант-генерал, назначенный вместо Пита Жубера, который был серьезно болен. Он обратился к мужчинам с седла, говоря им о позоре, который покрыл бы их, если бы они покинули свои посты в этот час опасности; и столь красноречивым был его призыв, что через несколько минут мужчины ушли в темноту, чтобы повторно занять свои позиции по обеим сторонам Спионоскопа. Я полагаю, что он провел остальную часть ночи, разъезжая от коммандо к коммандо, уговаривая и угрожая, пока не убедил всех возвратиться на позиции, предотвратив таким образом большое бедствие.

Что касается Командира Оппермана и нашей партии, теперь, когда бюргеры Каролины возвращались, мы привели наших лошадей обратно к подножию Спионоскопа и стали ждать там.

Мы проснулись, когда выпала роса, и, пока небо светлело, нетерпеливо смотрели на тусклый контур возвышавшегося над нами холма, на котором не было видно признаков жизни.

Постепенно рассвело, и все еще не было никакого движения. Тогда к нашему чрезвычайному удивлению, мы увидели двух мужчин на вершине, торжествуяюще машущих шляпами и стрелявших в воздух из винтовок. Они были бурами, и их присутствие там было доказательством, что, почти невероятно, поражение обернулось победой — англичане ушли, и холм был все еще нашим.

Оставив лошадей, мы стали подниматься по склону мимо убитых, пока не достигли вчерашнего кровавого выступа. Отсюда мы поспешили к английским брустверам, и нашли их брошенными. На нашей стороне линии борьбы было много жертв,

но более ужасное зрелище предстало нашим глазам позади английских окопов.

В мелких траншеях, где сражались солдаты, они лежали мертвыми один на другом, а в некоторых местах — в три слоя.

Бурская артиллерия произвела особенно ужасные опустошения, и некоторые тела были страшно искалечены. Всего здесь лежало не менее шестисот убитых, и немного нашлось бы полей сражений, где такое количество убитых помещалось бы на столь малом пространстве.

Вскоре после того, как я достиг вершины, Айзек Малерб и остальные преторийцы подошли туда. Они провели ночь где-то ниже холма, и как и мы, они поняли, что англичане ушли. Айзек выглядел мрачным и усталым, опечаленным смертью брата и других наших компаньонов, но был полон гордости за всех нас, потому что с того места, где мы стояли, можно было видеть Тугелу, и мы в полной мере могли оценить значение нашей победы.

Длинные колонны войск и обозов возвращались на южный берег, и всюду британцы отступали с позиций, которые были ими захвачены ранее на этой стороне реки, а облака пыли, поднимавшиеся над дорогой к Колензо, говорили о том, что и вторая решительная попытка генерала Буллера прорвать оборону Тугелы закончилась неудачей. Следующий час или два мы провели, помогая докторам английского Красного Креста унести раненых и похоронить убитых. К этому времени здесь были уже сотни бюргеров, которые днем раньше отступили и находились в соседних холмах и оврагах, ожидая дальнейшего развития событий.

К полудню Айзек Малерб приказал нам собрать убитых преторийцев. Мы в одеялах снесли их вниз и погрузили в фургон, который должен был отвезти их к Ледисмиту, откуда их должны были отправить в Преторию для похорон. Мы двигались позади фургона, который вез все, что осталось от наших друзей, ведя за собой лошадей с пустыми седлами.

Я вернулся к опустевшей палатке, поскольку в течение нескольких недель четыре моих хороших друга погибли, а наш пятый сосед, де Вос, лежал опасно раненый в каком-то лагере под Спionoскопом. Остались только мы с братом, но его послали в Преторию сопровождать пленных, таким образом я был совершенно один, за исключением нашего преданного старого слуги, который единственный мог ободрить меня.

Х. Дела становятся хуже

Некоторое время после нашего успеха при Спидоноскопе мы пребывали в радостном настроении, потому что были уверены в том, что теперь англичане точно пойдут на мирные переговоры. Но время шло, и ничего не менялось.

Действительно, мы слышали о том, что генерал Буллер вернулся в Колензо, чтобы собрать еще большую армию и снова атаковать нас, но мы были уверены, что защитники Тугелы будут держаться не видели никаких признаков тех бедствий, которые должны были скоро настичь нас. Сделав свое дело, мой брат Жубер возвратился из Претории. Он сказал, что их, пришедших прямо с поля боя, встречали как героев и они спешили, чтобы позвать руку президенту Крюгеру — высшая награда, которой они могли быть удостоены.

Он прибыл в лагерь с тремя моими остальными братьями. Самый старший, Хьялмар, которому было двадцать, изучал право в Голландии, когда вспыхнула война, и с трудом добрался до Трансвааля через португальскую территорию. Двое других, Амт и Джек, которым было соответственно шестнадцать и двенадцать, были школьниками, но и они наконец убедили моего отца позволить им пойти на войну. Джек, правда, оставался в лагере только в течение нескольких дней, поскольку старый Марула во время одного из посещений заметил его и приказал, чтобы он был отослан домой, но во всяком случае с этого времени в нашей палатке мы жили вчетвером.

В середине февраля примерно восемьсот всадников были собраны со всех командос, чтобы совершить рейд в Зулуленд. Цели этого предприятия я не знал, но думаю, что это была диверсия, поскольку британцы концентрировали в Колензо большие силы. Двое недавно прибывших братьев уехали на Тугелу, поскольку военная жизнь для них была в диковинку, но мы с Жубером присоединились к колонне, направлявшейся в Зулуленд. Утром мы, снова под командованием Марулы, собрались в ставке командант-генерала у холма Булвана. В течение нескольких дней мы двигались на восток через прекрасную живописную страну, где часто встречались краали местных жителей. Зулусы при встрече не показывали страха перед нами, но и проводников не дали, потому что поддерживали англичан.»

Никаких признаков английских войск мы не видели, и вся эта поездка была для нас отдыхом после напряжения последних недель. К сожалению, продолжалось это недолго, потому что на

пятый день примчался гонец с приказом Маруле срочно возвращаться в Ледисмит.

Мы вернулись той же дорогой, но намного быстрее, и были в лагере на восьмой день после того, как оставили его. Последние два дня пути мы постоянно слышали звуки канонады со стороны Колензо, и, прибыв в лагерь, получили тревожное известие о том, что англичане прорвали нашу оборону и заняли холм Хлангвану, который считался ключом к линии обороны у Тугелы. Снова объявили сбор добровольцев. Двое моих братьев, Арнт и Хьялмар, снова отсутствовали, поэтому оставались только мы с Жубером, и мы присоединились к остальной части отряда Айзека Малерба. Необходимые пятьдесят человек набрались быстро, и в сумерках, на следующий день после нашего возвращения из Зулуленда, мы отправились в экспедицию, откуда не всем суждено было вернуться.»

Мы двигались большую часть ночи в компании с другими отрядами, спешащими к опасной точке. Дальше к нам присоединились маленькие группы людей, едущих в противоположном направлении, которые не делали никакой тайны из того, что оставили позиции на Тугеле, и когда мы приблизились к реке на рассвете, ситуация была критической. Мало того, что Хлангване был захвачен но и все бурские окопы на северном берегу в радиусе нескольких миль, были брошены, и, что было намного более серьезно, в воздухе царил дух уныния, что сильно встревожило нас.

До сих пор все а Натале верили, что скоро наступит мир, но всего за одну ночь настроение изменилось на пессимистическое, и чем дальше мы двигались, тем больше видели свидетельств растущей деморализации.

Сотни мужчин оставляли новую линию, которая была сформирована в холмах позади оставленных траншей. Они рассеивались в тылу, некоторых собирались группами, другие, грузили и увозили в тыл фургоны, и от их разговоров и поведения веяло бедой, поскольку мы, хотя и знали, что Хлангване пал, не знали, что одновременно с этим пал и дух наших людей.

Все выглядело плохо, но не совсем безнадежно, поскольку генерал Бота сформировал новую линию обороны в тылу старой и имел под командованием восемь или девять тысяч человек. Нас встретил один из его офицеров, которые направляли подкрепления к своим участкам. Нам было приказано оставить лошадей под охраной и спуститься по скалистому ущелью, которое вело к Тугеле. С обеих сторон взрывались крупнокалиберные снаряды, начиненные лиддитом, но никто из нас за время пути не пострадал и мы, дойдя до конца ущелья,

оказались в русле сухого ручья, который пересекал открытую равнину и примерно через полторы мили впадал в Тугелу. Это русло проходило вдоль подножия холмов и от того места, где оно выходило из ущелья и до того, где оно изгибалось, было превращено в сектор новой линии обороны. Нам была назначена позиция у верхнего края, недалеко от того места, откуда мы подошли, и мы сразу стали осваиваться, копая для себя отдельные ячейки с помощью ножей и других подручных средств.

Английская пехота была в восьмистах ярдах от нас, приблизительно по линии наших прежних траншей, которые были оставлены за два дня до этого. Отсюда они вели непрерывный обстрел из винтовок, пули которых свистели над нами или впились в землю перед нами.

Они также систематически обстреливали русло из различных орудий, в том числе вели навесной огонь из гаубиц, так что нам приходилось несладко.

Жертв не было из-за того, что берег был высоким, и никто из преторийцев не пострадал, хотя меньше чем через десять минут в мою шляпу попал осколок снаряда, а некоторые были задеты осколками летящих камней от снарядов, взорвавшихся в нижней части русла ручья.

Британцы на нашем участке не атаковали, но позднее тем же утром предприняли попытку овладеть холмами слева от нас, известными как Питерс Хайтс, которые занимало коммандо Бетхала.

Мы видели волны наступающей пехоты, но это было слишком далеко от нас, чтобы мы смогли что-то сделать. Сначала солдаты двигались ровными рядами, но затем их движение замедлилось и мы видели, что те, кто остался в живых, укрылись за скалами и камнями. Они понесли большие потери и стало ясно, что их атака отбита.

В тот день больше ничего не произошло, и ночью тоже было тихо. Ночь прошла спокойно, а утром (26 февраля 1900 года) англичане с белым флагом пришли, чтобы забрать мертвых и раненых.

Мы с братом спустились туда и провели несколько часов, разговаривая с английскими докторами и санитарями.

Возвращаясь к нашим позициям, мы встретили моего дядю, который продолжал служить в полиции Свазиленда. Эта случайная встреча спасла наши жизни. Мой дядя стал уговаривать нас провести с ним день-два. Приняв его предложение, мы зашли к своим, чтобы взять необходимые вещи и предупредить Айзека Малерба об отлучке. Он не возражал, поскольку позиции свазилендцев были рядом и он сказал, что

пришлет на нами при необходимости. Когда мы уходили, он с улыбкой посмотрел на нас и сказал: «Возвращайтесь по первому моему слову, а то как же я буду удерживать этот берег, если вас двоих не будет рядом со мной»? Он вспоминал ночь у Сурпрайз-Хилл, и мы больше не видели живым ни его, ни других бойцов нашего отряда.

Взяв припасы и одеяла, мы пришли к свазилендцам. На рассвете англичане начали сильный артиллерийский обстрел ручья. Целый день снаряды легких и тяжелых орудий падали на нас, а мы продолжали удерживать берег. Шрапнель и лиддит забрали много жертв, и для нас все это было ужасным испытанием.

Несмотря на наше моральное состояние, бомбардировку мы перенесли хорошо. Некоторые отошли в ущелье, но никакого массового дезертирства не было и, когда наступила темнота и бомбардировка стихла, мы прочно удерживали свои позиции после этого тяжелейшего дня. Этот артобстрел был подготовкой к завтрашней атаке и, когда он стих, мы с братом пошли на свои позиции, чтобы присоединиться к своему отряду. В сумраке мы пробирались по руслу ручья, обходя группы бюргеров, стоявших вокруг убитых или раненых товарищей, обсуждая прошедший день, но, когда мы прибыли туда, где накануне были наши товарищи, то никого там не нашли. Нам сказали, что они час назад ушли по ущелью к какому-то другому месту. Мы недоумевали, почему Айзек не послал за нами, но потом решили, что его ординарец нас просто не нашел. Мы расстроились и решили следовать за ними, но прежде заехали к дяде и объявили ему о нашем намерении. Он сказал, что хочет пойти с нами и присоединиться к коммандо Претории, так как давно об этом думал. О своем решении он сообщил фельдкорнету и мы втроем пошли по ущелью. Подниматься по нему в темноте можно было только ощупью, мешало множество камней, но другого пути у нас не было.

Когда наконец мы достигли верхнего края, мы были настолько утомлены от тяжелых грузов, которые мы несли, и был такой маленький шанс на обнаружение нашего отряда в ночной темноте, что мы легли прямо здесь и проспали до рассвета. Когда рассвело, мы забрали у охраны наши седла и пошли к лошадям, которые находились невдалеке. Люди, охранявшие лошадей, сказали нам, что Айзек Малерб со своим отрядом ночью были здесь, а утром отправились к Питерс-Хейтс, которые находились в нескольких милях к востоку, чтобы присоединиться к коммандо Бетхала. Узнав об этом, мы быстро перекусили, оседлали лошадей и отправились, держа путь позади гряды холмов, по

которым проходила бурская линия обороны

Пока мы двигались, начался новый обстрел, сильнее вчерашнего. Когда мы с тыльной стороны приблизились к Питерс-Хейтс, то увидели, что хребет, который занимало бетхальское коммандо вместе с нашим отрядом, объято дымом и пламенем. Мы встревожились. Англичане сконцентрировали на этом участке такой сильный огонь, что почти ничего не было видно из-за клубов дыма и пыли, а грохот стоял такой, что ничего подобного я в жизни более не слышал. Иногда, когда дым рассеивался, мы могли увидеть траншеи, но никого движения в них не было видно, а стрельбы за грохотом канонады мы бы все равно не услышали.

Мы остановились в четырехстах ярдах от подножия холма и не знали, что делать. Идти на холм было самоубийством, не идти — дезертирством. Минуту или две мы обсуждали, что делать, и тут канонада прекратилась и мы услышали стрельбу из маузеров, сопровождаемый появлением англичан по всему горизонту, их штыки сверкали на солнце. Мы услышали крики и вопли сражающихся, видели бойцов, сошедшихся в рукопашной схватке. И тут толпа бюргеров понеслась на нас, не разбирая дороги. Солдаты стреляли в них, многие падали. Нам не оставалось ничего, как только последовать за ними. Из наших преторийцев, которые были на горном хребте, вернулись не все. Они удерживали позицию справа от бетхальцев и там были разбиты. Они стояли до последнего и были заколоты штыками или захвачены в плен. Таким образом нашего отряда не стало — все погибли, вместе с Айзеком Малербом, храбрейшим из людей, но эта смерть в это ужасное время была почти не заметна. Это день был началом конца войне в Натале. Британцы открыли проход, по которому хлынули их войска, и буры начали беспорядочное отступление.

Мы следовали в общем потоке, окруженные большой толпой, все стремились к бродам через Клип-Ривер, и нас спасло то, что англичане не послали конницу для преследования, потому что подходы к бродам были узкими и крутыми, а беспорядок был страшный.

В сумерках мой дядя, мой брат и я сумели переправиться, и поскольку начался дождь, мы заняли пустую палатку позади Ломбаардскопа, стреножили и накормили наших усталых лошадей и сами легли спать. Утром мы продолжили путь к главному лагерю и провели там час или два, наблюдая за тем, как поток отступающих катится к северу.

Мы поняли, что осада с Ледисмита скоро будет снята, и в это же время, пока оставались здесь, узнали, что Кимберли также

освобожден и генерал Кронье в Паарденберге захвачен в плен с четырехтысячной армией, так что мир вокруг нас, казалось, рухнул.

Вид отступающих коммандо производил настолько тяжелое впечатление, что только очень смелый человек мог бы сказать, что война продлится еще два долгих года.

Мы слонялись вокруг опустевшего главного лагеря до полудня, после которого трое из нас в подавленном настроении отправились в лагерь преторийцев, куда прибыли к пяти часам пополудни. Плохие новости о Тугеле опередили нас, и, поскольку не было известно, что мой брат и я убежали, наше неожиданное появление вызвало сенсацию, мужчины бежали к нам со всех сторон, чтобы услышать правду. Мои остальные братья возвратились, и их приняли очень тепло.

К настоящему времени стало достаточно ясно, что осаду больше нельзя продолжать, и все коммандо уже получили приказ оставить позиции вокруг Ледисмита после наступления темноты. Наши фургоны стояли готовые к движению, но в последний момент оказалось, что кто — то сбежал и увел упряжных мулов, поэтому все должно было быть сожжено. К тому же с наступлением темноты начался сильный дождь.

Раскаты грома перекатывались по небу, и мы, стараясь укрыться от бури, промокли до костей, что угнетало наше и без того подавленное настроение. Наконец фельдкорнет Зидеберг дал нам приказ отойти примерно на двадцать миль, к Эладслаагту. Это переход был ужасен — в полной темноте, под ливнем мы навсегда оставили позиции под Ледисмитом.

Маршрут нам никто не оговаривал — просто каждый получал приказ двигаться и дальше действовал по своему усмотрению.

Вначале мы двигались в компании со многими другими, но, поскольку я знал короткий путь через холмы к железнодорожному складу в Моддерспруте, мы с братьями решили пойти туда, чтобы не плестись по раскисшей от дождя земле, и вчетвером вместе с дядей и слугой Чарли отклонились в сторону.

Мы достигли склада через два часа и нашли там убежище до рассвета, после чего двинулись дальше.

Дождь прекратился, и солнце встало, теплое и яркое, но окружающая картина была мрачной. Во всех направлениях равнина была покрыта множеством мужчин, фургонов, артиллерийских упряжек, и все это в полном беспорядке тянулось по вельду. Везде, где дорогу преграждал ручей или овраг, между погонщиками возникали жестокие ссоры — каждый хотел перейти первым, и в результате большое количество фургонов

скапливалось в этих местах так, что их колеса сцеплялись и временами казалось, что все, что на колесах, проще бросить и уходить верхом. Если бы англичане направили на эту толпу хотя бы одно орудие, все это легко досталось бы им, и нам очень повезло, что нас никто не преследовал, а к вечеру все постепенно рассосалось.»

Наш небольшой семейный отряд оставался позади как арьергард, и мы не достигли Эладслаагта до утра. Это место было главным центром снабжения сил, находящихся в Натале, и там оставались огромные запасы, которые теперь должны были достаться врагу. Все это мы сожгли и этот пожар, наверное, был виден на пятьдесят миль вокруг.

К настоящему времени уже прошла большая часть отступления, и на следующий день мы поехали вперед неторопливо, поднимаясь по долине Уошбэнк к Гленко около Данди, которого достигли к следующему вечеру. Здесь собрались остатки почти всех командос, которые были в Натале, но все было в таком беспорядке, что большинство из них продолжило отступать, и вряд ли можно было найти человека, который знал, где находится его начальник и что делать дальше.

Зидерберг, однако, был в Гленко, когда мы добрались туда, и в течение следующих нескольких дней он преуспел в том, что собрал приблизительно триста преторийцев, в то время как людей, прибывших туда или отставших от своих командо, в течение следующей недели или десяти дней там собралось около пяти тысяч.

В это время мои братья и я с нашим дядей существовали тем, что могли награть из поездов на станции, никто за ними не следил, и мы, совершая набеги по ночам, не имели никаких проблем.

Через некоторое время генерал Бота реорганизовал все, и новый оборонительный рубеж был создан по передним склонам Биггарсбергена, и все, кто мог, заняли эти позиции. Нам, преторийцам, было назначено место на плече горы справа от того места, где долина Уошбэнк вливается в равнину ниже неё, и здесь мы лежали, с сожалением смотря на чудесную местность к югу от нас, откуда мы пришли, но все же наслаждались миром и тишиной после напряжения прошедших дней.

XI. Кампания В Свободном Государстве

Английская армия, форсировав Тугелу и освободив Ледисмит, также отдыхала.

Далеко внизу на равнинах появлялись большие лагеря, но за весь март и половину апреля они не предпринимали никаких шагов, и недели проходили без столкновений, за исключением стычки со случайным патрулем, когда мы верхом поднялись на небольшой холм, чтобы понаблюдать за ними с более близкого расстояния.

В то время как в Натале было спокойно, из Оранжевой Республики доходили тревожные слухи. Надежных источников информации не было, но все говорили, что сильная армия лорда Робертса пересекла границу Свободного Государства и движется на Блумфонтейн.

Когда мои братья и я услышали это, мы поняли, что должны пойти в нашу собственную страну. Мы решили сперва пойти в Преторию и оттуда отправиться на юг по железной дороге, поскольку после гибели нашего отряда мы считали себя свободными от обязательств.

За день до предполагаемого отъезда нам приказали принять участие в нападении на английские лагеря, расположенные в Эландслаагте, на полпути к Ледисмиту.

Это очень сомнительное мероприятие должно было быть исполнено тремя тысячами трансваальцев вместе с таким же количеством фристатерров со стороны Дракенсберга. Мы собрались после полуночи у выхода из долины Уошбэнк и достигли холмов Эланслаагта, когда уже стало светать, но мы напрасно искали команду из Свободного Государства.

Коммандант-генерал Свободного Государства Принслоо (тот самый, кто сдался так позорно с тремя тысячами людей несколько месяцев спустя), телеграфировал генералу Боте в последний момент, чтобы сообщить, что он и его офицеры будут в назначенный для атаки день на ярмарке рогатого скота в Гаррисмите, и поэтому присутствовать не смогут.

Ввиду этого, генерал Бота должен был изменить свои планы и вместо серьезного предприятия все свелось к простой демонстрации, состоявшей из артиллерийской дуэли, результатом которой был большой расход боеприпасов и незначительный ущерб для врага. Я запомнил, что когда я наблюдал за стрельбой нашего орудия «Крез», ударная волна от

пролетевшего рядом английского снаряда отбросила меня на несколько ярдов так, что я покатился кубарем. Наверное, снаряд пролетел в нескольких дюймах от меня, и ощущения от этого были незабываемые.

Мы оставались перед лагерем весь день, подвергаясь серьезному обстрелу, и после наступления темноты вернулись к станции Биггарсберген, сочтя это лучшим решением.

На следующий день мои братья и я попрощались с командо Претории, с которым мы прослужили так долго.

Мы поехали на поезде через долину в Гленко Джанкшн, и прошли месяцы прежде, чем мы снова увидели наших старых товарищей.

На железнодорожной станции мы сели в первый идущий на север поезд, загрузили наших лошадей в один вагон, сами сели в другой, и двинулись в путь, навсегда оставляя Наталь

После трехдневной поездки с обычными задержками и остановками мы достигли Претории. Мой дядя, Ян Малдер, не примкнул к нашему отряду, потому что решил остаться с ирландской бригадой, отрядом из двухсот искателей приключений, которыми командовал американский полковник по имени Блэйк, пьяница и гуляка, привычки которого и наплевательское ко всему отношение импонировали ему, так что мы, четыре брата и Чарли, наш слуга, сформировали наш собственный отряд.

Мой отец не знал о нашем прибытии, пока мы не вошли в дверь, но когда мы сказали ему, что отправляемся в Свободное Государство, он одобрил наше намерение. Мы видели, что его состояние очень плохое — сказывались возраст и непосильные уже нагрузки. Он должен был подписать ультиматум к Великобритании, но он же и проводил ту политику, которая привела к войне, и теперь тяжелое положение на фронтах и личная ответственность за четырех сыновей ложились на его плечи. Мы провели несколько следующих дней в роскоши и комфорте домашней жизни, в последний раз насладившись ею.

Я даже впервые посетил Йоганнесбург. Город был фактически покинут; магазины были заколочены, и на улицах было почти пусто, но я помню это посещение, потому что тем днем там прогремел большой взрыв и в небо поднялся столб дыма в милю высотой. Это был взорван литейный завод Бегби, где по заказу правительства производились снаряды и боеприпасы, и было это делом рук предателей.

Приблизительно тридцать человек были убиты, но пожар был таким сильным, что мы не могли оказать никакой помощи, и должны были беспомощно наблюдать, пока огонь не погас сам.

30-ого апреля (1900) мои три брата и я, с нашим слугой Чарли, отправились в Свободное Государство. Мы знали, что британцы уже заняли Блумфонтейн и продвигались к Трансваалю, но никто не знал, как далеко зашло их наступление, или как далеко на юг можно проехать по железной дороге. Мы пересекли реку Вааль той же ночью, и, после медленной поездки по волнистым равнинам северной части Свободного Государства мы достигли маленькой станции около берегов Ветеран-Ривер к одиннадцати часам следующей ночи. Мы были теперь в пределах пятидесяти миль от Блумфонтейна, и поезд дальше не шел, поскольку машинист сказал нам, что британский авангард был уже на следующей станции по этой ветке. Услышав это, мы вывели лошадей и разбили лагерь около насыпи до рассвета, намереваясь затем поехать вперед в поисках бургских сил, которые, как мы знали, должен быть где-нибудь впереди.

Пока мы следующим утром собирались, с севера пришел другой поезд, который вез сто пятьдесят человек под командованием Малана, зяте командант-генерала Пита Жубера, который недавно умер. Малан собрал много молодых товарищей, которых он сформировал в летучий отряд, «Африканерский конный корпус», и им скоро предстояли сражения.

Они вышли из поезда здесь же, и мы, не теряя времени, зарегистрировались как бойцы АКК, как для краткости его называли. Среди них был мой старый однокашник Ян Жубер, сын командант-генерала, и другие друзья и знакомые.

Мы провели утро в подготовке, и днем отправились на юг, через Ветеран-ривер, на звук отдаленного оружейного огня, который мы могли теперь слышать, если ветер был в нашу сторону.

Темнота застигла нас на широкой равнине за рекой, где мы встретили сотни всадников, которые в беспорядке отступали. Они сказали нам, что большие массы британских войск продолжают наступать и не стоит даже думать о том, чтобы встретиться с ними в поле.

Однако мы продолжили движение до полуночи, пока не нашли место, где стоял генерал де ла Рей с Трансваальским командо. Мы нашли его, сидящим на корточках перед маленьким костром, это был красивый пожилой человек с ястребиным носом и колючим взглядом. Рядом с ним был его брат, днем он был ранен и держал руку на перевязи. Он описал нам ситуацию, которая выглядела очень мрачно. Британская армия, после капитуляции Кронье и занятия Блумфонтейна, теперь продвигалась на Трансвааль и, вследствие деморализованного состояния командос и отсутствия

естественных укрытий в этой голой местности надежды остановить их практически не было.

Он сказал, что у него приблизительно четыре тысячи трансваальцев, избежавших разгрома в Паарденберге, но они деморализованы и воевать не настроены.

Коммандо Свободного Государства вообще более не существуют, хотя он полагал, что президент Стейн и Христиан де Вет пробуют реорганизовать их где-нибудь в горах на востоке страны, но в настоящее время они небоеспособны. Британцы же в нескольких милях от нас и утром, несомненно, возобновят наступление.

Поскольку АКК. был в этом заинтересован, он приказал нам проехать вперед на полчаса пути и оставаться там до рассвета, после чего мы должны были занять подходящие позиции и действовать по обстоятельствам. Мы попрощались с ним и, сев на лошадей, проехали три-четыре мили.

С тех пор как мы приехали на юг, погода стала заметно холоднее, мы заметили разницу с более теплым климатом Наталя.

В течение многих месяцев мы не провели ни одной ночи в относительном комфорте, пока не настало лето, и этой ночью мы сидели, завернувшись в одеяла, дрожа от холода до самого рассвета, поскольку уснуть при температуре ниже нуля было невозможно.

Как только рассвело, мы пришли в движение, с тревогой просматривая пространство перед нами, и скоро разглядели на равнине плотные массы английской пехоты. Впереди шла кавалерия, за ней двигалась масса пехоты, артиллерия и фургоны, поднимающие огромные облака пыли. Мы смотрели в тревоге на продвигающуюся массу, там было около тридцати тысяч человек, при том что наши силы составляли три-четыре тысячи человек, растянутых по прерывистому фронту справа и слева от нас.

Было совершенно ясно, что задержать такую массу врагов на открытом вельде нам не под силу.

Вражеские силы приближались и скоро их разведчики были уже рядом с нами. Когда мы начали стрелять по ним, они отступили к своим, орудия были приведены в готовность и скоро над нами стала рваться шрапнель.

Наша линия отошла почти сразу. АКК оставался вместе со всеми, но мы поняли тщетность наших усилий и тоже отошли под градом снарядов полевых орудий и помпов (скорострельная малокалиберная пушка). Мы потерь не понесли, но в других коммандо было много убитых и раненых еще до того, как мы

прояснили обстановку, и после тяжелой поездки мы, наконец, смогли остановиться в пустом сельском доме, чтобы дать отдых нашим лошадям.»

Английские войска были главным образом пехотой, их продвижение было медленным, и, хотя они еще раз в тот же день нагнали нас, мы были в состоянии оторваться от них с очень небольшими потерями, обстреливая их разведчиков, когда те подходили слишком близко, и отходя, чтобы не попасть под огонь артиллерии. Мы до заката не покидали седел, поскольку нашей задачей было как можно дольше удерживать английскую кавалерию, не давая ей захватить наши фургоны, которые из всех сил пытались уйти.

Их было около тысячи, поскольку вместе с фургонами де ла Рея было много фургонов, принадлежащих гражданским лицам, которые пытались уйти от вражеского нашествия.

К ночи англичане вынудили нас пересечь Ветеран-Ривер, на расстояние примерно в двадцать миль, и следующим утром мы едва нашли время, чтобы на скорую руку приготовить завтрак прежде, чем мы могли видеть колонны, снова приближающиеся к нам.

Генерал Луис Бота стоял у брода, когда мы переправлялись через него, он специально прибыл из Наталя по железной дороге, чтобы лично ознакомиться с ситуацией в Свободном Государстве.,

Он и генерал де ла Рей расположили коммандо, которые оказались у них под рукой, вдоль реки от железнодорожного моста до места примерно четырьмя милями ниже по течению, приказав им занять позиции. АКК мог выбирать позицию сам, поэтому мы выбрали место на речном берегу, дальше последнего коммандо, и, оставив лошадей в низине, заняли позиции. Поскольку ничего хорошего не ожидалось, мы послали Чарли в тыл вместе с нашим басутским пони, которое шло с нами от Наталя в качестве вьючной лошади.

Британцы к настоящему времени продолжали свой путь по равнине, которая спустилась к реке, и вскоре дали по нам залп из высокой травы, которая позволяла нам лишь примерно определить их положение, а затем стали обстреливать нас из орудий. Наши лошади были в безопасности, но нас от них отделяли заросли колючего кустарника, которые пришлось обходить с внешней стороны, где не было прикрытия, и в результате сразу появились жертвы. Несколько человек рядом со мной были убиты или ранены, и этот день был для нас очень тяжелым.

Артобстрел не был ограничен нашей частью линии, разрывы уходили вниз и снова вверх, как рука музыканта по клавишам

пианино, и иногда он становился таким же интенсивным, как на Тугеле. Это продолжалось долго и только в три часа мы увидели, что пехота приготовилась к атаке.

У нас к тому времени было шесть убитых и пятнадцать раненых. Убитых мы сложили на песке у реки, а раненым помогли сесть на лошадей и сказали им, куда лучше уходить. Остальные оставались на месте, заняв мелкие окопы, которые успели выкопать. Огонь артиллерии и понесенные нами жертвы привели нас в такое состояние, что когда мы увидели приближающуюся к нам пехоту и вслед за ней три сотни кавалеристов с саблями наголо, мы сделали по ним только несколько залпов, а потом бросились к лошадям. Оставив убитых, мы по нашему берегу реки поскакали через открытое место к холмам, до которых было около мили. Вслед нам стреляли, но мы достигли укрытия, потеряв только двоих или троих убитыми и нескольких ранеными, среди которых был и мой брат Арнт, которому винтовочная пуля сорвала кусочек кожи на голове. Английские всадники, которые были главной причиной нашего отступления, не пересекли реку, но пехота в нескольких местах перешла её и мы хорошо видели, как на нашей стороне реки остальные коммандо также в беспорядке отступают.

В ближайшее время нас снова обстреляли, и на закате солдаты продвигались, чтобы изгнать нас из холмов, к которым мы сбежали. Поскольку мы стояли на самом краю бурской линии, нас скоро охватили с фланга. Мы видели, как полк изменил направление движения и, прежде чем мы смогли их остановить, они поднялись на холмы, которые мы занимали, примерно в полутора тысячах ярдов от нас, откуда начали двигаться к нам.

Мы приготовились встретить их, но заходящее солнце било прямо глаза, затрудняя стрельбу, и когда солдаты приблизились, мы снова отступили. Все, кто оставался из АКК, бросились к лошадям и поторопились скрыться. К тому времени, когда я был в седле, передовые пехотинцы были настолько близки, что я мог видеть их лица и медные пуговицы на их гимнастерках, но они не могли на бегу как следует прицелиться, и, хотя несколько лошадей были ранены, никто из людей не пострадал. Пони моего брата был прострелен насквозь, пуля прошла под седлом от одного бока до другого, но мужественное животное несло его еще тысячу ярдов, пока не упало замертво. Лошади без всадника мчались повсеместно, и, поймав одну из них, мы посадили брата на нее. Пули и снаряды свистели повсюду, поэтому мы, быстро переседлав новую лошадь, последовали за отступающими, которые скрывались за следующей грядой холмов. Все позиции по реке уже были оставлены и отступление было общим.

АКК потерял более тридцати человек, и если потери везде были такими же, то это значило, что буры принесли в этот день большую жертву

Мы двигались до полуночи, и единственной в тот день радостью было услышать голос Чарли, который дрожал, от возбуждения, когда увидел всех нас живыми.

Отступление продолжилось следующим утром, и к полудню мы пересекли Санд-Ривер, больше чем в тридцати милях от места вчерашнего столкновения.

Фургоны к этому времени были уже далеко, поэтому нас ничего не задерживало и мы двигались в тыл с такой скоростью, что за последующие сутки видели англичан всего один раз. Они появились к вечеру следующего дня — небольшой отряд, примерно из двухсот всадников при орудии, которые двигались так быстро, что, прежде чем мы взяли за оружие, они были уже на южном берегу Санд-Ривер и застрелили одного ирландца, который минировал мост. Комmando к тому времени ушли дальше, но АКК был рядом и мы, вскочив на лошадей, переправились через реку, чтобы охватить их с фланга. Увидев, что их могут отрезать, они выпустили по нам несколько снарядов и вернулись к своим главным силам, которые уже были видны на горизонте. Все же мы успели выбить из седла двоих из них. Я подъехал, чтобы взглянуть на них. Это были канадцы, тяжело раненные, один из которых сказал мне, что их там много, так же как и австралийцев и многих других жителей колоний, поэтому наши дела плохи

Уже темнело, поэтому мы оставили раненных, чтобы их подобрала своя, и в течение следующих двух дней англичане нас не тревожили, очевидно, готовясь к новому наступлению. Утром командвнт Малан послал меня с сообщением к генералу Бота, которого я нашел в пятнадцати милях в лагере, разбитом около железнодорожной ветки. Отдав ему послание, я вернулся на Санд-Ривер к АКК, чтобы обнаружить, что он ушел. Мне сказали, что корпус ушел на запад несколько часов назад, получив какое-то задание. Становилось темно и холодно, ехать куда-то в темноте было бессмысленно, поэтому я, наломав досок от здания насосной станции, развел костер и провел ночь, привязав свою чалую к суку соседнего дерева.

На рассвете следующим утром, высокие облака пыли, поднимавшиеся к югу от реки, показали, что англичане рядом, поэтому я сел на лошадь и поспешил отступить туда, куда приближался отряд в шестьсот бюргеров под личной командой генерала Луиса Боты. Он приказал нам развернуться и все спешили и встали перед лошадьми, ожидая развития событий.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появились английские разведчики, пехота стала подтягиваться к бродам, а дальше вся равнина потемнела от массы войск и обозов. Вскоре в действие вступила английская артиллерия и, поскольку мы находились на лишенной укрытий местности, нам не оставалось ничего иного, как только отступить. Снова повторилось то, что уже было недавно. Англичане гнали нас, как стадо овец, подгоняя пулями и снарядами, и к вечеру мы превратились в деморализованную толпу, угрюмо бредущую по вельду

После заката преследователи остановились и я провел холодную ночь на холмике с несколькими другими отставшими, и следующим утром мы поехали в город Кроонстад. Здесь мы нашли президента Стейна, обращающегося к толпе бюргеров на рыночной площади. Он сменил моего отца на посту президента Оранжевого Свободного Государства в 1896 году. Это был крупный, бородатый мужчина, без особых талантов, но храбрый и упорный.

В настоящее время его слова были напрасны, потому что общее настроение было таково, что на его призывы почти никто не обращал внимания. Его аудитория состояла главным образом из Трансваальских бюргеров, более озабоченных судьбой собственных домов, чем напрасными надеждами, но я остановился, чтобы послушать его, и его речь произвела на меня такое впечатление, что я поехал назад тем же путем, что приехал сюда, с присоединившейся ко мне дюжиной человек, и мы достигли нескольких холмов в нескольких милях к югу от города. Отсюда было видно, что английские колонны движутся к нам, и через некоторое время к нам подошло еще несколько сотен буров, собравшихся со всей равнины. К полудню англичане приблизились настолько, что стали нас обстреливать, но попыток атаковать не делали. Днем из тыла прибыл мой брат Арнт. Он принес плохие новости про АКК. Он сказал, что после того, как я оставил их на Санд-Ривер, они получили приказ пойти на запад, чтобы наблюдать за движением английской кавалерии в этом направлении.

В окрестности Аллин-Хилл на них напал кавалерийский полк. В этой ситуации каждый был сам за себя, и он с трудом убежал, а о судьбе двух других братьев и Чарли ему ничего не известно.

Это было серьезными новостями, и когда после заката началось отступление, мы поехали назад в Кроонстад, очень обеспокоенные. Город был в темноте, и мы прошли еще двадцать миль без остановки, пока не настигли коммандо.

На следующий день отступление было продолжено к Риностер-Ривер. Утром мы встретили нашего Чарли, который не

только убежал, но и привел басутского пони, сохранив таким образом большую часть нашего снаряжения, но о двух других братьях он ничего не знал.

Час спустя мы увидели моего самого старшего брата в компании с остальной частью АКК. Они оторвались от англичан легче, чем мы думали, потеряв только двенадцать человек. О моем брате Жубере они не могли сказать нам ничего; никто не помнил, что видел его, и прошло много времени, прежде чем мы услышали о нем снова.

АКК меньше чем за неделю потерял в боях не меньше трети людей, но все же оставался единым отрядом, чего нельзя было сказать о других командах, процесс распада которых проходил настолько быстр, что основная часть отступающих бюргеров уже не была членами команд, а просто людьми, которые едут домой. На северном берегу Риностер-Ривер мы провели почти неделю, не видя никаких признаков англичан, и все это время бурская армия продолжала таять, пока в распоряжении генерала Боты не осталась всего горстка людей.

Однажды утром дюжина людей из АКК, одним из которых был я, получила приказ вернуться по направлению к Кроонстаду, чтобы подкрепить отряд разведчиков капитана Дэниела Терона, который столкнулся с врагом.

Мы повторно пересекли реку, и после сорокамильного пути на юг по равнинам, мы нашли его и его людей на холме, с которого открывался вид на английские лагеря, которые возникли вокруг Кроонстада. Капитан Терон стал известен еще перед войной, когда победил г. Манипенни, известного журналиста, а в последнее время добавил к своей репутации славу храбреца, прекрасно проявив себя в то время, когда Кронье был окружен в Паарденберге. Он был худым, крепким мужчиной приблизительно двадцати шести лет, смуглым и вспыльчивым, и хотя я никогда не видел его улыбки, его люди преклонялись перед ним из-за его храбрости и лидерских качеств.

В течение двух дней мы наблюдали за лагерями, и затем однажды утром столбы пыли, медленно поднимавшиеся в воздух, и войска, занявшие все дороги, показали нам, что все пришло в движение. Мы приготовились покинуть нашу позицию, поскольку нашей задачей было только наблюдение. Прежде, чем уйти, мы спустились к сельскому дому, чтобы заполнить наши седельные сумки пищей и бильтоном, и, возвращаясь, мы наткнулись на отряд английской кавалерии, который неожиданно появился из рощи. Мы помчались обратно к отряду Терона, его уже было видно, но англичане преследовали нас по пятам, они гнались за нами не меньше мили, стреляя в нас, пока, наконец, наши, видя

наше положение, не пришли к нам на помощь. Мы продолжили отступать и провели ночь, уже видя лагерные костры, но, когда на следующее утро мы достигли северного берега Риностер-Ривер, он был пуст.

Единственный боец АКК, который оставался там, чтобы встретить нас, сказал, что генерал Бота был вызван в Преторию и генерал де ла Рей увел оставшиеся силы к трансваальской границе. Мы должны были следовать за ним.

XII. Британцы вторгаются в Трансвааль

Путешествуя по опустевшей стране, мы следующим вечером в Вильжуэнсдрифте настигли своего рода арьергард, и в их компании той же ночью вошли в Трансвааль в Ференигинге. Здесь было только несколько ирландцев-подрывников, которые сказали нам что АКК стоит лагерем в нескольких милях отсюда, некоторые отряды де ла Рея под командованием генерала Ламмера находятся в десяти милях вниз по течению, а остальные буры просто пропали.

Капитан Терон попросил меня остаться с ним, но я отказался, поскольку хотел соединиться с моими братьями, поэтому я следующим утром попрощался с ним, и отправился на поиски АКК. Это была последняя с ним встреча, потому что вскоре в нескольких милях от этого места он был убит. Если бы он был жив, то, безусловно, стал бы знаменитым.

АКК решил присоединиться к отряду генерала Леммера, и, после длинной поездки, мы подоспели к ним как раз вовремя, чтобы увидеть сильный отряд английской конницы, пересекающей реку Вааль, громкими криками отмечая свое вступление в Трансвааль спустя двадцать лет после первого вторжения.

Их поддерживали батареи с территории Свободного Государства, и, поскольку мы подъехали слишком близко, Леммер потерял трех человек убитыми и нескольких ранеными, без всякой пользы для себя. После этого он отошел вглубь страны, где мы и остановились на ночь, а следующим утром, видя продолжающееся наступление англичан, мы отступили к Иоганнесбургу, который был в тридцати милях от нас.

К полудню мы встретили генерала де ла Рея, почти с тысячей человек, которые занимали несколько невысоких холмов, с которых видны были отвалы из шахт. Я удивился тому, как много с ним людей, учитывая то, как шли сейчас дела, но он имел большую власть над людьми, чем любой другой офицер.

В четыре часа наступление возобновилось. Нас стали обстреливать из орудий Армстронга. Наша позиция была удачной и, несмотря на потери, мы продержались до темноты, но с её наступлением должны были отойти к Клип-ривер, небольшой речушке в окрестностях Иоганесбурга. Мы перешли ее вместе со всеми по узкому броду и до рассвета уснули. Мы были так близко от города, что вокруг нас стали собираться любопытные, среди

которых были даже женщины, приехавшие на повозках или пришедшие пешком, и вскоре после рассвета южный берег Клип-ривер заняли англичане — кавалерия, пехота и артиллерия. Пока мы смотрели на них, командант боксбургского коммандо Грейвт подъехал к нам и стал вызывать добровольцев, чтобы незаметно пройти к невысокому хребту в стороне от нашей позиции и остановить отряд английской кавалерии, который пересек реку и приближался к нам с этого направления. Люди из АКК колебались, потому что накануне во время переправы Грейвт смеялся над ними, когда они отталкивали его людей во время переправы, поэтому с ним пошли только я и еще один человек, Джек Бориус. Мы поскакали туда и подоспели как раз вовремя, чтобы не позволить англичанам занять холмы. Трех мы убили, остальные поскакали назад за реку, но вскоре возвратились с подкреплением и столь решительно атаковали нас, что мы успели выстрелить только несколько раз и затем убежали, чтобы спастись. Мы скакали под сильным огнем, но никто не пострадал, кроме моей чалой, которой пуля попала в ухо.»

Мои два брата тем утром отсутствовали. В течение нескольких дней болел младший, и теперь он был настолько болен, что Хьялмар и Чарли увезли его в Йоганнесбург, поддерживая с обеих сторон, чтобы он не упал с лошади. Мы не знали, что с ним было, но впоследствии, оказалось, что это брюшной тиф, от которого он едва не умер.

Они еще не возвратились, когда я воссоединился с АКК, и в это время мы были достаточно заняты, поскольку британские войска к настоящему времени в большом количестве пересекали Клип-ривер, разветываясь на открытом пространстве перед нами, и в ближайшее время начался обстрел. Без сомнения они уже знали, что Йоганнесбург был в их руках, и не подвергали риску пехотинцев, ограничиваясь более неприятным для нас орудийным огнем.

Впервые за много дней у нас тоже была артиллерия, и несколько находящихся рядом орудий Крезю. Артиллеристы сильно пострадали, я насчитал семь человек, убитых меньше чем через пятнадцать минут одним особенно сильным разрывом. АКК занимал удобную позицию в холмах, где мы не несли потерь, и большую часть дня празднично наблюдали за происходящим. Незадолго до заката мы увидели, как что-то происходит справа от нас. Туда наступала пехота, которую поддерживала артиллерия. Генерал де ла Рей отправил туда лихтенбергское коммандо, но даже они, которые считались самыми лучшими бойцами в Трансваале, не смогли сдержать превосходящих сил и вскоре отступили. Это была наша последняя попытка отстоять

Иоганнесбург. Когда наша линия отступила, все было кончено, и в течение ночи де ла Рей отошел на запад, где в будущем отважному старому воину предстояло еще много сражений.»

Все подобие организованного сопротивления теперь исчезло. Люди разбежались во все стороны и общий клич был: «Всё, война кончена!» Несколько человек из АКК тоже дезертировали, но большинство все же остались, и вечером мы отошли к Ланглаагту, пригороду Иоганнесбурга, где и провели ночь. Мой брат Хьялмар и Чарли ждали меня. Они добрались до железнодорожной станции и, несмотря на беспорядок, смогли посадить Арнта на товарный поезд, шедший в Преторию. Они сказали, что все поезда были переполнены беженцами, но они оставили его на попечении человека, который обещал доставить того в руки отца. После этого они вернулись на позиции, хотя обстрел продолжался с той же силой. Следующим утром (это было 1 или 2 июня 1900 г.) мы увидели, как англичане приближаются к Иоганнесбургу, и последовали за толпой отступающих, которые уходили на восток. Когда мы проходили мимо золотодобывающих шахт, небольшой конный отряд, который стоял недалеко, не стал нас задерживать, принимая за беженцев, а не отступающих.

Когда мы добрались до главной дороги, ведущей к Претории, оказалось, что вся она забита всадниками, фургонами и стадами, и мы должны были через всё это пробиваться. Справа шла британская колонна, которая двигалась параллельно нам, и Чарли по этому поводу заметил: «Хозяин, эти англичане не знают дорогу к Претории и идут за нами, чтобы не заблудиться». Действительно, англичане не делали попыток напасть на нас, и было похоже, что они считали, что наша армия больше не существует и война окончена.

На закате АКК выбрался из толпы и остановился у ручья, который по расстоянию, на котором он находился от Претории, получил название Шестимильного. Командант Малан намеревался ждать здесь до следующего утра, но мой брат и я торопились, поскольку мы стремились вернуться домой и увидеть нашего отца.

Мы достигли Претории к десяти часам, и поехали по пустынным улицам к нашему дому в пригороде Саннисайд. Здесь нас ждало разочарование, поскольку кругом было темно и дом был пуст. Мы пошли к соседям, чтобы навести справки. Они, наверное, думали, что пришли враги, потому что только после нескольких попыток одна из дверей открылась и нам сообщили, что президент Крюгер и мой отец покинули город и утром он должен быть сдан англичанам, после чего перед нами захлопнули дверь. Мы слишком хорошо знали президента и моего отца, чтобы

предположить, что они просто позорно убежали, и сам факт, что они вместе оставили Преторию, говорил о том, что они собираются продолжить борьбу. Потом мы вернулись домой, поставили лошадей в конюшню и, взломав одну из дверей, вошли в дом. Мы развели огонь в очаге на кухне, и приготовили ужин из припасов, которые оставались в кладовой, а потом наконец легли спать в теплые кровати после стольких холодных ночевок.

Это возвращение домой было, однако, мрачным. Нашего младшего брата оставили беспомощным в вагоне для перевозки скота, слабого и больного, среди хаоса общего отступления, наш другой брат отсутствовал, всего, что было раньше, теперь не стало, мой отец уехал, и наш дом был покинут.

Уже позже мы позже услышали о том, что мою мачеху и младших детей отправили к Заливу Делагоа и оттуда морским путем вдоль восточного побережья Африки в Голландию, где они находятся до сих пор.

Следующим утром мы стали думать о том, что делать дальше. Сначала мы оседлали лошадей и поехали в жилые кварталы города, чтобы узнать то, что происходит. Улицы были заполнены толпами людей, которые знали еще меньше нас. След АКК мы потеряли, в городе происходили беспорядки — грабили магазины и склады, и все ругали правительство.

Оценив обстановку, мы возвратились домой. Британцы к настоящему времени обстреливали форты вокруг города, и случайный снаряд упал недалеко от нас, но мы уже были приучены к орудийному огню и оставались спокойно отдыхать до полудня.

К трем часам перед нами появилась изможденная фигура. Это был наш пропавший брат Жубер, которого мы потеряли. Он сказал, что его лошадь была убита, когда АКК был срочно отправлен в Алиен-Хиллс за две недели до этого, но он убежал пешком. После долгого пешего путешествия он достиг Йоганнесбурга вовремя, чтобы сесть на последний отбывающий поезд, который только что доставил его в Преторию. В это время мимо нас проехала группа бюргеров, кричавших, что англичане входят в город по дороге со стороны железнодорожной станции, и я поскакал в центр города, где захватил оседланную лошадь, принадлежавшую человеку, который грабил магазин, и с этой добычей для своего брата вернулся обратно. Мы были готовы покинуть город, хотя на самом деле англичане вошли в Преторию только на следующий день, но, поскольку мы не знали о том, что слухи об этом были преждевременными, то сочли за благо уйти пораньше.

В сложившейся ситуации казалось лучшим оставить нашего

преданного старого слугу там, поскольку мы чувствовали, что с увеличивающейся трудностью обеспечения лошадьми и продовольствием мы больше не могли позволить себе роскошь иметь слугу, и, кроме того, его лошадь была нам нужна в качестве вьючной. Он упрасивал нас взять его с собой, но мы этого сделать не могли, и, не имея денег, чтобы заплатить ему, разрешили ему взять из дома все, что он захочет, и так мы расстались с ним. Наши приготовления были недолгими. Мы погрузили продукты из кладовой и одежду на вьючных лошадей и, в последний раз оглянувшись на наш дом, отправились в путь по главной дороге, ведущей на восток, по которой уже шло множество беженцев.

В темноте мы достигли большого винокуренного завода в восьми или девяти милях от города, где и провели ночь. К утру туда собралось уже множество всадников, возможно, их было около 1900 человек, многие из которых были офицерами, но никто из них не знал, что делать дальше. Мы с братьями отправились на поиски АКК, но, хотя его следов мы найти не смогли, нас это не очень волновало, поскольку мы решили действовать самостоятельно, пока обстановка каким-либо образом не изменится. Случайно мы встретили господина Смэтса, государственного прокурора, который сидел под деревом вместе со своим зятем, П. Криге, который был в отряде Айзека Малерба и получил тяжелую рану при Спionoскопе, с тех пор я его не видел, потому что он только что вышел из госпиталя, чтобы не быть захваченным англичанами в Претории.

Поскольку г. Смэтс был членом правительства, мы убедили его сказать нам, куда отправились мой отец и президент и каково было общее положение вещей. Он сказал, что президент и мой отец были в Мачадодорпе, маленькой деревне на железнодорожной линии Претория- бухта Делагоа, где и была организована новая столица. Пока о мире речь не шла, и они были настроены продолжить войну посредством партизанской тактики. Они надеялись остановить начавшийся распад государства и навести порядок, и сам Смэтс должен был отправиться с этой целью в Западный Трансвааль, в то время как подобные меры будут предприняты и в других местах, а также в Свободном Государстве, где это должны были сделать президент Стейн и Христиан де Вет. Коммандант-генерал Луис Бота был далеко, собирая всех бюргеров, из которых можно было организовать ядро новой армии, и всем следовало отправиться к нему. Это были лучшие новости за последнее время, и даже настроение окружающих нас людей было более оптимистичным

Мой самый старший брат и я решили, что, перед

присоединением к командос, мы должны найти отца в Мачадодорпе, чтобы узнать, что он думает, и выяснить, знал ли он, что случилось с нашим младшим братом Арнтом. Мой брат Жубер отказался сопровождать нас и поехал на поиски генерала Боты, так что мы снова на много дней потеряли его из виду. До Мачадодорпа было около ста семидесяти миль на восток, и мы с Хьялмаром сразу отправились туда. Через два дня мы уже были в Мидделберге, в девяноста милях, здесь подвернулась возможность сесть на товарный поезд, и к следующему утру мы были уже в Мачадодорпе. Сейчас эта деревня стала столицей Трансвааля. Длинные ряды железнодорожных вагонов стали правительственными зданиями, где те чиновники, которые предпочли не сдаваться, продолжали делать вид, что все идет по-прежнему. В одном из вагонов мы нашли отца, который очень тепло нас принял, потому что он ничего о нас не знал с тех пор, как мы в апреле отправились в Свободное Государство. Мы очень рады были услышать о том, что наш брат Арнт лечился в русском госпитале в Ватервалондере, в сорока милях дальше по железнодорожной линии. За несколько дней до этого ему было очень плохо, но сейчас уже была надежда на выздоровление. Касательно военного положения отец сказал нам, что он говорил со Смэтсом и тот сказал ему, что партизанская война больше соответствует духу буров, чем действия регулярных частей на постоянных позициях. Он говорил о Джордже Вашингтоне, Уолли Фордж и других случаях, когда тот, кто, казалось, проиграл, в конце концов все же побеждал, и, хотя мы не вполне разделяли его настроение, поскольку прекрасно помнили о том, в каком состоянии находились буры, но все же его оптимизм заразил и нас.»

Когда мы спросили о президенте Крюгере, нам сказали, что он также уехал в Ватервалондер, поскольку он был уже старым и слабым человеком и здесь для него был очень неподходящий климат.

Перед возвращением на запад в поисках генерала Боты мы с братом поехали на поезде навестить своего больного брата. Мы нашли его среди множества раненых в походном русском госпитале, который генерал Жубер отказался принять, но который все же прибыл к нам в помощь.

Когда мы добрались туда, он был уже в сознании, и российские медсестры сказали, что он преодолел кризис, хотя все еще был в серьезном положении.

В Ватервалондере мы в последний раз видели президента Крюгера. Он сидел за столом в железнодорожном вагоне, перед ним лежала большая открытая Библия, и он выглядел одиноким и

усталым человеком. Мы стояли у окна, глядя на него, но он был так погружен в свои мысли, что мы не решились с ним заговорить. Впоследствии он уехал на португальскую территорию, а оттуда на голландском военном корабле — в Голландию, где и стал изгнанником (он скончался в Швейцарии в 1904 году).

Затем мы вернулись к холмам Мачадодорп, где попрощались с отцом и отправились по железной дороге в Мидделбург, чтобы забрать лошадей, оставленных там на сохранение одному из горожан.

Здесь был маленький отряд немецких добровольцев, приблизительно в шестьдесят человек, под командованием австрийца барона фон Голдека, которого знали еще по Наталю. Поскольку о судьбе АКК ничего не было известно, а одно коммандо было не хуже другого, мы присоединились к Немецкому Корпусу, как они себя несколько высокопарно называли. Фон Голдек готовился ехать на запад к генералу Боте, и на следующий день мы были уже далеко, а через три дня, проходя станцию Балморал, столкнулись с английским патрулем в предместьях Претории.

Лорд Робертс со своей армией оставался рядом со столицей, поэтому следующие десять дней мы провели рядом, наблюдая за его перемещениями. У нас было несколько стычек, в ходе которых мы потеряли пять немцев, но это было хорошее время. Жили мы тем, что могли добыть, а присутствие англичан не давало нам скучать. Только когда стало слишком уж жарко, мы отошли на двадцать или тридцать миль к западу, где генерал Бота собирал людей. Мы нашли его в Бронкхорспруйте, на месте старого поля битвы, где в 1880 году был разбит отряд полковника Антсрутера. Лагерь располагался на открытом месте, и если бы не связные и несколько выючных лошадей, его нельзя было бы отличить от любого бурского лагеря, которые были вокруг.

Он сказал, что мы отлично все сделали и могли теперь взять отпуск, поэтому мы поехали на брошенную ферму на некотором расстоянии от лагеря, и оставались там в течение нескольких дней.

XIII. Дальше от дома

К настоящему времени все уже знали, что генерал Бота собирал новую армию, и наиболее деятельные буры постепенно возвращались из домов и других мест чтобы присоединиться к нему.

У него уже было три тысячи человек, и их число ежедневно росло. Поэтому все выглядело неплохо и были видимые признаки восстановления после того печального состояния, в котором мы находились во время и после отступления через Свободное Государство.

В данное время к нам приходили остатки коммандо из Наталя, откуда они были вытеснены, как и из Свободного Государства. Тысячи более слабых мужчин сдались или пошли по домам, и во многих случаях все коммандо таяли как снег, пока не остались самые стойкие, хотя и в небольшом числе. Они были закаленными бойцами, числом около двух тысяч, и, когда они присоединились к нам, Бота имел под командованием уже более пяти тысяч человек.

Однажды вечером я видел прибывших из Наталя. Среди них были остатки Преторийского коммандо — их осталось не более полутора сотен, среди них было много моих знакомых по Ледисмиту. Большинство из них дезертировали, многие погибли или были ранены после того, как мы ушли от них. Фельдкорнет Зидерберг лечился и его должность занимал Макс Зауниссен, молодой двадцатипятилетний бюргер.

Они сказали, что старый генерал Марула, и его брат Темный Шум были сняты с командования и остались воевать уже как рядовые в других коммандо.

Хотя с ванн Голдеком и немцами у меня сложились хорошие отношения, я все же решил вернуться к преторийцам. Мой брат Хьялмар предпочел остаться, поэтому я попрощался с ним и отправился в путь на своей чалой, ведя в поводу пони с поклажей, чтобы присоединиться к своему прежнему отряду. На следующее утро мы снялись с места и отправились в путь — два дня пути на юг, а потом повернули, чтобы выйти к железнодорожной линии между Преторией и Йоганнесбургом, потому что Макс Зауниссен получил приказ разрушить английские коммуникации. Однако англичане очень хорошо охраняли дорогу и мы не смогли подойти к ней ближе, чем на пять миль. В течение следующих двух недель мы бродили вокруг, ища возможности сделать свое дело, но она не представлялась. Несколько раз англичане из Претории стреляли по нам из орудий, но все обошлось.»

В это время я получил неожиданное известие о АКК. Однажды утром мы скрывались в холмах от снарядов английской колонны, которая появилась, когда два бюргера скакали в нашу сторону в поисках убежища. Они принадлежали к АКК., и когда я справлялся о других, они указали на ферму далеко на равнине, где, как они сказали, находились командант Малан и все остальные. Когда они отправились туда, я отпросился поехать с ними, чтобы повидать старых товарищей и рассказать Малану о своих братьях и о себе.

Чтобы достичь фермы, мы должны пересечь фронт английской колонны, но они спокойно пропустили нас, и я скоро обменивался рукопожатием с Маланом и его людьми. Немного позже, англичане приблизились и начали обстреливать нас лиддитовыми снарядами из гаубицы, которую поставили на отдаленном холме. Тогда произошел самый страшный случай из тех, что я раньше видел. Первые разрывы легли далеко, но потом англичане пристрелялись и Малан приказал нам найти укрытия. Мы распределились за стеной, ограждавшей сад и за небольшой дамбой, которая была около дома.

За стеной дамбы было огромное ивовое дерево, за которым спрятались семеро наших. Внезапно снаряд поразил ствол приблизительно в двух футах от земли и, прошив его насквозь, взорвался с другой стороны. Результат был ужасен, поскольку семеро несчастных были разорваны на части, которые усыпали землю на расстоянии в тридцать ярдов. Они были так изуродованы, что, когда англичане прекратили стрелять, их, пришлось собирать лопатой, и зрелище было отвратительным. Но на этом все не закончилось. После того, как гаубица стала стрелять, командант Малан сел на лошадь и с несколькими мужчинами поехал в сторону англичан, чтобы поджечь сухую траву. Полчаса спустя, когда я возвращался к преторийцам, я увидел стоящими этих людей и понял, что что-то не так. Я поскакал туда, и увидел, что он лежит на земле с горлом, пробитым пулей, через несколько минут он скончался. У меня были некоторые мысли вернуться в АКК, но теперь они исчезли, потому что этот отряд явно был не под счастливой звездой. В течение следующей недели англичане только рыскали по равнине, но ничего серьезного не было.

Этот период спокойствия был неоценим, поскольку дал бурским лидерам передышку, необходимую для сбора и реорганизации своих сил, а люди смогли оправиться после отступлений и воспрянуть духом, поэтому, когда в середине июля лорд Робертс возобновил наступление, наше настроение было уже другим.

Британское наступление началось однажды рано утром на широком фронте. Мы, преторийцы, заняли позицию на ближайших холмах, но в ближайшее время нас подвергли такому обстрелу, что мы ушли, другие коммандо также отступили. Англичане наступали на восток по обеим сторонам железнодорожной линии, ведущей к заливу Делагоа. До сих пор этот путь был открыт, и правительство Трансвааля могло ввозить в больших объемах необходимые припасы, но теперь лорд Робертс решил перекрыть эту артерию и полностью отрезать нас от внешнего мира.

Соответственно этому плану крупные массы войск, численностью более тридцати тысяч человек, шли справа и слева от железной дороги, обходя нас. Они шли фронтом шириной в пятнадцать миль, и поскольку вслед за разведчиками следовала артиллерия, повторилась та же ситуация, что была в Свободном Государстве: мы отступали от холма к холму, от возвышенности к возвышенности, стреляли, когда могли, но настоящего сопротивления оказать не могли. Так мы отступали четыре или пять дней, и к этому времени англичане прошли вдоль железной дороги до Мидделберга и оттеснили нас еще на сорок миль дальше, до деревни Белфаст. Той ночью, когда мы вошли в эту деревню, нам пришлось отступать в таком беспорядке, что я потерял преторийцев. Следующим утром я их тоже не нашел, но, поскольку ситуация была уже привычная, я присоединился к боксбургскому коммандо, проходившему мимо. Это коммандо было частью большого соединения под командованием команданта Грейвта, с которым я спускался к реке накануне захвата Иоганнесбурга.

Боксбург — маленький горнопромышленный поселок на Рифе, и жители Боксбурга по какой-то причине были известны как Цесарки Грейвтта (Gravettse tarantaal-корпе), название, которым они гордились. Грейвтт по происхождению был англичанином, красивый высокий человек, которого все очень любили и которому все доверяли. Он был убит месяц или два спустя, и я был с ним, когда он умер. В этой компании «Цесарок» я прошел от Белфаста до Далмануты, еще сорок миль. После нескольких дней пути по гористой местности нам была выделена позиция на краю откоса рядом с Мачадодорпом, где генерал Бота намеревался перерезать железную дорогу до Делагоа.

На этом гребне он собирался дать последнее генеральное сражение перед переходом к партизанской войне. На всем протяжении отступления мы знали, что рано или поздно было запланировано разделиться на небольшие группы, и знание этого держало мужчин в хорошем тоне. Хотя они были ужасно

измотаны, не было никакой тенденции к тому, чтобы произошло что-то подобное тому, что было в Свободном Государстве, и когда им было приказано занять последнюю позицию, они с готовностью это сделали. Позиция, выбранная генералом Ботой, была естественной крепостью. Между нами и врагом лежала простреливаемая равнина, а за нашими позициями местность резко понижалась, создавая превосходное укрытие для людей и лошадей. Фактически мы находились на самом краю высокого вельда, через несколько миль начиналась зараженная малярией низменность, которая тянулась к границе португальских владений. Британцы пока стояли в Белфасте и в течение недели не появлялись. К концу этого срока, пока я обустроивал свою позицию, прибыло преторийское коммандо, в котором были мои братья, Хьялмар и Жубер. Само собой, это встреча нас очень обрадовала и я сразу попрощался с боксбургцами, чтобы присоединиться к ним.

Преторийцам достались позиции по соседству и на следующий день с восходом солнца мы увидели на горизонте облака пыли и вскоре появилась британская пехота.

Их было примерно тридцать шесть тысяч (пехоту на марше точно сосчитать сложно), в течение часа по нам стреляли их застрельщики, а тем временем почти на расстоянии винтовочного выстрела устанавливались их батареи.

В десять часов начался сильный обстрел, но атаку англичане не начинали, надеясь вначале уничтожить наши укрепления.

Это длилось до заката, но наши укрытия было настолько хороши, что тяжелых жертв не было, а преторийцы обошлись без потерь. С наступлением темноты все стихло, и ночь мы провели спокойно, сидя у костров. На следующий день программа повторилась. Обстрел был такой, что невозможно было высунуть голову за край бруствера. Некоторые из наших были ранены, в их числе и Хьялмар, которому пуля попала ниже глаза. Жубер повел его вниз, в долину, поскольку Хьялмар был почти ослеплен, там посадил его на лошадь и поехал искать медицинскую помощь.

Этот второй день бомбардировки был полон впечатлений. Вскоре после ухода моих братьев произошло землетрясение, первое, которое я когда-либо испытал. Был страшный грохот, и земля под нами качалась как палуба корабля, а рядом упал большой камень, что вызвало большую тревогу, поскольку явления такого рода в Южной Африке практически неизвестны. Мы таким образом перенесли бомбардировку сверху и землетрясение снизу в одно и то же время, и это оставалось темой для разговоров в течение месяцев. Когда и это было закончено, начиненный лиддитом снаряд от гаубицы взорвался

почти над моей головой. Это походило на другое землетрясение. Я был ошеломлен в течение нескольких минут, после чего пролежал некоторое время в полубессознательном состоянии, не понимая, жив я или нет.

Днем отделение пехоты появилось в дефиле слева от нас. Мы увидели их вовремя, чтобы отбить атаку, убив и ранив приблизительно пятнадцать человек, но из-за перекрестного огня мы не могли добраться до них до наступления темноты, только тогда мы смогли забрать их винтовки и патроны. Ночь была так холодна, что мы обнаружили только трех солдат живыми, потому что некоторые из раненых, кто, возможно, иначе бы выжил, умерли от холода. Мы принесли эти трех и положили их у костра, где еще один умер перед рассветом.

На рассвете третьего дня бомбардировка, еще более сильная, чем накануне, возобновилась, но теперь обстрел велся не по всему фронту, а сконцентрировался на участке, который занимала Йоганнесбургская полиция, примерно в миле справа от нас. На них обрушивался огненный шквал и, судя по сосредоточению пехоты, развязка была близка. Полиция вела себя блестяще. Дважды они отбросили атакующих и держались упорно под жесточайшим обстрелом. Пока все это происходило, остальные почти ничего не могли сделать и мы просто сидели в окопах и наблюдали за происходящим. К закату полицейские были почти уничтожены и в сумерках мы увидели, как английская пехота ворвалась на их позиции. Некоторые отступили вниз по склону, но большинство защитников были мертвы. Наша линия была прорвана, делать нам было больше нечего, и, когда стемнело, генерал Бота командовал отступить. Мы спустились в долину к лошадям и отступили на две или три мили перед тем как остановиться на ночевку.

Следующим утром мы достигли Мачадодорпа под огнем из дальнобойных орудий. Поселок был покинут, временная столица днем раньше была перенесена в Ватервалондер, у подножия гор.

За Мачадодорпом дорога поднимается на последний перевал, откуда можно увидеть местность, лежащую внизу. Эта дорога была единственным путем отступления, и скоро мы оказались среди толпы из бюргеров, орудий, фургонов и гражданских беженцев, ищущих спасения со своими стадами и имуществом. Зрелище было тяжелое, тем более что англичане начали обстреливать дорогу и, хотя среди женщин и детей это иногда вызывало панику, в целом все вели себя достойно, а сам обстрел оказался в большей степени неприятным, нежели опасным.

Через некоторое время трансваальская артиллерия сумела получить батарею орудий Крезо и открыла ответный огонь,

задержав англичан на время, достаточное для того, чтобы гражданские лица вышли из зоны обстрела, после чего мы поднялись в гору. В это время, когда мы остановились, чтобы дать отдых лошадям, я спасся благодаря счастливой случайности. Я сидел на термитнике, читая книгу, когда кто — то сказал мне, что моей чалой лошади нужна помощь. Она щипал траву на некотором расстоянии от меня и её ноги запутались в узде, поэтому я пошел, чтобы освободить её. В это время в термитник попал снаряд, который пробил мою книгу и уничтожил сам термитник.

Мы провели ночь в Гельвеции на горе, и следующим утром поехали вниз через проход в Ватерлондер, спустившись на две тысячи футов на пути меньше чем в три мили. Британцы появились на горе через час или два, но вниз за нами не пошли, так что мы отступали спокойно.

В Ватерлондере железная дорога выходит из туннеля с высокой равнины, и здесь были мой отец и брат Хьялмар. Они прибыли из Мачадодорпа накануне, и остановились, чтобы паровоз набрал пар, после чего они должны были отправиться дальше с другими чиновниками и множеством раненых. Хьялмар носил на глазу окровавленную повязку и выглядел, как пират, но его рана не была тяжелой. Двое других братьев отсутствовали, но мы так часто за последнее время теряли и находили друг друга, что уже не волновались, зная, что рано или поздно обязательно встретимся.

Через некоторое время прибежал машинист, чтобы сказать, что поезд отходит, поэтому мой отец и брат должны были подняться на борт, и я продолжил спускаться по дороге позади отступающих, которые переполняли длинную долину, которая спускалась к реке Годуэлл.

В темноте я догнал коммандо Претории, и мы провели ночь, с удобством расположившись у реки. Так как мы всего за один день спустились с высоких равнин на низменную местность, климат которой был заметно мягче, я провел, наконец, первую ночь за много недель в относительном комфорте.

На следующий день буры продолжили отступать вниз по долине по направлению к Нуйтгедахту, где в лагере находилось около двух тысяч военнопленных. Они выстроились около ограды из колючей проволоки вдоль железнодорожной линии и смотрели на наше отступление. Их настроение было приподнятым, потому что они знали, что сегодня их освободят. Они шутили над нами, и только один из них, настроенный более агрессивно, сказал: «Вы говорите, что отступаете? А я говорю — бежите!» Я вынужден был признать, что это так и было, потому что к тому времени

английский авангард наступал нам на пятки, а узкая дорога была переполнена всадниками, фургонами и скотом, и царил полный хаос. Однако, что касается буров, видимость часто бывает обманчива, и то, что сегодня кажется толпой беглецов, завтра может оказаться большой силой, и солдат, который это сказал, вряд ли думал о том, что те самые люди, которые сейчас в беспорядке бегут мимо него, еще подвергнут терпение Великобритании самому большому испытанию за всю ее историю.

Мы спустились по берегам реки Годуэн еще на двадцать пять миль, преследование на какое-то время замедлилось, и следующих три дня мы провели в покое среди красивой природы гор и леса. Англичане, вероятно, думали, что генерал Бота хотел уйти на португальскую территорию, чтобы быть интернированным, вместо того, чтобы сдаться, поэтому они отдыхали. Но генерал Бота думал иначе. Однажды утром мой отец прибыл специальным поездом из Нельспруйта, где находилась новая временная столица. и сказал нам, что командант-генерал собрался уходить на север, в труднодоступные места. Он мог бы достичь гор за Лиденбургом, где силы буров должны были быть реорганизованы для продолжения партизанской войны.

Мой отец действительно приезжал, чтобы провести нас, но я там был один. Хьялмар был в санитарном вагоне, оправляющимся от раны, Жубер после битвы при Далмануте пропал, а самый младший был вместе с русским санитарным отрядом. Так что в настоящее время мы были рассеяны.

Мой отец оставался со мной в течение дня, и затем уехал обратно в долину. К сожалению, паровоз, который привез его, переехал и убил моего бедного маленького пони. Кроме того, что он честно служил мне с первого дня войны, он был нитью, которая связывала меня с прежней жизнью, потому что его мы привезли еще жеребенком из Свободного Государства, и эта потеря была для меня большим ударом. Однако времени для сожаления не было, потому что следующим утром англичане возобновили наступление. Коммандо отступили — одни ушли вниз, на равнины, другие поднялись в горы. Среди последних были и преторийцы, которые. поднялись к месту, которое называлось Девил Кантор, куда мы прибыли той же ночью. Несколько дней до этого преторийцы обсуждали вопрос о том, пойти ли в высокий вельд. Они чувствовали привязанность к родным местам и хотели вернуться туда, где могли получить известие о своих семьях, оставшихся в Претории. Поэтому они решили уйти через горные тропы. Я отказался сопровождать их, поскольку мои отец и брат были в других местах, поэтому

попрощался с ними, и они ушли в темноту. Больше я их не видел, но знал, что они вернулись к родным местам и те из них, кто не был убит или взят в плен, оставались там до конца войны. Сам я присоединился к бюргерам, которые оставались в горах, и в их компании ехал всю ночь, пока рассвет не застал нас на равнине, которая простиралась до Барбертона и Каап-Майден. За ней лежала сильно пресеченная местность, по которой мы медленно двигались три дня, пока не дошли до Гекторспруйта.

Это было последняя железнодорожная станция перед португальской границей, и здесь собралось почти пять тысяч всадников, ожидавших распоряжения генерала Боты. Мы оторвались от английской армии на пятьдесят или шестьдесят миль, и я нашел там всех трех моих братьев. Рана Хьялмара была лучше, и Арнт настолько оправился, что мог сидеть на лошади, в то время как Жубер был в полном порядке в течение всего отступления. Мой отец отсутствовал, но он прибыл два дня спустя. Он оставил свой вагон, поскольку движение поездов было перекрыто, и пересек труднопроходимый участок выше Крокодайлспруйта верхом, и таким образом впервые за несколько месяцев наша семья снова собралась вместе.

У генерала Боты все было готово. Орудия, которыми нельзя было пользоваться, были приведены в негодность или утоплены в Крокодайл-Ривер, больных и раненых отослали к португальской границе, все имущество со складов было распределено между людьми или сожжено. Тем утром в начале сентября 1900 года началась новая стадия войны.

XIV. Новые условия

Наша дорога шла через Саби, низменную местность, изобилующую крупной дичью всех видов. Днем большие стада зебр, гну и саблерогих антилоп стояли, бесстрашно пристально глядя на нас, а ночью львы оглашали ревом окрестности лагеря. Мы кормились охотой, и для меня это путешествие по неосвоенной стране было полно особой прелести — ведь мы проходили по стране, столь же нетронутой, какой была Африка во времена первых трекеров.

После долгого марша мы достигли подножия большого хребта, который уходил на север, насколько мог видеть глаз. Отсюда генерал Бота послал команду с заданием двигаться вдоль этого хребта к хребту Мерчинсон, до которого было двести миль. Сам он в сопровождении отряда, состоявшего из остатков Иоганнесбургской полиции, и в сопровождении горстки оставшихся с ним офицеров пошел в заброшенный поселок Охригстад в ущелье Стигроопт. Наш путь проходил через Граскоп и Пилгримс Рест, среди гор и ущелий, по местам, красивее которых я не встречал.

Теперь, когда президент Крюгер оставил страну, трансваальское правительство состояло из моего отца и вице-президента Шалка Бюргера, которых сопровождали несколько чиновников, и они пока следовали за генералом Ботой в горы, так же как и я с братьями. Мы оставались в Охригстаде в течение недели, но когда там появилась малярия, правительство переехало в находящуюся в нескольких милях поселок Лиденбург, который находился на более высоком месте. Генерал Бота ушел, чтобы спланировать действия партизанских отрядов.

Он сделал это настолько эффективно, что через несколько месяцев имел мобильные отряды во всех районах Трансвааля, действия которых изматывали англичан, что действовало на них особенно раздражающе после того как они считали наше сопротивление сломленным.

Все это, однако, было пока в будущем, а тем временем мы с братьями сидели в правительственном лагере, предаваясь вынужденному безделью. Мы выдержали две недели, а потом решили уехать. Мой самый младший брат был все еще настолько слаб от болезни, что должен был остаться, но мы втроем были готовы. Мой брат Хьялмар, который был несколько странноватым, решил уйти один, и, хотя мы пробовали его удержать, он отправился в Восточный Трансвааль. Впоследствии он попал а плен и увезен в Индию, в лагерь для военнопленных, и я его

больше не видел. Мы с Жубером решили пойти на запад. От встреченного бюргера мы узнали, что генерал Бейерс собирает отряд в Уорм Батс, в двухстах милях от нас, и решили поехать туда. Наши приготовления были недолги, поскольку были достаточно просты. Мы подстрелили куду в горах, сделали бильтоно, сделали запас маиса в соседних полях. Это было всем, что мы имели, будучи отрезанными от внешнего мира после потери железнодорожной линии от залива Делагоа. Мы были на спартанской диете, и в течение следующих двух лет такая роскошь, как сахар, кофе, чай, хлеб и мыло была нам доступна только в редких случаях, если удавалось захватить это у врага

Мы попрощались со всеми и отправились в путь.

Я больше не видел отца в течение следующих двадцати месяцев. Он оставался в поле до конца войны вместе с правительственным лагерем, воюя как рядовой, когда они попадали под огонь врага, что происходило довольно часто, и делая все, чтобы поддержать боевой дух окружающих своими стихами и личным примером.

Путешествие к Уорм Батс было длинным. Наш путь лежал через бушленд, где не было никаких дорог или тропинок, потому что здесь не было никаких обитателей — ни людей, ни диких зверей. Я ехал на моей чалой, которая была со мной с самого начала, а мой брат — на лошади, которую мы забрали у Чарли в Претории.

На третий день нашей поездки произошла печальная встреча. Мы нашли команданта Грейвтта, умирающего от ран в кустарнике. Десятью днями ранее он был ранен осколком снаряда, и его люди привезли его сюда, чтобы он не попал в руки англичан. Он знал, что его конец близок, но переносил страдания без жалоб и о смерти говорил со смирением. Он подозвал нас за несколько минут до своей кончины, чтобы сказать о том, что с нашим отцом они в прежнее время были друзьями, вскоре после этого потерял сознание и больше в него не приходил. Мы помогли похоронить его под деревом, и, опечаленные, продолжили путь.

В течение десяти дней мы путешествовали, отклонившись далеко на север, за Олифантс Ривер, потому что нас ввели в заблуждение местные жители, которые сказали нам, что коммандо находится в том направлении. Когда же мы нашли их, оказалось, что это только отряд, который отправился, чтобы разобраться с войной, которая началась между двумя местными племенами. В числе этого отряда был и генерал Марула и его брат Темный шум, которые теперь были рядовыми.

На них была та же одежда, что и в Натале, только более

потертая от долгого пребывания в вельде, но они приветствовали нас так, как будто с тех пор ничего не изменилось. Оттуда мы повернули на юг, и в конечном счете достигли Уорм Батс, где нашли генерала Бейерса с тысячей человек. Перед войной он был адвокатом, а теперь состоял в коммандо Северо-запада согласно новой схеме генерала Боты. Он был храбрым человеком, но я никогда не любил его.

Здесь мы с удивлением обнаружили наших старых друзей — АКК, почти в полном составе. После того несчастного дня, когда погиб Малан и семь человек, они оставили высокий вельд и ушли сюда. Именно поэтому мы и не нашли их во время отступления к португальской границе. Их было примерно шестьдесят человек, под командованием вновь прибывшего молодого офицера, которого звали Лоди Краузе, который предложил нам вновь присоединиться к ним, что мы и сделали. В Уорм Батс мы оставались большую часть месяца, пока генерал Бейерс принимал пополнение, и время проходило достаточно хорошо. Мы охотились и несколько раз выезжали на патрулирование к Пиенаарс-Ривер, примерно в двадцати пяти милях от Претории, чтобы наблюдать за расположенным там большим английским лагерем. В одну из таких поездок мы спаслись по чистой случайности. Мы вшестером приближались к холмику, возвышавшемуся над лагерем, когда вдруг сильный конный отряд попытался отрезать нам путь к отступлению. Мы развернулись и рванули назад, пойдя так близко к англичанам, что можно было слышать, как они кричали нам, чтобы мы остановились, в то время как их пули свистели рядом с нами. Они гнались за нами, однако нам удалось уйти без единой царапины.»

Если не считать этого, время было спокойное. В конце ноября мой младший брат Арнт приехал к нам, выглядел он здоровым. Он проехал сотни миль, чтобы найти нас, поскольку он, когда выздоровел, также нашел жизнь в правительственном лагере слишком скучной. Мы тоже были рады его видеть. Втроем мы построили хижину для защиты от непогоды, и жили неплохо, потому что еды хватало. Питались мы в основном дичью и зерном, которое генерал Бейерс в большом количестве получал с фермы Ватерберг. Сам он поселился в лагере рядом с нами, он всегда был в плохом настроении и никогда не упускал случая поучаствовать в общей молитве. Вместе с ним был и преподобный господин Крип, пастор голландской реформистской церкви, столь же рьяный в вопросах религии, и дошло до того, что они приказали всем молодым мужчинам посещать занятия по Библии. Когда мы этот приказ игнорировали, Бейерс и Крип приехали лично, чтобы убедить нас, и даже угрожали выгнать нас из

коммандо, но мы стояли на своем. Этот случай даже укрепил нашу репутацию, поскольку буры, хотя и очень религиозны, достаточно терпимы в вопросах веры.

Бейерс меня не волновал, старый проповедник мне нравился, невзирая на узость его кругозора, и я впоследствии вспоминал его как очень упорного человека.

Приблизительно 7-ого декабря (1900) нам приказали быть в готовности на следующий день отправиться на юг. Мой брат Жубер удивил нас, сказав, что он с нами не поедет. Он сказал, что хочет быть артиллеристом при орудии Крезо, одном из немногих оставшихся у нас, и ушел со своим новым отрядом. Он всегда желал быть артиллеристом, и его упрямство побеждало наши аргументы. Он уехал в тот же день, и с тех пор я его не видел, потому что он попал в плен и был отправлен на Бермуды, где находится до сих пор. Генерал Бейерс оставил несколько сот человек и артиллерию, чтобы противодействовать англичанам, которые готовились к вторжению в Северный Трансвааль, а сам вышел в поход с отрядом примерно в восемьсот человек. Его цель состояла в том, чтобы пойти на юг через Магалисберг в высокий вельд, лежащий за этим хребтом, чтобы продолжить партизанскую войну там.

В первый день похода мы встретили вождя местного племени по имени Косс Мамогали. Отсюда была видна долина шириной в двенадцать миль, которая вела к Магалисбергу. Горная цепь протянулась с востока на запад более чем на сто миль, она была границей между высоким вельдом и бушлендом, откуда мы пришли. Той же ночью мы пересекли долину и на рассвете достигли подножия хребта у прохода, которым больше не пользуются, известного как «старая дорога для фургонов». Здесь мы обнаружили свидетельство того, что рядом был генерал де ла Рей, потому что нашли догоравший караван из пятидесяти или шестидесяти английских фургонов, и встретили человека, который был послан к нам, чтобы сказать, что они заманили в засаду этот караван и в жестоком бою захватили много пленных.

Для нас это было хорошим предзнаменованием после постоянных неудач, которые так долго преследовали нас, поскольку это показало, что усилия генерала Боты начинали приносить результаты.

После отдыха мы поднялись на перевал, достигнув вершины в четыре часа того же дня. Оттуда открывался прекрасный вид на юг, мы видели покрытые травой равнины, а далеко на горизонте мы могли даже видеть дымовые трубы и шахты Витватерсранда. Этот вид поднял наше настроение, и мужчины заполнили край утеса, оживленно обсуждая улучшившуюся перспективу, потому

что мы вернулись из дебрей к Претории и Йоганнесбургу.

Тогда мы спустились на южную сторону, и в темноте спешили среди садов и цветников. Мы не спали предыдущей ночью и с нетерпением ждали отдыха и ночлега, но этого не произошло. Пока мы готовили ужин, генерал де ла Рей прибыл к нам на своем знаменитом беломордом пони, и скоро все знали, что нам предстоит атаковать английский лагерь, который недавно был разбит недалеко отсюда у подножия гор.

XV. До и после успеха

Я в последний раз видел генерала де ла Рея во время нашего большого отступления через Свободное Государство. С тех пор он был занят в западном Трансваале, формируя новые команды, и заражал бойцов своей неиссякаемой энергией. Люди очень любили этого замечательного человека. Прошло всего два дня, как он сжег английский караван, остатки которого мы видели у подножия гор, а он с четырьмя сотнями бойцов был уже на другой стороне хребта и готов был нанести другой удар.

Английский командующий, генерал Клементс, стоял лагерем вокруг изгиба горы приблизительно в девяти милях отсюда, с многочисленными войсками, фургонами и орудиями, и когда прибыл Бейерс, генерал де ла Рей поспешил воспользоваться этой возможностью и атаковать англичан объединенными силами.

План действия был скоро разработан. Де ла Рей со своими всадниками должен был на рассвете атаковать английский лагерь со стороны равнины. В то время как мы должны были снова подняться на перевал и пройти по горам под покрытием темноты, чтобы обстреливать англичан со склонов.

Закончив совет, де ла Рей отправился к своим людям, и скоро раздался свист, призывая нас сесть в седла. Генерал Бейерс повел нас по той же дороге, по которой мы пришли час или два назад, но, достигнув вершины перевала, мы повернули на восток и пошли вдоль усыпанного валунами гребня. Животных пришлось вести в поводу, поскольку дорога была очень опасной и поэтому двигались мы очень медленно. К утру, утомленные и сонные, мы остановились на час, чтобы позволить сопровождавшим нас проводникам де ла Рея разведать обстановку. Когда они возвратились, то сообщили, что лагерь генерала Клементса стоял у подножия горы в нем находятся до пятисот солдат. На утесах выше, рядом с тем местом, где мы были сейчас, было примерно столько же, скрытых за временными укреплениями, которые были там расположены на случай атаки сверху. С ними мы и должны были иметь дело, в то время как люди де ла Рея должны были напасть на тех, кто был на равнине.

Генерал Бейерс, иногда мог ошибаться. Но командиром был смелым и находчивым, и сразу дал приказ готовиться к атаке. Лошадей он приказал оставить на месте, и мы должны были спускаться пешими. Мы не знали, как держать строй в темноте, но смогли как-то разобраться и начали движение длинной цепью.

Мы, АКК, занимали правый фланг на краю утеса, который спускался на пятьсот или шестьсот футов. Бейерс был с нами,

слева от нас шел отряд из Ватерберга, за ними — отряд из Заутпансберга. Прежде чем мы успели пройти достаточно далеко, вошло солнце, и на нас обрушился огонь винтовок из английских окопов, расположенных перед нами.

Мы не спали двое суток, поэтому сильно устали, и наше наступление сразу остановилось. Наша линия залегла позади камней и, невзирая на призывы Бейерса, который шел вперед с револьвером в одной руке и хлыстом в другой, призывая нас продолжить атаку, лежали и не поднимали головы под градом пуль.

С того места, где я лежал, я мог видеть английский лагерь, который находился прямо подо мной на расстоянии в сто футов. Я видел бегущих солдат, длинные ряды палаток и лошадей.

Пока я смотрел сверху на равнину, из-за выступающего плеча горы выскочил конный отряд, который поскакал к английскому лагерю. Это был отряд де ла Рея, который начал свою атаку вместе с нашей. Они приблизились и на мгновение показалось, что сейчас англичане будут сокрушены, но тут по нападавшим открыли сильный огонь. Равнина покрылась упавшими людьми и лошадьми и атака захлебнулась. Оставшиеся в живых повернули обратно и через десять минут все закончилось.

Войска, бывшие перед нами на горе, теперь сделали ошибку.

Как и мы, они видели атаку, и, увидев, что наши в беспорядке отступили, они от радости начали кричать. Нас это так разозлило, что все мы внезапно вскочили и бросились на них, и уже ничего не могло нас остановить.

Почти мгновенно, сцепились с англичанами в рукопашной схватке, нанося им удары прикладами. Драка была жестокой. Я смутно помню сверкание штыков, выстрелы в упор прямо в лицо, и вот солдаты побежали или сдались, и мы с трудом поняли, что победили.

Наши потери были серьезны. На земле пред окопами лежало много мертвых и раненных, а в окопах их было еще больше.

Всего у нас было приблизительно двадцать пять убитых и семьдесят раненых, а мы застрелили почти сто англичан, и, помимо этого, взяли много пленных. Но это была тяжелая цена за успех, даже в таком странном деле, когда наши мужчины, которые только что, скорчившись, лежали за камнями, внезапно бросились на врага только с желанием заставить его прекратить торжествующие крики.

Об этой стычке история войны пишет так:

Это была смелая атака, прецедента которой не было со случая на Вагон-Хилл годом ранее и которая стала настоящим сюрпризом. Буры побежали в атаку с криками, не обращая

внимания на потери. Они застрелили большинство британских офицеров, смели пикеты и, несмотря на ожесточенное сопротивление, овладели позицией, убив и ранив девяносто семь солдат и офицеров».

Мы захватили основные позиции, но отдельные солдаты продолжали стрелять по нам из-за камней и генерал Бейерс приказал командиру АКК Краузе очистить место. Краузе взял дюжину людей, и мы перебежками двинулись вперед. Ему это показалось мало, и он приказал нам двигаться быстрее. Результат был плачевным, потому что, как только мы поднялись, раздался залп, который сразил четырех человек. Стрелявших было всего шестеро, они вскочили и побежали к ущелью, по которому можно было спуститься к лагерю.

Одному из них я попал в бедро, Краузе убил другого, но остальные убежали. Мы пошли назад, чтобы увидеть результат, и он оказался довольно печальным. Мой старый школьный товарищ Ян Жубер, сын покойного командант-генерала Пита Жубера, был тяжело ранен в грудь, а трое других были убиты. Двое из них были молодыми братьями Кекмокр, которым было восемнадцать и девятнадцать лет, они состояли в АКК со времени отступления через Свободное Государство. Я нашел раненого мной солдата. Он был серьезно ранен в бедро, но уже сделал себе перевязку с помощью пакета первой помощи, который был у всех солдат, и сказал, что справится сам. Он был типичным кокни и не чувствовал ко мне неприязни, даже показал мне фотографию жены и детей и рассказал о них. Я устроил его поудобнее и оставил в бодром настроении с сигаретой в зубах. Ян Хубер получил серьезную травму — часть патронов из патронташа взорвались у него на груди и попали ему в легкие, поэтому Краузе попросил меня взять у убитого солдата флягу и спуститься по ущелью в поисках воды. Я взял флягу и пошел вниз по ущелью. Там проходила неизвестная нам тропинка к английскому лагерю, и по ней поднимался отряд англичан, который должен был сбросить нас с хребта. Я увидел двадцать или тридцать солдат уже около вершины, на расстоянии броска камня, в то время как множество других продолжали подниматься.»

Я сразу выстрелил и свалил одного из них, остальные спрятались за деревьями. Оттуда они стали стрелять в меня и теперь уже я должен был прятаться. Под прикрытием скал я вернулся к Краузе. Услышав мои новости, он собрал всех, кого мог, и мы успели как раз вовремя, чтобы увидеть забитую солдатами тропу. Мы не стали терять времени и дали по ним залп, с небольшого расстояния в середину строя. Меньше чем через минуту там остались только мертвые и раненые — около

двадцати человек императорских лондонских йоменов, лежавших на пространстве в несколько ярдов.

Теперь склон был очищен и лагерь был в нашей власти, потому что мы могли обстреливать его, не встречая противодействия. Скоро мы увидели, как англичане покидают лагерь, увозя орудия, спустились по ущелью и вошли в лагерь.

Проходя по ущелью, я нашел солдата, которого убил. Я с испугом увидел, что моя пуля снесла ему половину головы. Объяснялось это тем, что во время патрулирования в районе Уорм Батс я нашел на покинутой станции несколько разрывных патронов к маузеру и взял их, собираясь использовать во время охоты. Я держал их в отдельном кармане патронташа, но в спешке вставил один из них в магазин и не заметил этого. Меня это сильно расстроило, хотя нет большой разницы в том, как убивать человека — разрывной пулей или снарядом с лиддитом, но я никогда не пользовался такими боеприпасами. Оставшиеся патроны я выбросил в ручей, который теперь был красным от крови лежавших в нем убитых.

Послав назад за нашими лошадьми, мы ускорили движение в лагерь.

По пути в нижней части ущелья я нашел рядом с тропой двух раненных офицеров, у одного был оторван большой палец, у другого сломана рука. Подходя, я услышал, как один из них сказал другому: «Вот идет к нам типичный молодой бур», и спросил меня, говорю ли я по-английски. Я сказал «да» и тот, что был без пальца, спросил: «Тогда скажите мне, почему вы продолжаете воевать, хотя уже должны сдаться»? Я ответил: «Мы ведем себя как мистер Микобер — все время ждем, что что-то изменится». Они разразились смехом и тот сказал: «Я же говорил, что это — забавная страна, здесь даже молодые буры цитируют Диккенса».

Лагерь был полон запасами всех видов, и такое изобилие мы не видели с тех пор, как разграбили лагерь в Данди. В то время как мы этим занимались, прискакал сильно возбужденный Бейерс и стал кричать, что мы должны преследовать врага, а не грабить лагерь, но мы думали иначе. Мы считали, что сейчас главное — захватить запасы, а не пленных, которых все равно пришлось бы отпустить, потому что их негде было держать, а вернувшись после преследования, мы могли найти лагерь уже разграбленным другими. Поэтому мы продолжили наше занятие, тем более что всадники де ла Рея уже оправились от утреннего поражения и могли преследовать генерала Клементса, уходившего с остатками своих войск к Претории. Мы решили, что свою работу на сегодня выполнили, а остальное пусть делают другие.

Мой брат привел мою чалую лошадь и двух своих верховых лошадей, и мы взяли еще двух лошадей, оставшихся от англичан.

Мы нашли подходящие седла и седельные сумки и стали набивать их всей той роскошью, которой так давно были лишены — чаем, кофе, солью, сахаром, едой, одеждой и книгами. Затем мы последовали за остальными, которые, загрузившись тем, что им было нужно, ехали вдоль подножия хребта к тому месту ниже старого фургонного пути, где мы были вчера вечером.

Так образом закончилось наше участие в сражении.

АКК потерял пять человек убитыми и пять ранеными. Среди последних был наш командир Краузе, которому пуля попала в ногу, и мой капрал Ян Нагель, которому раздробило лопатку. Французский искатель приключений Жорж де Гурвиль, который тоже состоял в АКК, был тоже тяжело ранен, но хуже всего пришлось Яну Жуберу, которого пришлось снести вниз в английский лагерь вместе с другими тяжело ранеными, и оставить там, попросив англичан оказать им помощь, потому что у нас не было ни лекарств, ни докторов.

Мы с братом устроили великолепный банкет, и затем, будучи без отдыха в течение сорока восьми часов, мы проспали целые сутки.

На следующий день те убитые, которых их друзья и соратники принесли вниз, были похоронены в братской могиле, которую я помог рыть. При этом присутствовал генерал де ла Рей. О он произнес такую речь, что многие прослезились, потому что он был не только прекрасным военным, но и красноречивым оратором.

Здесь мы оставались в течение нескольких дней, в течение которых мой брат и я наслаждались жизнью после диеты из мяса и кукурузы, на которой мы существовали так долго. Мы перевооружились, взяв винтовки ли-метфорд вместо маузеров, для которых не было патронов, и имели хороших лошадей. Моя старая чалая была хороша как всегда, и я взял каштанового пони, которого предпочел более прихотливым большим лошадям. Других лошадей я отдал, чтобы не быть очень обремененным. У моего брата было две лошади, которых он привел с севера, одна из них была «бесплатной» (среди буров гнедую лошадь с белой мордой и четырьмя белыми чулками принято называть бесплатными, так как по старой традиции такие лошади беспошлинно проходили таможенные заставы).

А второй лошадей был самый странный конь, которого я когда-либо знал. Мой отец купил его в лиденбургском дистрикте у бура, который забыл нам сказать, что этот конь одержим дьяволом. Он вытворял такие вещи, что полиция в

правительственном лагере объявила его безумным и дала ему прозвище Мальперт (бешеный конь). Иногда он позволял кому-то приблизиться к себе и вел себя нормально, но другой раз приходилось окружать его всем лагерем (включая вице-президента), чтобы его поймать. Он мог делать вид, что спокоен, но, когда его окружали, он начинал прыгать, лягаться, так что трава летела из-под его копыт и вел себя так, что проще было уступить ему дорогу, из страха попасть под его копыта. Если его снова окружали, все повторялось, пока люди не расходились со смехом и проклятиями. Единственные люди, к которым он относился с уважением, были я и мой брат Арнт. Меня он боялся, потому что однажды в лиденбургском лагере, после того, как он дважды прорвался через кордон, я вскочил на него и крепко обхватил его за шею. Он вставал на дыбы. Скакал и даже кусался, пытаясь меня сбросить, но я так крепко обхватил его ногами, что он в конце концов покорился. Моего брата он слушался потому, что однажды тот вылечил ему язву на спине, и он с тех пор был ему благодарен. Его репутация опережала его, и он слыл среди буров настоящим чудовищем. Нередко, когда мы приближались к очередному лагерю, слышался крик: «Внимание, здесь Мальперт!» и все разбегались, чтобы не попасть под его копыта. Однако все его выкрутасы принимались достаточно добродушно, потому что конь был отличный по всем статьям, и все смотрели на него с восхищением, а к нам с Арнтом он относился хорошо.

Хорошо экипированные мы с братом чувствовали, что могли бы отправиться куда угодно и что угодно сделать, и смотрели в будущее с оптимизмом. Генерал де ла Рей отправился по другим делам, оставив нас с Бейерсом. В день Дингаана, 16 декабря, они с преподобным Критом устроили на соседнем холме богослужение. Они пригласили всех участвовать в строительстве пирамиды из камней, как это было в Пааудекрале в 1880 году, во время первой войны. Мы с братом отказались в этом участвовать, поскольку нам это показалось театральщиной, но, насколько мне известно, эта пирамида до сих пор стоит на том месте, как свидетельство тщетных надежд.

На следующий день кавалерийский генерал Френч, как нам сообщили, вышел из Претории в долину Некпорт, и Бейерс двинулся ему навстречу.

АКК должен был занять позицию рядом с Некпортом, на цепи холмов, окаймлявших долину, чтобы охранять наши главные силы от всяких неожиданностей. Мы провели очень неуютную ночь на скалах, которые возвышались над широким проходом, и на рассвете увидели приближающихся англичан, которых было три или четыре тысячи всадников. От Бейерса мы получили

строгий приказ оставаться незамеченными, поэтому Краузе приказал нам отвести лошадей в ущелье, после чего мы снова поднялись на скалы, чтобы следить за вражеским наступлением. Долина в этом месте была шириной в четыре или пять миль, и британские войска растянулись по всей ее ширине, ближайшие всадники-разведчики были так близко к нам, что мы легко могли бы их подстрелить. Мы видели, что люди Бейерса отошли, чтобы занять линию холмов за долиной, и они были заняты. Мы прекрасно могли видеть поле предстоящей битвы, но нас больше занимало то обстоятельство, что британцы находятся между нами и основными силами Бейерса, и, если Бейерс отступит, мы окажемся отрезанными во вражеском тылу.

И, когда орудийный огонь усилился, а войска сгруппировались, мы увидели, что наши люди побежали за лошадьми и ускакали. Это не было неожиданностью, учитывая превосходство противника, но в результате коммандо, преследуемое англичанами, ускакало, а мы остались далеко позади.

Краузе решил дойти до своих, обойдя англичан с левого фланга, но у нас было так много стычек с патрулями и нас так часто обстреливали из помпов и орудий, что нам пришлось найти убежище в параллельной цепи холмов. Отсюда мы видели, как наши примерно в шести милях от нас передвигаются на запад, над ними вспыхивали облачка от разрывов шрапнели, а англичане сидели у них на пятках.

Тогда Краузе повел нас в дикую местность к северо-западу от Иоганнесбурга (Скурве-Берген), где такой маленький отряд, как наш, мог укрыться на некоторое время, и в темноте мы уже были там.

Хотя дождливый сезон затянулся, последние дни были солнечными, но теперь погода испортилась и в течение следующих шести дней шел непрерывный дождь. Мы нашли одинокий сельский дом, и здесь оставались в ожидании прекращения ливня, чтобы можно было двигаться дальше. Ферма была покинута, но овцы паслись рядом, а в сарае лежали сухие дрова, так что мы жили неплохо.

Жорж де Гурвиль, француз, настоял на том, чтобы сопровождать нас несмотря на рану, и он там едва не скончался, мы с братом возились с ним, пока у него была лихорадка. Вечером шестого дня облака разошлись, и мы решили отправиться той же ночью на поиски генерала Бейерса.

Мы понятия не имели, где он был, но мы рассчитывали обнаружить его рано или поздно, поэтому выступили сразу после наступления темноты. Мы двигались всю ночь, с короткими

остановками, и к утру прибыли на ферму, где женщина сказала нам, что генерал Френч со своими войсками стоит лагерем неподалеку. Она сказала, что англичане бросили преследовать Бейерса и возвращались в Преторию, но были остановлены дождем и теперь ждут хорошей погоды, чтобы продолжить свой путь.

Узнав это, Краузе тут же решил с двумя бойцами поехать на разведку, и больше мы его не видели. Очевидно, он попал в руки англичан, потому что вскоре после его отъезда мы слышали несколько выстрелов, после чего наступила тишина. Мы прождали до наступления дня, а потом решили продолжить путь без него.

Над вельдом нависал тяжелый туман, поэтому мы пробирались очень осторожно, и случилось так, что, когда мы с братом и еще одним человеком отклонились от дороги, чтобы напоить лошадей, четыре английских солдата выехали из тумана и тоже стали поить лошадей на расстоянии в сто ярдах от нас. Мы пристально разглядывали друг друга в неверном свете, а потом один из солдат закричал: «Смотрите, это буры!», и они, развернувшись, поскакали назад. Мы прыгнули с лошадей и выстрелили, сбив двоих из них. Подъехав к ним, мы обнаружили, что один из них мертв, а другой бьется в агонии, лошади их убежали. Пока мы пробовали помочь раненому, туман поднялся, и мы увидели рядом с собой большой английский лагерь. Мы слышали, что наши ускорили движение по размокшей земле, потому что тоже увидели лагерь.

Раздался сигнал горна, и мы увидели, как англичане бегут к лошадям, и поэтому поскакали прямо через вельд по следу, оставленному своими.

После длинной скачки мы догнали их, и, когда немного позже солнце прорвалось сквозь туман, мы смогли увидеть приблизительно пятьсот английских всадников, которые, гнались за нами, но мы легко опережали их, потому что, несмотря на то что наши лошади шли всю ночь, тяжелые лошади англичан не были для них соперниками, они были намного легче и выносливее их.

Краузе быть захвачен, мы были теперь без командира, но у буров каждый сам себе командир. Поэтому эта потеря на нас сильно не повлияла и, избавившись от преследователей, мы уже спокойно поехали на запад и через два дня встретили генерала Бейерса, который со своим отрядом разбил лагерь рядом с истоком реки Моой в районе Почефструма.

Бейерс назначил нашим новым командиром капрала Яна Нагеля, этот выбор все одобрили, потому что тот, хотя и был

человеком грубоватым и невежественным, пользовался всеобщей любовью. Он все еще страдал от раны, полученной на хребте, но все же оставался в седле.

Мы спокойно отметили Рождество, но следующим утром со стороны Почефструма прибыла английская колонна, и, поскольку защищать там все равно было нечего, генерал Бейерс дал им возможность решить, что мы убежали, и приказал нам отступить. В темноте мы достигли деревни Вентерсдорп, где и провели ночь. Отсюда мы пошли куда глаза глядят, ища возможности ударить по англичанам, но такой возможности нам не представилось до самого нового, 1901 года.

XVI. С Запада на Восток

Мы вошли в район Лихтенбурга, в пределах дня пути от Мэйфкинга и границы Бечуанленда. Эту область контролировал де ла Рей, но он был далеко на юге, и мы встретили только один из его патрулей.

Бейерс планировал совершить набег на Мэйфкинг, но прежде, чем он смог это сделать, с востока прибыл курьер с приказом от генерала Боты всем собраться в районе Эмлело. Это значило, что нам предстояло пересечь весь Трансвааль с запада на восток, что составляло около трехсот миль. К счастью, наши лошади были в хорошем состоянии, благодаря обильным дождям и хорошему уходу, поэтому мы не стали откладывать путешествие. Мы начали этот путь на восток, и через несколько дней пришли в долину под Магалисбергом, недалеко от того места, где недавно захватили лагерь генерала Клементса. После этого происшествия англичане, очевидно, решили более основательно укрепиться в этой местности, потому что несколькими милями лале мы обнаружили большой отряд англичан, которые строили укрепленный лагерь, словно намереваясь остаться там навсегда.

Мы оставили лагерь в покое, но в течение нескольких часов лежали на горном хребте, наблюдая за противником. Они стреляли по нам из орудий, и один снаряд убил одного из ватербергцев в нескольких ярдах от меня. Пока мы оставались там, я пересек долину, чтобы навестить находящегося в домике недалеко от лагеря Клементса моего друга Яна Жубера, которого оставили там после сражения вместе с другим раненым. Он был уже вне опасности, но до выздоровления было далеко. Он сказал мне, что британцы обращаются с ним очень хорошо. Хирург приходит почти каждый день, санитары прекрасно за ними ухаживают. Они даже привезли из Претории его старую мать, которая ухаживает за ним, и офицеры из лагеря, расположенного вниз по долине, часто приносят им фрукты и другие лакомства. Из страха попасться патрулю я оставался с ним недолго, и, наскоро попрощавшись, отправился назад. Я не знаю, что с ним дальше было, но думаю, что он поправился.

Мы возобновили наш марш к железной дороге, которая соединяла Преторию с Йоганнесбургом. Идти следовало очень осторожно, так как эта дорога круглосуточно патрулировалась бронепоездами.

АКК послали вперед на разведку, и после отсутствия в течение двенадцати часов мы сообщили, что пересечь дорогу было реально. Возвращаясь к главным силам, мы на холме

Зварткоп увидели подозрительного из местных, который наблюдал на нами, и на всякий случай арестовали его, чтобы допросить. Мы допросили его, но никаких доказательств того, что он был шпионом, не получили, но на всякий случай решили задержать его на ночь и утром отпустить. Но перед самым рассветом, когда я спал с седлом под головой, я услышал крики и, вскочив и осмотревшись, увидел, что пленник со всей скоростью, на какую был способен, бежит к Зварткопу. Несколько наших были уже на ногах и кричали ему, чтобы он вернулся, но он не останавливался, тогда они стали стрелять и убили его. Мне было жаль его, но в той ситуации иначе они поступить не могли.

Тем же вечером мы начали марш к железной дороге, которую должны были пресечь на рассвете. АКК заранее все разведаль, поэтому мы шли впереди и первыми перешли рельсы. Когда мы переходили их, к нам не спеша приблизился английский солдат, чтобы выяснить, кто мы такие, и был очень озадачен, когда узнал. Мы отобрали у него лошадь, оружие и снаряжение и велели ему уходить, чему он с готовностью повиновался и ушел в сторону Иоганнесбурга.

На противоположной стороне линии стояла маленькая ферма, из которой выскочили еще несколько солдат. Они все сдались кроме одного человека, который попытался скрыться в саду, но мы застрелили его, прежде чем он успел далеко убежать. Одновременно от станции Каалфронтейн подъехала дрезина, и, поскольку ее команда попробовала дать задний ход, мы стали по ней стрелять, убив одного солдата и ранив местного. Убитый оказался путевым обходчиком, а дрезина выполняла ежедневный объезд дороги. Мы их отпустили, сказав, что они сами виноваты — если бы остановились, когда им сказали, никто бы не пострадал.

Теперь подошли наши главные силы, и некоторые бюргеры по глупости решили проехать до здания станции. Там был гарнизон, и в результате трое из них были убиты и несколько человек ранены, они остались в руках гарнизона. Наконец все пересекли линию и направились к большой ферме, расположенной за возвышением местности.

Этот переход железной дороги был несложным, но ближе к концу войны, когда англичане устроили систему блокпостов, это стало намного сложнее; передвигаться по территории Трансвааля и Свободного Государства стало сложно, правда я, будучи в Капской колонии, об этом почти не знал.

В то время как мы отдыхали на ферме, были высланы патрули, и меньше чем через час один из них прискакал назад, чтобы сказать, что большой отряд англичан приближается из

Иоганнесбурга. Почти тут же мы услышали гром выстрелов и рев разрывающихся снарядов.

Наши лошади паслись снаружи и перепугались, но мы сумели справиться с ними, сесть в седла и уйти на северо-восток, никого не потеряв. Поскольку у англичан были орудия, мы не могли бороться с ними на открытой местности, и в любом случае наша цель состояла в том, чтобы соединиться с командант-генералом. Войска пробовали задержать нас, из Претории прибыл бронепоезд, который начал обстреливать нас лиддитовыми снарядами, но мы были намного подвижнее и оставили солдат позади, а к полудню оторвались от них так далеко, что смогли сделать привал и отдохнуть.

На следующий день мы продолжили путь к Олифантсфонтейну, где в прошлом году были убиты семь человек из АКК. В этом месте я перенес очень серьезную потерю, поскольку один мой молодой товарищ потребовал отдать ему пони, которого я привел из английского лагеря после сражения под Магалисбергом. Он привел меня вместе с лошадью к генералу Бейерсу и доказал тому, что эта лошадь принадлежала его отцу, который погиб тем утром во время неудачной атаки де ла Рея. Мне нечего было возразить и пришлось отдать лошадь, но это оставило меня с одной моей старой чалой, и это в то время, когда лишиться лошади значило лишиться жизни или по меньшей мере свободы.

В Олифантсфонтейне с небольшим эскортом появился генерал Бота. Он выглядел более худым по сравнению с тем, как я в последний раз видел его Лиденбурге четыре месяца назад, но был полон энергии и веры в победу. Он сказал нам, что лорд Робертс решил поставить буров на колени с помощью серии операций, в ходе которых крупные силы английских войск должны были прочесать страну, как бреднем. Для этого в течение января (1901 года) вдоль Иоганнесбургской железной дороги было собрано около пятидесяти тысяч человек, которые должны были пройти по вельду фронтом в шестьдесят-семьдесят миль, с намерением очистить Восточный Трансвааль, после чего это будет повторено в других местах, пока все не будут убиты или пленены.

Буры пока еще не подозревали, что эта операция будет сопровождаться сжиганием ферм, уничтожением посевов и стад, заключением в концлагеря их жен и детей, но скоро им предстояло узнать, что британцы решили подавить сопротивление буров с помощью запугивания и тактики выжженной земли, не обращая при этом внимания на страдания мирного населения и не зная о том, что эти меры вызывают у

буров желание продолжать сопротивление.»

Спустя два дня после того, как генерал Бота уехал, нас атаквали. Когда взошло солнце, через весь горизонт с запада на восток, насколько мог видеть глаз, протянулась цепь английских всадников, а за ними все дороги были черными от пехотных колонн, орудий и фургонов. Вся эта военная машина двигалась в нашем направлении.

Генерал Бейерс, оценив ситуацию, разделил силы надвое и поехал с одной половиной, чтобы найти левый фланг врага, в то время как остальной нашей части приказали действовать по обстоятельствам.

Далеко, с левой стороны от нас, были видны группы людей генерала Боты, стоявшие на холмах, и выглядели они как маленькие пятнышки по сравнению с массой англичан

Весь этот день мы отступали, задерживая вражеских всадников огнем винтовок в максимально возможной степени, и отходя, когда орудийный огонь становился слишком сильным. Это продолжалось до заката без тяжелых потерь с нашей стороны, несмотря на множество орудий, которые были установлены на всех холмах и холмиках. Однажды я увидел, как мой брат исчез в облаке взрыва снаряда со шрапнелью, но вскоре он появился вместе с лошадью, которая тоже не пострадала.

Утром позади наступавших англичан стали появляться столбы дыма, и мы с удивлением увидели, что они жгли фермы, которые были у них на пути. К полудню стало известно, что они не только разрушают все, что могут, но и захватывают и отправляют куда-то женщин и детей.

Сначала мы едва могли в это поверить, но когда одна за другой женщины с безумными глазами прискакали к нам, стало ясно, что открыта самая ужасная страница войны

Намерение англичан состояло в том, чтобы подорвать моральный дух бойцов, но эффект был прямо противоположным. Вместо того, чтобы ослабить их, эта политика подняла их решимость продолжать борьбу и вместо того, чтобы ускорить окончание войны, продлила ее на год или даже больше.

История «Таймс» пишет:

«Политика сжигания ферм и уничтожения посевов как мера запугивания не никому может быть рекомендована, и никакая другая мера не вызывала такого глубокого и длительного негодования. Голландцы — не тот народ, который легко запугать, эта политика полностью провалилась, как может заметить каждый, кто знаком с историей. Применение этой политики против народа, который защищал свои дома с такой храбростью и упорством, которые справедливо вызвали восхищение всего мира,

было наименее удачным начинанием лорда Робертса и должно быть занесено в список его самых серьезных ошибок». В темноте преследование замедлилось. Дождь не прекращался всю ночь, и мы провели ночь, лежа в грязи и воде на голых склонах. На рассвете все снова пришло в движение, но из-за дождя и размокшей почвы англичане еле могли ползти по нашему следу, и нам было нетрудно сохранять дистанцию. Появились слухи о том, что англичане продолжают очищать страну и вывозить с ферм мирное население.

Равнина была покрыта фургонами, телегами и всевозможными транспортными средствами, загруженными женщинами и детьми, в то время как большое число лошадей, и скота отгонялось туземными слугами от домов и стогов, горевших позади них.

Генерал Бота направил всех мирных жителей с фургонами и скотом в сторону Свазиленда, а нам приказал расступаться перед войсками, чтобы они могли уйти от их огня.

Вследствие этих мер в течение следующих дней фронт англичан разорвался. Британцы не могли держать сплошной непрерывный фронт на увеличивавшемся расстоянии, и их войска отставали от неуловимых бургских сил, которые легко уклонились от колонн, тащившихся по грязи далеко в тылу.

Эта операция причинила огромный материальный ущерб сельским домам и посевам, и много домашнего скота было угнано, но ожидаемого эффекта на бюргеров не произвело, напротив, это заставило их продолжать борьбу более решительно, чем когда бы то ни было.

Как только давление англичан ослабело, нам, АКК, поручили патрулировать область вокруг Бетала и Эрмело, и хотя мы много разъезжали на флангах различных колонн, которые шли вперед, в бой мы не вступали, а я перенес потерю моей дорогой старой чалой лошади. Однажды утром она, спотыкаясь и шатаясь, пришла с пастбища, и я, едва взглянув на нее, по ее остекленевшим глазам и поведению сразу понял, что она поражена страшной для лошадей болезнью, от которой выздоравливает только одно животное из ста. Она ждала от меня помощи, но я не мог ничего сделать, и меньше чем через час она упала мертвой к моим ногам. Это было большим горем, потому что за долгие месяцы с начала войны мы успели сильно привязаться друг к другу. Я вынужден был оставить ее, потому что, как только она упала, английские разведчики появились на соседнем холме. Я бросил мое седло на лошадь, которую мне одолжили, и поскакал вместе с остальными, и, поскольку мой брат отсутствовал, будучи на патрулировании вместе с обоими

лошадьми, я был вынужден положиться на данных взаимны животных.

По его возвращению неделю спустя он бескорыстно передал мне Мальперта, и мы провели некоторое время, разъезжая по равнинам маленькими отрядами, чтобы наблюдать за англичанами, поскольку, хотя сплошным фронтом они уже не шли, их колонны все еще бесцельно блуждали по стране, и нам было приказано вести им счет. У нас было несколько стычек с их патрулями, а один раз рядом с нами разорвался шрапнельный снаряд, этим взрывом разорвало на части человека из Каролины, который был от меня на расстоянии вытянутой руки, и так серьезно ранило его лошадь, что я должен был ее пристрелить.

После полного обследования сельской местности до границы Свазиленда, патрули АКК повторно собирались в месте называемом Клипстапель, которое было самым высоким и холодным во всем Трансваале. В тот же день прибыл приказ от генерала Боты, в соответствии с которым АКК должен был прибыть к нему до полуночи, так как он собирался атаковать английский отряд, разбивший лагерь у озера Крисси.

Нападение состоялось, но нас держали в резерве. Мы услышали звук стрельбы незадолго до рассвета, и прошел слух, что лагерь был взят. Это оказалось только частично верным, поскольку с восходом солнца к нам прискакало несколько лошадей без всадников, позже прискакали всадники, которые сказали нам, что, хотя они преуспели в том, чтобы войти в лагерь, английские лошади впали в панику и устроили такой беспорядок, что наши сочли за лучшее уйти, хотя победа была почти в их руках.

Поскольку уже рассвело, мы могли видеть, что английский лагерь не пострадал, и, поскольку на нас и другие отряды наводили орудия, мы отошли, чтобы найти убежище в соседней долине, где и нашли генерала Боту с его людьми. Настроение было подавленное, потому что наши потери были велики — примерно сорок убитых и много раненых, а результата не было.

Но генерал Бота произнес речь, говоря о том, что не все потеряно, удачи следуют за неудачами, при этом его никто не перебивал, и настроение у людей несколько поднялось.

После этого он разделил свои коммандо. Мы должны были жить, питаясь овцами, бродящими по вельду, и собирая зерно с полей, оставшихся необранными, поэтому и разделились на мелкие отряды, чтобы легче было прокормиться.

Поскольку английский фронт разделился и необходимости в нашем дальнейшем присутствии в Восточном Трансваале не было, он приказал Бейерсу пойти на север в район Ватербергена,

куда сейчас пришли англичане и откуда доносились призывы о помощи.

Большинство людей Бейерса было из Ватерберга, поэтому было вполне естественно послать их туда, но АКК был смешанной командой из людей разного происхождения, своего рода Иностранным Легионом, не привязанным к какой-то местности. Кроме того, мы недолюбливали Бейерса, поэтому решили вернуться на запад и присоединиться к генералу де ла Рею, тем более что оттуда тоже приходили тревожные слухи.

Бейерс соответственно начал свой марш к границе без нас, а мы ушли от генерала Боты на следующий день. После нескольких дней поездки по равнинам мы вернулись к местности между Преторией и Иоганнесбургом, чтобы повторно пересечь железнодорожную линию.

На сей раз она охранялась лучше, поскольку мы обнаружили многочисленные небольшие лагеря с обеих сторон, а сама линия патрулировалась кавалерийскими разъездами. Ян Нагель, наш командир, послал меня с другим человеком после наступления темноты, чтобы найти удобное место для пересечения. пересечение{кроссирование}. Мы доползли прямо до Айрин Стэйшн, в десяти милях от Претории, пройдя в нескольких ярдах от палаток, и в тысяче ярдов ниже, мы нашли подходящее место.

Мы были там всю ночь, возвращаясь к АКК на соседнюю ферму с рассветом. Здесь мы отдыхали спокойно, до темноты, и мой компаньон и я провели коммандо по железнодорожной линии без всяких неприятностей. Мы ехали всю ночь, и к утру достигли хорошо нам знакомого Зварткопа.

Мы вернулись в местность Скурве-Берген около Иоганнесбурга, где находили убежище прежде, и здесь отдыхали в течение семи или восьми дней, поскольку британские войска редко посещали эти холмы.

Это было ошибкой, из-за которой мы едва не погибли, поскольку было общеизвестно, что эта область в дождливый сезон опасна для лошадей. Наши животные начали умирать настолько быстро, что, к тому времени, когда мы перешли в более высокую местность, более половины АКК оказалось без лошадей, но Мальперт и «бесплатный» конь моего брата избежали инфекции, и мы с ним были в седле.

Ян Нагель решил, что мы должны добраться до коммандо генерала де ла Рея на западе, где была надежда получить новых лошадей. Так мы отправились в этот путь — половина неслась на седлах и вещи на спине, остальные не знали, когда им предстоит то же самое.

XVII. Конец АКК. Я планирую пойти в Капскую Колонию

Мы пробирались вперед в течение двух дней, идя на запад, продолжая по пути терять лошадей, пока не оказалось, что наш путь закрыт войсковым соединением размещенным на высоте, известной как Рамаготла, с которой они имели широкий обзор окружающей местности.

Большое количество безлошадных осложняло наше положение, мы не могли рисковать, появившись на открытой местности, поэтому повернули на север, чтобы найти укрытие в Магалисберге, который был виден на далеком горизонте.

Пробравшись по оврагам по долине, мы добрались до подножия гор, где нас уже не могли заметить, до того самого места, где заканчивалась старая фургонная дорога, по которой мы за два месяца до этого шли из Ватерберга.

На этом пути у Мальперта появились признаки болезни, ясно говорящие о том, что ему осталось немного.

Английская кавалерия была недалеко, и мы должны были торопиться, чтобы воспользоваться темнотой, поэтому я оставил его в ближайшем саду, чтобы дать ему шанс на выздоровление. Следующим утром, осматривая утесы, я увидел, что он мертв. И мы с братом спустились к нему, чтобы попрощаться.

По нашему возвращению Нагель обсудил ситуацию. С большим количеством лошадей, умирающих каждый день, наша перспектива безопасно пересечь открытые равнины и соединиться с генералом де ла Реем была сомнительной, и он предложил возвратиться к холмистой местности, откуда мы только что прибыли. Он сказал, что мы могли бы переждать там, пока де ла Рей не будет извещен о нашем положении и не пришлет нам лошадей, чтобы мы смогли присоединиться к нему.

Приблизительно половина мужчин согласилась на это, но другие отказались. Они сказали, что де ла Рей сам нуждался в лошадях, и, с приближением зимы, они предпочли бы уйти на север по горной цепи, потому что климат там теплее. Мы с братом тоже решили пойти на север, хотя и по другой причине. У меня не было лошади, он тоже мог лишиться ее в любой момент, поэтому мы решили найти нашего отца и рассчитывали достать лошадей у него, после чего готовы были вернуться на юг.

Все это мы обговорили с Нагелем и он отпустил нас в тот же день, поскольку был разумным человеком и понимал нашу правоту. Мы попрощались с ними, и скоро все они пропали за

поворотом ущелья. С ними были француз де Гурвиль, два сына нашего покойного командира Алана, Фред Хэнкок, мой старый Блумфонтейнский однокашник, и многие другие друзья и товарищи, ни одного из которых я больше никогда не видел.

Я думаю, скорее всего они были выслежены и взяты в плен или убиты прежде, чем смогли получить новых лошадей, поскольку, как потом оказалось, их надежды на получение лошадей от генерала де ла Рея были нулевыми, так как сам он не имел ни одной лишней лошади.

Мужчины, которые пошли на север, теперь двигались по горам, некоторые верхом, большинство пешком, и таким образом АКК прекратил свое существование.

Мы с братом не торопились, поэтому той ночью остались отдыхать среди валунов.

Мой отец был где-то в районе Лиденбурга, на расстоянии в триста миль — нелегкая поездка с единственной лошадью на двоих, но мы рассчитывали, что, по очереди верхом и пешком мы в конце концов доберемся туда, и отец, как член правительства, достанет нам лошадей.

На следующий день мы загрузили наше снаряжение на лошадь и спустились на северную сторону Магалисберга в большую долину, которую мы пересекли с Бейрсом ночью, когда нашли сгоревший караван.

Мы достигли подножия гор днем, к этому времени люди из АКК, ушедшие раньше нас, уже скрылись из виду, оставив нас одних в широком ущелье. К вечеру, однако, мы набрали на запряженный волами фургон, который был спрятан в кустах и принадлежал смелой старой бурской леди, которая сказала нам, что она держит путь в бушленд. Ее муж сражался вместе с де ла Реем, и, поскольку англичане опустошали страну на западе, она погрузила свое имущество на фургон, и, оставляя ферму на произвол судьбы, пересекла Магалисберг со своими детьми и пастухом из местных. Она сказала, что идет прямо на север, и предложила проехать с ней. Поскольку это спасло бы нас от утомительного пешего похода, мы помогли запрячь волов, и были вне себя от радости от такой удачи. Прежде, чем мы успели далеко отъехать, я вспомнил, что забыл мои седельные сумки, там, где мы остановились тем утром, спускаясь с горы: этот небольшой случай, изменил для меня весь ход моего дальнейшего участия в войне.

Седельные сумки были редки и дороги, и кроме того, в моей была соль, которую я неделей ранее нашел на заброшенной ферме, поэтому мы решили, что мой брат будет продолжать ехать в фургоне, а я на его лошади вернусь в ущелье, чтобы найти

сумку. Мы думали, что я догоню их на следующий день, и, оставив брата в фургоне, я поскакал на его «бесплатной» к горам.

К тому времени, когда я достиг места, где я оставил свои вещи, стемнело, поэтому я развел костер и провел ночь там же. На следующий день, когда я растреноживал лошадь, она укусила меня за руку — верный признак того, что она была не в себе, так как обычно она была ласковой, но я оседлал ее и поехал вниз. На полпути к долине в ее ноздрях появилась пена, что было верным признаком болезни. Я заметил пустой дом и завел ее туда, чтобы она была вы тени — единственное средство, которое было в моем распоряжении, но менее чем через час она была мертва.

Я мог просматривать дорогу на север на десять миль или больше, фургона видно не было, и, поскольку солнце припекало, я решил отдохнуть в доме, пока не станет прохладнее, перед тем как идти на поиски моего брата.

Сельский дом, очевидно, использовался как место сбора и база английских поставщиков на дороге между Рустенбургом и Преторией, потому что все вокруг было завалено пустыми консервными банками, а полы в комнатах были покрыты окурками и прочим мусором. Осматривая комнаты в поисках прохладного места, я нашел нераспечатанную пачку газет. Я не видел ни одной газеты за последние девять месяцев, поэтому стал их читать. Я впервые узнал, что королева Виктория скончалась, в Китае идет война, а лорд Робертс заменен лордом Китченером, и о многих других событиях, которые происходили в мире. Больше всего меня заинтересовало сообщение о бурском командо, которое проникло далеко вглубь Капской колонии, и я решил пойти и найти его.

Не очень ясно было, как я должен был это сделать, поскольку до Капской колонии было много сотен миль, и я был один и без лошади. Но я уже все решил и, оставив мысль о том, чтобы догнать брата, взвалил седло на плечи, взял в одну руку винтовку, а в другую котелок и пустился в дальний путь.

Поскольку я тащился по той же дороге, по которой приехал, облака пыли, поднимавшиеся в направлении Претории, предупредили меня о приближении английского отряда, поэтому я спрятался в кустарнике и там провел ночь. Перед рассветом я снова подошел к подножию Магалисберга у старой фургонной дороги и встретил здесь пятьдесят человек из Рустенбурга, которые подошли туда накануне вечером. Они были безлошадны как и я вследствие эпидемии, и ввиду приближения англичан мы решили спрятаться в горах.

Поднявшись на небольшое расстояние, мы могли следить за передвижениями солдат, которых, как мы посчитали, было около

трех тысяч, с орудиями и большим обозом, и двигались они в нашем направлении. Мы спустились в высоты в ущелье и там притаились, но погода испортилась: в течение восьми дней шел дождь, а у нас не было никакого убежища, кроме нависающих скал. Дрова было найти невозможно, поэтому мы питались только бильтонгом и не имели горячей пищи.

Мы не могли спуститься с горы, потому что разведчики сказали нам, что в пределах досягаемости не было ни одного дома или сарая, который не был бы занят англичанами, укрывшимися от непогоды. Сознание того, что наши противники так хорошо устроились, усиливало наши страдания — ведь каждый раз, когда туман рассеивался, мы видели дым, поднимающийся над каждым окрестным домом.

Когда дождь прекратился, после этой ужасной недели мы с нетерпением наблюдали за тем, как войска уходят, а затем поторопились спуститься на северную сторону гор, чтобы занять несколько ферм, которые они освободили.

Мои ботинки тем временем сгнили, а я должен был спускаться по острым камням босиком. Мои ноги так распухли и покрылись язвами, что должен был в течение двух недель пролежать под навесом для сушки табака, куда меня принесли. Мужчины были добры ко мне, один старый сапожник прошел двадцать миль, чтобы принести кусок кожи, из которой он сделал мне пару сыромятных сандалий, который долго мне прослужили.

Эти бюргеры принадлежали к допперами, религиозной секте, несколько похожей на квакеров. У них был странный взгляд на многие вещи, но при всем этом они были людьми храбрыми и неиспорченными.

Среди них были некоторые, кто служил с де ла Реем до того, как потерять лошадь, и теперь они стали обсуждать возможность возвращения к нему.

Это означало снова пересечь Магалисберг на юг и идти отсюда пешком по открытым равнинам высокого вельда, где мы могли оказаться во власти первого конного вражеского патруля, который заметит нас, так что задача была не простой.

Однако, взвесив все доводы за и против этого предприятия, тринадцать человек из нас решили рискнуть, несмотря на предупреждения тех, кто остался.

Перспектива пройти пешком, двести миль, нагруженными седлами и другим имуществом, не была особо привлекательной, но мы начали свои приготовления. Однажды утром я во время охоты нашел место, где в прошлом году был сожжен английский обоз, и меня посетила хорошая мысль. Там не осталось ни одного целого фургона, но, мне показалось, что, собрав уцелевшие

колеса, оси и доски, можно было бы попробовать соорудить повозку.

Вернувшись к моим компаньонам, предложил эту идею, и она была одобрена. Они сразу пошли посмотреть, что можно сделать, и через два дня фургон, хотя и странно выглядевший, но надежный, был готов.

Вопрос тягловых животных был так же легко решен. В глубоком ущелье в нескольких милях от нас было большое стадо рогатого скота, укрытого там по приказу де ла Рея в качестве резервного склада продовольствия для его команды. Мы пришли туда и получили дюжину хороших волов.

Мои попутчики были прирожденными погонщиками, которые сразу могли сказать, какие животные приучены к хомуту, и после испытаний они даже могли сказать точное место в упряжке для каждого из них, таким образом они быстро набрали превосходную команду, с которой мы возвратились, чтобы закончить наши планы, изготовить нужные хомуты и найти ремни для упряжи. Через несколько дней все было готово, мы загрузили наше добро, попрощались с остальными и по старой фургонной дороге пустились в путь.

Мы поднялись по горной цепи за день, достигнув сада, где скончался бедный Мальперт, и вовремя увидели англичан, все еще занимавших высоту Рамаготла. Ночь была черной, с сильным дождем, под прикрытием которого мы шли открытой равнине, погоняя волов, чтобы пройти мимо лагеря, и до рассвета мы уже были вне поля их зрения в складках холмов, замершие и промокшие, но довольные своим успехом. Мы оказались на месте недавнего сражения, потому что тут валялись гниющие трупы лошадей и мулов и было несколько свежих могил.

Я позже слышал, что г. Смэтс, государственный прокурор, осадил здесь отряд австралийцев, которые защищались настолько смело, что отбили атаку наших с большими для них потерями.

Несколько дней мы шли по опустошенной стране, через которую прошли английские отряды, так же, как мы видели это сами на востоке. Их путь был отмечен сожженными фермами и вытоптанными полями, и наш фургон двигался по обезлюдевшей пустыне, словно одинокий корабль в открытом море.

Мои компаньоны были в основном пожилыми бородатыми мужчинами старой закваски, которые принимали меня за иностранца, поскольку я был воспитан по-городскому, и они не всегда меня понимали, но они имели простые, доброжелательные души, и нам вместе было хорошо. Буры имели их репутацию отсталого народа, но в гораздо большей степени они были упорными и свободолюбивыми фермерами, как и мои товарищи,

чьи фермы лежали в руинах, жены и семьи были неизвестно где, а сами они продолжали борьбу на западных равнинах, и я в большей степени мог оценить их храбрость и бойцовские качества во время этого путешествия, чем за все другое время войны.

На четвертый или пятый день к нам пришла женщина со своими двумя маленькими детьми и дочкой местного слуги. Она сказала нам, что пряталась в течение последних десяти дней в лесистом ущелье, где был спрятан ее фургон, но волю забрели на открытое место и были захвачены проходящими солдатами, так что теперь она оказалась беспомощной. Она сказала, что лагерь де ла Рея находится в месте Риетпан, недалеко от Тафель-Коп, поэтому мы повернули на юго-восток и к полудню следующего дня увидели мерцающую поверхность озера. На его берегах было множество людей, фургонов, пасущихся лошадей и быков, и все радостно поздравляли нас с благополучным прибытием, когда вдруг началось неожиданное движение — все стали хватать лошадей, отводить быков и так далее. Мы не поняли, что происходит, но остановились здесь в ожидании дальнейших событий

Скоро проскакали всадники, как будто убегая от кого-то, за ними — фургоны и телеги, тоже в панике. Одного всадника мы остановили, и он успел сказать нам, что приближаются англичане. Признаков приближения врага не было, но мы развернули наших усталых волов и двинулись за отступающими, которые не остановились, пока не проехали примерно шесть миль. Только тогда нас настигли другие всадники, которые сообщили, что тревога была ложной.

Всем собравшимся было неловко за это паническое бегство, но это было вполне объяснимо. Этим утром лагерь де ла Рея уже подвергся внезапному нападению, во время которого было убито более ста человек. Некоторые из раненых и спровоцировали панику среди погонщиков, пастухов и случайных людей, составлявших большую часть населения лагеря.

Днем сам де ла Рей приехал в лагерь со своими людьми, и, не стесняясь в выражениях, сказал, что он об этом думает.

Мы вернулись в лагерь у Таффель-Коп, где коммандо де ла Рея оставались в течение нескольких дней. Всего там было примерно тысяча конных и около двухсот фургонов. Некоторые из них использовались для доставки кукурузы из предгорий Магалисберга, но большая часть принадлежала мирным беженцам. Де ла Рею это не нравилось и мне говорили, что старик молится всю ночь, чтобы избавиться от них.

В это время я часто видел его, потому что он ежедневно проводил советы около своего фургона, куда любой мог прийти,

чтобы услышать его.

Вместе с ним постоянно находился ван Ренсбург, странный тип с длинной волнистой бородой и глазами, горящими безумным огнем, который видел вещие сны и считал себя обладающим пророческим даром. Я сам был свидетелем одного из тех случаев, которыми он подкреплял свою репутацию. Однажды утром, когда мы собрались вокруг повозки генерала, он рассказывал всем о своем последнем видении — битве двух быков, черного и красного, которые бодались, пока красный бык не упал к ногам победителя. В его трактовке красный бык обозначал Англию, которую ожидала такая же судьба. Стоя перед нами с протянутыми руками и пылающими глазами, он неожиданно воскликнул: «Смотрите, кто приближается?», и мы разглядели вдали всадника, который спешил к нам. Мы ждали его в полной тишине. Когда он подъехал, усталый после длинного пути, оказалось, что он привез письмо от генерала Боты, который был за сотни миль от нас.

Когда генерал де ла Рей распечатал его и стал читать, его лицо просветлело, и голосом, звенящим от волнения, он сказал: «Люди, верьте мне, гордый враг унижен!» (Die, trotse vijand se nek — gebuig). Он сказал нам, что письмо содержало новость о том, что англичане предложили мирную конференцию. Учитывая недавнее пророчество, это был драматический момент, и все это произвело на меня сильное впечатление, даже если бы я подозревал, что ван Ренсбург все это разыграл. Искренность генерала де ла Рея не вызывала у меня сомнения, поскольку он был не таким человеком, чтобы так притворяться, и я знал, что он твердо верил в предсказания пророка.

Эти новости вызвали большое волнение в течение следующих нескольких дней, и многие из мужчин думали, что война благополучно закончилась.

Мирная конференция действительно фактически имела место немного позже между генералом Ботой и лордом Китченером, но она была прервана, и единственный ее результат состоял в том, что репутация ван Ренсберга стала более высокой, чем когда-либо прежде.

Я спросил у де ла Рея насчет лошадей, но он сказал, что мне придется подождать, пока не вернутся отряды, которых он послал в Свободное Государство, и действительно, в лагере было много людей, не имевших лошадей, и помочь нам никто не мог. Так что мы могли рассчитывать только на наш фургон, поэтому мы по очереди пасли быков и ездили за маисом. О своем пропитании мы должны были заботиться сами, за исключением мяса, которое получали из общественного стада.»

К этому времени вся моя одежда вследствие дождей окончательно сгнила, и весь мой гардероб состоял из одеяла и пары сандалий, так что, поскольку был уже конец марта и наступали зимние холода, я чувствовал себя достаточно неуютно. Генерал де ла Рей заметил это и однажды утром пришел к нашему фургону и принес мне пару брюк и пальто — подарок, который я очень оценил, поскольку сам он не имел лишних вещей, но в его характере было всегда проявлять заботу о своих подчиненных.

Через несколько дней он уехал от Таффель-Коп с теми, кто имел лошадей, а мы остались, но нам было приказано перейти на другое место, в десяти милях, где были лучшие пастбища для быков. Здесь мы и остались, и мои мечты о Капской Колонии казались недостижимыми.

3-го апреля, или в тот день, который по нашим вычислениям должен был быть им, мы готовили обед, чтобы отпраздновать мой день рождения, и решили сделать воловий язык и к нему еще что-нибудь. Внезапно раздались выстрелы орудий, и недалеко от нас разорвался снаряд. Почти тут же прискакали люди де ла Рея, которые выскочили из тумана, который покрывал все окрестности. Они приехали, чтобы предупредить нас о том, что англичане близко. Тут же привели волов. К счастью, туман был такой густой, что больше рядом с нами не упал ни один снаряд и весь наш лагерь снялся, будучи незамеченным для врага.

Мы могли ориентироваться только на звуки перестрелки, которую завязали в тумане люди де ла Рея. Наш караван для скорости был разделен и каждый фургон шел сам по себе, не обращая внимания на других. Туман не рассеивался, а начавшийся дождь еще ухудшал видимость, так что мы скоро оказались в полном одиночестве, хотя англичане иногда оказывались так близко от нас, что мы могли слышать их крики.

Большая часть бойцов де ла Рея была далеко, рядом с нами оказалось только двадцать или тридцать человек, которые решили отдохнуть в лагере несколько дней, но неожиданно наткнулись на англичан, которые под прикрытием тумана преследовали наш караван. Если бы нас застали врасплох, то, я думаю, вряд ли кто-то смог бы спастись. Во всяком случае, полученное нами предупреждение позволило нам избежать полного захвата лагеря, но и так нам пришлось уходить от англичан в густом тумане, под разрывами снарядов и в постоянном ожидании того, что в любой момент они наткнутся на нас. Наша команда бежала рядом с фургоном, держа быков в поводу, и, поскольку фургон был легким — в нем были только наши седла и небольшой запас продуктов, мы двигались быстро.

Другие фургоны мы в тумане потеряли из виду, но сами смогли оторваться от англичан и к вечеру достигли относительно безопасной холмистой местности на севере.

Мы развели большой костер на берегу реки и достали мой праздничный обед, который успели сложить в кожаную сумку. Потом мои компаньоны стояли в кругу вокруг пламени, и торжественно пели гимны в благодарность о нашем спасении. Потом мы разбили лагерь.

Следующим утром, когда рассвело, прибыли другие фургоны, пробравшиеся через равнину, которые тоже искали укрытия среди холмов, поэтому мы запрягли волов и присоединились к ним, добравшись в конце концов до долины в сердце холмистой местности, известной как Зварт Раггенс, где и собрались остатки нашего лагеря.

Мы еще не могли узнать, сколько фургонов попало в руки врага. Почти половина отсутствовала, но большинство из них прибыло в течение следующего дня или двух, и в конце концов оказалось, что пропало меньше дюжины.

Пока мы обживали новый лагерь в долине, генерал де ла Рей приехал к нам с отрядом в несколько человек, чтобы ознакомиться с состоянием лагеря и, уезжая, оставил приказ перевести фургоны в другое место, на расстояние примерно в тридцать миль. Там было двести лошадей, которых доставили из Свободного Государства и должны были по жребию разделить между теми, у кого не было коней.

Большинство англичан в это время были далеко на западе, где продолжали прочесывать местность, поэтому мы, будучи в их глубоком тылу, могли чувствовать себя в относительной безопасности, и так достигли указанного места. Здесь мы нашли отряд из Свободного Государства, который привел лошадей. Это были по большей части необъезженные кобылы, и, поскольку у нас было более трехсот безлошадных, процесс жеребьевки происходил при большой общей заинтересованности.

Мне не повезло, но девять человек из нашей команды получили лошадей. Я был расстроен, хотя нас успокаивали, что лошади еще придут, а те, кому не повезло, могли по крайней мере любоваться тем, как счастливчики объезжают своих кобыл — зрелище действительно было занимательным.

Почти двести лошадей взбрыкивали и визжали одновременно, их наездники валялись в пыли, в то время как мы сидели на колесах фургона, подбадривая их. Было замечательно, как быстро мужчины справлялись с их непослушными конями, так, что к третьему дню почти все лошади были приучены к седлу, и те, кто получил коней, могли ехать воевать.

С ними пошли и эти девять человек от нашего фургона, оставляя остальных в размышлениях о том, когда же и мы окажемся в седлах, и, что касалось меня — увижу ли я Капскую колонию?

Лагерь было приказано снова перевести в район Зварт Рагген, откуда мы недавно прибыли, поэтому мы не спеша двинулись назад, и через несколько дней остановились возле красивого ручья, который тек по камням. Здесь был устроен постоянный лагерь, ставший базой для сражавшихся отрядов де ла Рея. Сюда везли больных и раненых, сюда приходили безлошадные бойцы и те, кто оставлял позиции для небольшого отдыха.

Наше количество менялось от двухсот до четырехсот человек, и мы были так хорошо укрыты, что англичане несколько раз проходили рядом и не замечали лагеря (хотя их основные силы располагались далеко оттуда). На второй день после нашего прибытия я пытался расколоть на дрова большое бревно и попробовал бить по нему большим камнем. Камень отскочил от бревна и, как из катапульты, отлетел мне в ногу и раздробил мою правую голень между коленом и лодыжкой, вследствие чего я три недели вынужден был пролежать, терпя сильную боль и неудобства, пока осколки кости выходили из гноящейся раны.

К счастью, среди нас было несколько немцев, так же как и мы оставшихся без лошадей, и один из них знал хирургию. Благодаря ему и здоровой конституции я скоро был в состоянии хромать, так что мне повезло вдвойне — что нашелся такой человек и что англичане в это время нас не тревожили. К этому времени все, кроме меня, из нашей фургонной команды получили лошадей и уехали, все немцы, кроме двоих, ушли, и мне стало казаться, что я стал постоянным жителем лагеря, потому что на носу была зима и прибытие новых лошадей из Свободного Государства было очень маловероятно.

На помощь мне пришел случай. Однажды утром, вскоре после того, как я уже был в состоянии хромать, в лагерь прибыла маленькая группа немцев под командой невысокого горбатого фельдкорнета по имени Мейер. В это время отряд немцев численностью примерно в тридцать человек еще продолжал сражаться, и Мейер был их командиром. В некотором смысле они были преемниками корпуса барона фон Голдека, с которым я служил в прошлом году; потому что, хотя большая часть его отряда растаяла в течение отступления к португальской границе, некоторые из них остались, и собрались в отдельное маленькое командо, которое стало частью армии генерала де ла Рея.

Мейер услышал, что несколько из его соотечественников застряли в лагере и привел несколько, запасных лошадей, чтобы

отдать им. Это дало мне хороший шанс, потому что было только два безлошадных немца, оставленные в лагере, другие выиграли лошадей по жребию и покинули лагерь, и Мейер согласился отдать мне небольшую серую кобылу при условии, что я присоединюсь к нему. Рана в моей ноге еще не совсем зажила, но поскольку я не мог позволить себе упустить такой шанс, я передавал мою долю в нашем фургоне и команде единственному остающемуся члену нашего первоначального отряда; и с ногой в лубках присоединился к немцам, возвращавшимся к армии де ла Рея.

Это была трудная поездка. Моя нога пульсировала и болела при каждом резком шаге, а зима вступила в свои права. Я не так чувствовал холод в уединенной долине, где мы стояли лагерем до сих пор, но в открытом поле это было другое дело. Днем по открытой равнине неслись облака пыли, подгоняемые пронизывающим ветром, а ночью мы, кутаясь в рваные одеяла, слышали потрескивание льда на лужах. С этого времени нам пришлось переносить это в течение пяти месяцев, и никто из старожилов во всей Южной Африке не мог припомнить такой тяжелой зимы.

В течение трех дней мы двигались, никого не встречая. Англичане устроили очередную облаву на де ла Рея, он старался держаться на их флангах, а страна за ними лежала опустошенной. Наконец мы нашли несколько коммандо де ла Рея, которые занимали хребет в районе селения Хартербиспут, где они удерживали большую силу англичан (говорили, что их примерно двенадцать тысяч). Здесь мы нашли отряд немцев, которым командовал Мейерс, и присоединились к ним. Их позиция была на линии перед вражескими колоннами, имевшей форму полумесяца. В тот момент войска отдыхали, поэтому мы ограничивались наблюдением за их лагерем, артиллерией и обозами, которые подходили к ним в ожидании предстоящего наступления.

Они время от времени выпускали по нам снаряды, но, очевидно, не были еще готовы наступать. Этого момента мы ждали с большой тревогой, потому что нас было всего шестьсот человек — остальные люди де ла Рея были заняты в других местах.

Но сам генерал был с нами и однажды днем, случайно проезжая мимо, в то время как один из немцев перевязывал мне ногу, он отослал меня в своего рода полевой госпиталь, который он организовал в нескольких милях отсюда. Госпиталь был в разрушенном сельском доме, и там был молодой голландский врач, который делал все, что мог, для больных и раненых,

которые были на его попечении. Единственной постелью там служила сухая трава, лекарств и бинтов не было и пациентам там было не особенно хорошо. Там были в основном легко раненые, поскольку тяжело раненых мы оставляли англичанам, которые подбирали их. При всей жестокости англичан, которые сжигали фермы и угоняли мирное население, следует сказать в их защиту, что с ранеными их солдаты и офицеры всегда поступали исключительно гуманно. Насколько мне было известно, не было ни одного случая, чтобы раненый не получил необходимую ему медицинскую помощь, и это было единственное, что могло смягчить трудности войны.

Спустя несколько дней после того, как я оказался в госпитале, мы приблизительно в девять утра слышали звук сильного орудийного огня и поняли, что ожидаемое наступление началось. Я держал свою лошадь все время наготове, поэтому я сел в седло и поехал назад туда, где оставил немцев на огневом рубеже, в то время как доктор погрузил своих больных на фургоне, запряженным мулом, и уехал в более безопасное место. Когда я нашел наших людей, то увидел, что англичане атаковали далеко с левой стороны от нас. Под прикрытием сильного артогня их конница атаковала наши позиции в месте, которое было примерно в миле от нас, и почти сразу прорвалась.

Мы с немцами были просто зрителями, но находились достаточно близко, чтобы видеть, как люди в этом опасном месте бегут к лошадям и уходят. Тут и там некоторые падали, но наши жертвы не были тяжелыми, потому что на артиллерийский огонь нам нечем было ответить, так что бюргеры с обеих сторон от места прорыва, видя, что происходит, также брали лошадей и уходили. Мы с немцами присоединились к потоку, который устремился в тыл. Мы отступали до двух часов дня, когда англичане прекратили преследование и мы смогли остановиться в покрытой кустарником местности, где генерал де ла Рей произнес речь в своей полушутливой, полусерьезной манере, и скоро мужчины смеялись и неудача казалась им незначительной.

Мы дали лошадям отдохнуть до темноты, и затем несколько часов двигались на запад, поскольку стало известно, что на нас продолжают наступать другие английские колонны.

В последнее время в небе была видна великолепная комета с двумя хвостами, похожая на букву «V», и ван Ренсбург, пророк генерала сказал, что это означает «Vrede» (мир). Но той же ночью чей-то детский голос произнес: «Минхеер ванн Ренсбург, эта буква означает не Vrede, а Vlug (отступление)». Все невесело рассмеялись, и оракулу пришлось замолчать, хотя свои пророчества он продолжал вплоть до конца войны.

Укрывшись в котловине, мы провели холодную ночь, а на рассвете разглядели вдалеке большое количество английских войск, но не ясно было, были ли они нашими вчерашними преследователями или другой колонной. В любом случае они были слишком далеко, чтобы заставить нас беспокоиться, поэтому мы застрелили несколько быков из общественного стада, которое увели с собой, и начали готовить завтрак.

После этого, генерал де ла Рей разделил нас на две части. С одной половиной людей он поехал на юг, и еще до заката мы услышали канонаду на расстоянии тридцати миль, где упрямый старик снова напал на вражескую колонну.

Он оставил команданта Яна Кемпа командовать нами, с приказом совершить рейд на территорию Бечуаналенда, целью которого было захватить поезд с припасами на Родезийской железнодорожной линии. Для этого мы в течение следующих двух дней двигались через бесплодную страну, пока мы не достигли точки на реке Хартс-ривер, из которой мы должны были совершить ночной марш к нашей цели.

Мейер попросил выслать вперед разведчиков, это было выполнено и мы вышли двумя часами ранее остальных сил, прошли резервацию Кунана и в четыре утра пересекли британскую границу. Железная дорога проходила в миле от границы, и скоро мы уже стояли на рельсах. Мы стали подкапывать шпалы досками, отломанными от соседнего забора — это был наш единственный инструмент. Потом Мейер дал мне плоскогубцы и велел залезть на столб и обрезать телеграфные провода — с моей больной ногой задача не из легких. Пока я карабкался, раздался залп со стороны водопропускной трубы, которая была на расстоянии примерно в пятьдесят ярдов. Я соскользнул со столба, мы вскочили на коней и поскакали прочь. Стало понятно, что захватить поезд врасплох не удастся.

Мы поехали назад к холму, до которого было полмили, и стали ждать дневного света. Когда рассвело, мы обнаружили, что у подножия холма находится небольшая деревня местных жителей, и отправились туда, чтобы получить информацию об англичанах, охранявших дорогу. Было уже совсем светло, когда мы проехали ворота в окружавшей деревню изгороди из колючего кустарника, и, когда мы вошли внутрь, из хижины выскочили двое одетых в хаки белых с винтовками в руках, и с ними местный, тоже вооруженный. Мейер спрыгнул с лошади и выстрелил, едва коснувшись ногами земли. Он попал местному в грудь, а белые сразу подняли руки. Этот единственный выстрел произвел в деревне настоящую панику. Местные схватили циновки, накидки, младенцев и все, что оказалось под рукой, и

побежали к железной дороге, чтобы найти убежище у англичан, причем женщины продолжали вопить.

Мейер приказывал мне остановить беглецов, поэтому я поскакал, чтобы опередить их. К сожалению три или четыре немца отстали, когда мы шли от железной дороги, и, когда они увидели несущуюся на них толпу, они подумали, что это нападение, и открыли огонь. Прежде, чем я их остановил, они убили четверых и нескольких ранили, едва не задев и меня.

Мы сделали то, что могли для раненых и принесли их в хижины, очень расстроившись, что все так произошло. Среди убитых было две женщины.

Белые, которых захватили в краале, оказались предателями из Почефстрома и служили у англичан разведчиками. Их передали де ла Рею, который, без сомнения, приказал их расстрелять.

Уже совсем рассвело и мы увидели людей Кемпа, которые пробирались через кустарник. Они были разделены на маленькие отряды и приближались к железнодорожной линии. Мы послали человека, чтобы предупредить их, что англичане рядом, но посыльный не проехал и полпути, как над нами с визгом пронесся снаряд. Этого мы совсем не ожидали, считая, что эта часть дороги не охраняется, но теперь рассмотрели среди деревьев большое количество палаток, и, поскольку по нам продолжали стрелять, Кемп приказал отходить. Мы вернулись на территорию Трансвааля, наше предприятие оказалось безрезультатным.

Мы в тот день проехали тридцать миль, и в сумерках прибыли в Лиувпан, где нас ждал де ла Рей. Он сказал, что перед нами находятся несколько английских колонн, и проинструктировал Кемпа, как их обойти. Сказав все это, он с горстью своих сопровождающих уехал, и я более никогда не видел отважного старого воина, потому что с этой ночи наши пути разошлись.

XVIII. Следующая стадия

Как только достаточно стемнело, Кемп увел нас в сторону английских лагерей, между которыми собирался пройти. Это он сделал очень умело, потому что мы смогли пройти между двумя английскими лагерями на таком маленьком расстоянии, что могли слышать разговоры солдат и различить их форму в свете костров. Никакой тревоги не было, и, только когда мы уже прошли, сзади нас послышались крики и выстрелы, которые не причинили нам никакого ущерба. Когда лагерь остался позади, всем было приказано спешиться и вести лошадей в поводу, чтобы дать им хоть немного отдохнуть, потому что они не отдыхали более тридцати часов.

Поскольку я все еще немного хромотал, то постепенно отставал; и, что было еще хуже, моя бедная маленькая кобыла родила мертворожденного жеребенка. С этим тяжелым грузом, бывшим внутри нее, она перенесла длинные походы так стойко, что я даже не знал, что с ней было что-то не так, но теперь вся ее сила ушла. Через некоторое время она упала на колени, и поскольку я не мог рисковать оставаться слишком близко к английским лагерям, костры которых были все еще видны вдаль, я медленно повел ее вперед. К этому времени остальная часть наших людей давно исчезла в темноте, и я должен был брести один в течение часа или двух, ведя лошадь за собой, и только когда она не смогла идти дальше, я решил остановиться до утра. Было холодно — настолько холодно, что ранее тем вечером я услышал, как говорили, что это была самая холодная ночь, которую они когда-либо знали. Поскольку я не мог найти никакого топлива для костра, я завернулся в одеяло и сидел, стуча зубами, до восхода солнца. Когда рассвело, я оказался на унылом пространстве, которое простиралось на многие мили, но никакого признака команды не было.

Под одиноким терновым деревом, я, однако, я нашел четырех из моих немецких друзей, которые сидели, прижавшись друг к другу, чтобы не замерзнуть. Они сказали, что тосковали без меня всю ночь, и, зная, что я не в порядке, великодушно остались подождать меня.

Собрав то, что могло гореть, мы развели маленький костер, чтобы поджарить немного мяса, а затем отправились по следу команды, еле двигаясь, поскольку лошади моих компаньонов были в ненамного лучшем состоянии, чем моя. К девяти или десяти часам утра, зловещие столбы пыли, поднявшиеся в тылу, предупредили нас, что английские колонны, которые мы прошли

прошлой ночью, движутся за нами.

Войск еще не было видно; но, учитывая состояние наших животных, наши шансы оторваться от них были невелики. Когда на горизонте появились первые разведчики, мы сделали лучшее, что было можно в этих условиях. Не выпуская из виду всадников позади нас, мы добрались до Хартс-ривер. Она была больше похожа на трещину в земной коре, чем на реку. На ее берегах не было деревьев и с пятидесяти ярдов ее вообще не было видно, и в этом было наше спасение, потому что едва мы с лошадьми смогли спрятаться в ее сухом русле, как появились англичане и стали собираться на берегу. Они шли и шли. Дойдя до реки, они начали копать склон, чтобы сделать съезд для орудий и фургонов, и прошло несколько часов, прежде чем они смогли переправиться. Все это время мы с тревогой наблюдали за ними, боясь, что нас обнаружат, но, к нашему удовольствию, еще засветло хвост их колонны исчез за горизонтом.

Это было уже хорошо, но теперь встал другой вопрос — как нам теперь добраться до своих, хотя сам факт того, что мы одни, не был так уж важен для нас — таков уж характер партизанской войны, и гораздо более нас беспокоило состояние наших лошадей.

В течение следующих трех или четырех дней мы шли позади врага, который, в свою очередь преследовал наших. Мы держались на некотором расстоянии в тылу, двигаясь только тогда, когда облака пыли перед нами показывали, что англичане тоже движутся, и так мы шли вперед пешком, ведя наших лошадей в узде.

Однажды вечером к нам приехал бюргер, первый, которого мы увидели с той ночи, когда отстали от отряда. Он сказал нам, что генерал де ла Рей разделил свое коммандо на небольшие группы из-за давления сходящихся британских колонн. Эти группы, как он сказал, были к настоящему времени рассеяны на всем протяжении Западного Трансвааля в ожидании окончания английского наступления.

Взглянув на наших животных, он сказал, что наши шансы найти Мейера и других невелики, и отправился по своим делам, оставив нас переваривать полученную информацию. Они были за то, чтобы уйти на север, в бушveld где был более благоприятный климат, чтобы не терпеть больше адский холод открытых равнин. Они сказали, что Мейерса можно будет найти и после окончания зимы, а если и не найдем — невелика беда.

Я понял, что они не особо стремятся соединиться с нашим отрядом, и вспомнил свое давнее желание попасть в Капскую колонию. Когда я заговорил об этом, они с удивлением

установились на меня, но, когда я представил им Капскую колонию как страну, где в любой придорожной гостинице можно достать кружку пива, они прониклись этой идеей и решили немедленно отправиться туда.

Эти четыре немца были совсем разными людьми. Самым старшим из них был Герман Хааз, мужчина приблизительно сорока пяти лет от роду, похожий на типичного поедателя колбасы из карикатур в английских газетах, но, насколько я его узнал, доброжелательный и добродушный джентльмен, иоганнесбургский торговец, который был в поле с начала войны. Он был последним человеком, которого можно было бы подозревать в воинственном настроении, поскольку его разговоры были о его жене, семье, и радостях домашней жизни.

Следующим был Клувер, умный и циничный берлинский студент, который рассказал мне много интересных вещей о жизни в Старом Свете; затем Полачек, также берлинский студент, который добровольно пошел воевать за буров, словно в крестовый поход. Он сказал мне, что его первоначальный пыл давно испарился, но он любил жизнь, полную приключений и всегда оставался хорошим и жизнерадостным товарищем, которого я очень полюбил.

Наконец, был работник по имени Визе, неуклюжий, тупой крестьянин, но достаточно храбрый. С этими четверьмя мой жребий был брошен.

Наши приготовления к походу в Капскую колонию были быстро сделаны. Мы зарезали бесхозную овцу, порезали мясо на полосы, чтобы высушить его на ветру (поскольку соли у нас не было), помололи немного кукурузы в маленькой кофемолке, которая нашлась в седельной сумке Хааза, и следующим утром пустились в путь.

Вечером первого дня нам пришлось сделать непредвиденную остановку. Один из людей де ла Рея, который, как и мы, отстал от него и оказался в тылу у англичан, подъехал к нам, признав своих. Он сказал, что прятался здесь в течение нескольких дней, пытаясь догнать команду. Этим днем он, пока шелушил початки кукурузы, заметил местного из соседнего крааля, который встретился с английским патрулем. Они поговорили с командиром патруля в течение нескольких минут, после чего патруль ушел. Было очевидно, что этот местный — шпион на английском жалованье, поэтому вновь прибывший предложил после наступления темноты захватить его. Поэтому около девяти вечера мы пешком пошли в крааль, идя спокойно, чтобы никого не спугнуть. Придя туда, мы обнаружили там старосту и все местное начальство. Они сделали вид, что ничего не знают ни о

каком шпионе, поэтому наш проводник прекратил разговор, схватил индуну за горло и сказал, что сейчас пристрелит его. Индуна вырвался и закричал: «На помощь, буры убивают меня!» Через мгновение нас окружило тридцать или сорок человек, которые размахивали перед нашими лицами ассегаями и дубинками.» Они начали прыгать и танцевать вокруг нас, издавая вопли и выкрикивая угрозы, в то время как некоторые отрывали от хижин солому и зажигали ее, используя вместо факелов. Из-за круга разозленных дикарей кричали женщины, убеждая их убить белых, и все это выглядело неприятно. Мы, возможно, открыли бы огонь, но внутри частоккола было тесно, и они сильно превосходили нас числом. Кроме этого, в течение всей войны буры соблюдали неписаное правило о том, что это — война белых, и местные уроженцы к ней не имеют отношения. Поэтому стрелять мы не стали, а, собравшись вместе, стали медленно отступать к воротам, через которые вошли. Освободившись от окружения, мы без проблем достигли своего лагеря, раздосадованные неудачным предприятием. Словно в насмешку, на следующее утро мы увидели местного, едущего от крааля, мы несколько раз выстрелили в него, но он помахал нам рукой и исчез за холмом.

Полностью испортив дело, человек де ла Рея ушел от нас, и мы продолжили свой путь.

В течение нескольких дней мы не могли ехать по прямой, потому что эта местность кишела английскими войсками, передвигавшимися по ней во всех направлениях, мы сочли, что их число превышает двадцать пять тысяч человек, пока нам все не стало ясно. Они двигались широким фронтом, проводя очередную облаву, но, поскольку мы не видели ни одного бура, не говоря уже о коммандо, то англичане, возможно, просто имитировали бурную деятельность. Де ла Рей же проводил обычную тактику — разделить силы на мелкие отряды и уходить от удара.

Мое опыт жизни в вельде помог нам благополучно добраться до реки Вааль между вражескими колоннами и избежать любого рода столкновений. Однажды мы вынуждены были задержаться на полдня из-за того, что английская колонна встала на привал в пределах слышимости от того места, где мы залегли в колючих кустах. В другой раз мы с Клувером попытались заманить в засаду двух английских офицеров, но Клувер оказался слишком нетерпеливым и они ушли. С Генрихом Визе нам пришлось расстаться. Его лошадь отравилась и у него самого нога покрылась волдырями, поэтому мы оставили его недалеко от английской колонны, где, как мы надеялись, его должны были подобрать и оказать помощь. Моя нога выздоравливала, но мы

очень страдали от холода. Тем не менее можно сказать, что мы получали удовольствие от этой игры в прятки с английскими патрулями, и немцы говорили, что для них это — самое лучшее время за всю войну.

Наконец, на пятый или шестой день пути мы в районе Леувдорна пересекли длинную возвышенность, от которой местность понижалась к реке Вааль, и увидели простирающиеся на другом ее берегу широкие равнины Свободного Государства. Мы переночевали в уцелевшем доме на трансваальской стороне, а следующим утром, уже отъехав, увидели английский отряд, который приближался к нам. Мы поднялись на холм, чтобы посмотреть, что они собираются делать.

Солдаты пришли на ферму, которую мы только что освободили, и скоро из ее окон и дверей показались клубы дыма и языки пламени. Пока мы смотрели на это, к нам со стороны реки Вааль подъехали два пожилых человека, которые напомнили мне моего предыдущего командира, генерала Марулу, и его брата — они носили такие же цилиндры и полы их длинных пальто так же развевались на ветру. Кратко поздоровавшись, они спешили и сели на камни, молча наблюдая за процессом. Они оба долго молчали, и только когда крыша дома рухнула, подняв облако искр, старший из них тяжело вздохнул и, обернувшись к другому, тихо произнес: «Брат Иоанн, там были те тиковые балки, которые я привез из Претории после набега Джеймсона.» Это было единственное, что он сказал, потеряв свой дом. После этого пара села на лошадей и отправилась обратно к реке.

Поскольку мы также шли туда, мы сели на наших коней и догнали их, узнав таким образом дорогу до лагеря беженцев, который стоял у воды.

Лагерь состоял из приблизительно тридцати фургонов, в нем находилось примерно в три-четыре раза больше женщин и детей, которых опекали наши знакомые. Сейчас, когда англичане стали уводить гражданское население, для женщин это стало обычным делом — при приближении врагов загружать на фургоны самое необходимое и присоединяться к подобным лагерям. Когда опасность миновала, они возвращались на фермы (или то, что от них оставалось), и это было лучшее, что они могли сделать, чтобы не оказаться в концентрационном лагере. В этом лагере мы отдохнули несколько часов, пока один из старост отъехал на разведку. Прискакав назад, он сказал, что примерно полторы тысячи англичан находятся на берегу в восьми милях от лагеря. Было решено, что лагерь должен переправиться на другой берег реки, в Свободное Государство. И все пришло в движение. Рядом был брод, по которому все и переправились, мы помогли

женщинам переправить фургоны, потому что жалко было смотреть на то, как они, стоя по пояс в ледяной воде, дергают колеса и уговаривают волов перейти на другую сторону, чтобы оставить реку между собой и англичанами. Через два часа тяжелой работы все было благополучно закончено. Тогда мы снова переправились на трансваальский берег, чтобы забрать своих лошадей, и по возвращении обнаружили, что фургоны полным ходом движутся на юг по равнинам Свободного Государства, которые простирались на юг на сотни миль.

Мы с немцами остались отдохнуть и просушить одежду, а потом, отъехав на несколько миль, устроились на ночлег.

Утром появились англичане, которые двигались вдоль реки, и около девяти часов они перешли реку вброд, оказавшись в Свободном Государстве, поэтому мы убежали и следующие три дня не спеша двигались вдоль южного берега реки, предупреждая женщин на фермах, что англичане идут за нами.

Я выбрал этот маршрут, поскольку решил проехать через окрестности Хоопстада, поселка и округа того же названия, который я хорошо знал, с тех пор, как мы с тремя братьями еще мальчиками разбивали там лагерь и охотились.

Я рассчитывал обнаружить стада полудиких лошадей, которые часто попадались на этой реке, чтобы получить возможность сменить наших лошадей, потому что, учитывая их состояние, было мало шансов, что они переживут наступающую зиму. Фермы вдоль реки уцелели, но, поскольку почти все жившие там мужчины были захвачены в плен вместе с генералом Кронье при Паарденберге более года назад, там оставались в основном женщины и дети. Они сказали нам, что с полгода назад британская колонна прошла через эти места, но пока здесь ферм никто не сжигал и население не угонял.

Это счастливое состояние теперь заканчивалось, поскольку столбы дыма уже поднимались далеко позади нас, и ночью зарево от горящих ферм окрашивало небо в красный цвет, что говорило несчастным обитателям ферм о том, что их прежняя жизнь скоро закончится.

Женщины мужественно принимали это известие, хотя иногда не обходилось без слез и плача, но каждая семья, как только понимала грозящую опасность, приводила волов, впрягала их в фургон, и отъезжала далеко на юг по равнине, уходя с пути англичан.

Наконец мы приехали в городок Хоопстад. Он был покинут, английский гарнизон, по непонятной причине за два дня до этого сжег все свои припасы и покинул город. В тот же день туда с юго-востока прибыл одинокий немецкий торговец, который до этого

служил в маленьком бурском коммандо. Он оказался очень нам полезен, потому что показал закопанные в земле запасы кукурузы, которой мы несколько дней кормили наших лошадей, позволяя бедным животным набраться сил.

Наш новый знакомый сказал, что должен возвратиться к своему коммандо, и предложил нам сопровождать его. Он сказал, что лошади, бродящие по вельду, были такими пугливыми, что без посторонней помощи мы ни одну и них не поймаем, потому что во всем дистрикте не осталось ни одной изгороди. Мы согласились пойти с ним и, путешествуя по бесконечным волнистым равнинам, через несколько дней достигли отряда, в котором он служил. Он состоял из двадцати человек под командованием офицера более не существующей артиллерии Оранжевого Свободного Государства. Они приветствовали нас, но высказали большое сомнение, когда мы спросили про лошадей. Действительно, на следующий день мы поняли, что поймать антилопу было бы проще. Бродячих лошадей было много, но при нашем приближении они убегали, и мы, несмотря на все старания, не смогли поймать ни одной из них. Выяснилось, такое поведение лошадей объяснялось тем, что англичане расстреливали их из винтовок и пулеметов, когда узнали, что де ла Рей получает новых лошадей именно отсюда. Как бы то ни было, для нас эти лошади были слишком быстрыми и мы бросили эту затею из боязни загнать своих лошадей.

Мы провели с ними неделю. Они были разношерстной командой, имели столь же разнообразный набор оружия, и их скудный запас боеприпасов служил им для охоты на дичь, которой вокруг было много, и они выглядели совершенно счастливыми, пока не попали в руки англичан,

Они сообщили нам плохие новости о состоянии пастбищ на юге, поэтому я решил податься на восток, где, как мне говорили, трава будет лучше, и где мы могли бы достать новых лошадей, поскольку сам де ла Рей недавно послал туда людей в их поисках.

Итак, настреляв несколько спрингбоков и бушбоков, мы насушили впрок их мясо и снова отправились в путь — три немца и я. Первой же ночью на равнине задул сильный холодный ветер. Мы остановились около родника, где не было никакого укрытия, и к утру моя кобыла, раздраженная летящим в нее песком, отвызалась. Она убежала, и больше я ее не видел.

Один из наших друзей дал Полачеку лошадь, которую он уступил мне, поэтому моя собственная потеря, какой бы серьезной она ни была, не помешала нашему дальнейшему путешествию. Другого ущерба снежная буря нам не нанесла, и мы продолжили путь примерно на юго-восток. Скоро мы достигли

холма Алиен-Хилл, где я с тремя братьями в составе АКК уже был в прошлом году.

Это — высокий, одиноко возвышающийся холм, с которого окрестности видны на шестьдесят миль. Мальчиком я сидел на этом холме, наблюдая стада дичи, пасущиеся на окружающей равнине, так и теперь стада антилоп и других животных паслись у подножия холма.

Я поднялся на вершину, чтобы вспомнить детство и заодно посмотреть, все ли в порядке. Мое беспокойство было напрасным, потому что страна была пуста. Фермы были заброшены, не было видно ни людей, ни животных, и даже местные жители покинули эти места.

Мы ехали через эту безлюдную страну и, несколько дней спустя, встретили отряд фристатеров около железнодорожного моста через Санд-Ривер. Их было девять человек под командованием фельдкорнета Боты. Они собирались пустить под откос поезд, но англичане устроили там блокпост и их затея не удалась. Поэтому Бота со своими людьми решили вернуться к своему лагерю в горах на востоке. Поскольку нам было по пути, мы решили присоединиться к ним. В одиннадцать вечера мы должны были пересечь железную дорогу, соединявшую Блумфонтейн с Йоганнесбургом. Было очень холодно и так темно, что идущие впереди должны были свистеть и кричать, чтобы идущие сзади не потеряли направления. Пройдя так несколько часов, мы обнаружили отсутствие Клувера. Мы звали его, свистели, стреляли, но ответа не было, поэтому мы с Полачеком поехали назад, чтобы его найти. Мы проехали назад больше мили, но его не нашли. Поскольку крики наших компаньонов слабели, мы с сожалением были вынуждены вернуться к ним. Самое неприятное было в том, что Клувер страдал эпилепсией. За то время, пока он был с нами, припадки с ним происходили три или четыре раза, и мы предположили, что и сейчас это произошло с ним, что и стало причиной его отставания. Ночь была очень холодной, и пролежать на земле без сознания целую ночь означало верную смерть, но фельдкорнет Бота сказал, что необходимо пересечь линию блокпоста до рассвета, и, поскольку до того места было еще далеко, он приказал нам поторопиться, поэтому мы были вынуждены последовать за ним. Конечно, это было нехорошо, но мы не могли позволить себе рисковать потерять возможность пересечь линию блокпостов вместе с человеком, который знал их расположение.

К четверем утра мы достигли пустоты между двумя укрепленными постами, и пересекли линию без любой неприятности. О Клувере пытались узнать, но уверен, что он к

утру уже был мертв, потому что у него не было сил, чтобы пережить столь холодную зимнюю ночь, не имея укрытия.

С восходом солнца мы были уже в предгорьях далеко от железной дороги, и теперь в течение двух дней мы двигались на восток во все более и более гористую страну, пока не достигли одинокой фермы, лежащей высоко среди скал около Сурпрайз-Коп. В этом месте Бота и его отряд устроили свою базу. Отсюда они устраивали периодические рейды на равнину, и действовали они, должно быть, достаточно удачно, судя по их рассказам лошадьми, оружием, и снаряжению — все это имело британское происхождение. Такие маленькие отряды теперь были обычным делом в Свободном Государстве, поскольку крупных сил в результате военных неудач уже не существовало.

Бота сказал мне, что он однажды командовал более чем тремястами мужчинами. Многие из них были убиты или попали в плен, другие сдались, а некоторые ушли от него, чтобы присоединиться к большим командам на севере. Он цеплялся за свой чин фельдкорнета, и поскольку двое из его людей называли себя капралами, рядовых в его армии было всего шестеро. Там было очень уютно. Владельцы фермы покинули ее, но в сарае осталось много хорошей соломы, на которой можно было лежать, а в пещере под свисающим утесом был склад пшеницы — долгожданная пища после надоевшей кукурузы, и в долине было много полудиких свиней, на которых можно было охотиться.

Кроме того, тут была огромная медная цистерна, и, поскольку вода и топливо были в изобилии, мы в любой момент могли принять горячую ванну — редкая роскошь в этих условиях.

В течение десяти дней два немца и я упивались непривычной радостью: хорошей едой, чистотой и удобным ночлегом, но скоро мною снова овладело беспокойство. Я преуспел в том, чтобы склонить фельдкорнета Боту и его отряд к моей идее пойти в Капскую Колонию. Вначале они не горели желанием покинуть свое насиженное место, но все же в конце июня (точно я дату не помню) мы начали спуск с гор и пошли на запад, собираясь снова пересечь железную дорогу, пройти по лежащим за ней равнинам, а затем по широкой дуге обогнуть Блумфонтейн, чтобы затем пересечь реку Оранжевую в районе Ледисмита. Утром, после отъезда с фермы, когда мы спускались по перевалу Бреслерсфлат, к нам прибыл наш товарищ, молодой человек по имени Якобус Бусман. Когда мы сказали ему, что собираемся в Капскую Колонию, он сказал, что присоединится к нам. Он сам был родом оттуда и присоединился к бурам, когда в начале войны они ненадолго захватили Кольсберг. Я посоветовал ему остаться здесь, поскольку по английским законам он считался мятежником

и, попади он к англичанам на их территории, ему пришлось бы плохо. Он сказал, что рискнет, и стал членом нашего отряда. К сожалению, мое предположение оправдалось, и впоследствии он был схвачен англичанами и повешен.

После трех дней спокойного путешествия мы вернулись на открытую равнину, откуда была уже видна железнодорожная линия Блумфонтейн-Иоганнесбург, и стали искать место, где можно ее перейти. Теперь такое место стало труднее найти, потому что англичане все время совершенствовали систему блокпостов.

Поскольку я провел остальную часть военных скитаний в Капской Колонии, мне не пришлось столкнуться с результатом действия сети блокгаузов, но я слышал, что для коммандо — и трансваальцев и фристатеров — это создало большие сложности и в конце концов сломило их сопротивление.

Вдоль пути были только рабочие группы солдат, занятых строительством этих блокпостов, но нам не составило труда проскочить через рельсы, несмотря на винтовочный огонь, и, благополучно миновав линию, мы отправились дальше, обойдя с севера поселок Бранд-форт. Когда стемнело, мы нашли кукурузное поле, где и устроились на ночлег со своими усталыми лошадьми.

Следующим утром, как раз перед восходом солнца, мы услышали вдалеке треск винтовочных выстрелов, а вскоре после этого к нам прискакали два бура, которые сказали нам, что по нашему следу идет английский отряд, и посоветовали нам присоединиться к ним — они направлялись в расположенный неподалеку женский лагерь, чтобы предупредить его обитателей о приближении англичан. Мы оседлали лошадей и отправились с ними. Один из них, Пит Марэ, был моим старым знакомым, он прежде работал наборщиком в типографии Блумфонтейнской газеты. Он получил наследство и купил ферму недалеко от этих мест, куда они с компаньоном и поехали, но наткнулись на английский авангард.

Поскольку солнце уже было высоко, мы могли видеть, что колонка ползет по дороге в нескольких милях позади нас. Мы прикинули, что там было примерно полторы тысячи кавалеристов, при обозе и нескольких орудиях. Женский лагерь насчитывал примерно двести женщин и детей, это было все мирное население этого района.

Выслушав принесенные нами новости, они начали собираться; домашнюю птицу, детей и хозяйственные принадлежности были быстро убраны, и через очень короткое время лагерь снялся с места. Женщины шли рядом с упряжками с

кнутами в руках, в то время как дети с тревогой глядели из-под навесов фургонов на облака пыли, которые указывали на приближающегося врага. К счастью, по этим холмистым равнинам было легко двигаться, и фургоны далеко прошли к Ветеран-Ривер, которая текла в десяти милях к северу.

К этому времени другие мужчины по два-три человека присоединились к нам, нас стало уже около сорока человек, и мы стали применять нашу старую тактику — приблизиться к англичанам, обстрелять их, а когда ответный огонь становился слишком сильным — отступить, а потом снова напасть.

Таким образом мы достигли нашей цели — задержать англичан, чтобы дать лагерю время уйти, и через несколько часов мы могли за него не опасаться.

В три часа дня англичане остановились. Мы видели, что они пустили животных пастись, поэтому сами поехали за соседние холмы, чтобы отпустить своих лошадей пощипать траву, не снимая с них седел. Вскоре мы услышали грохот и, вскочив на ноги, увидели отряд кавалеристов, скачущих галопом.

Наш часовой не считал необходимым бодрствовать, и всадники был в пределах шестисот ярдов от нас прежде, чем мы услышали их. У них было два помпома, поэтому мы дали по ним только один залп и побежали к лошадям.

Скоро мимо наших ушей засвистели пули, а впереди нас стали рваться снаряды, но, поскольку мы рассеялись, никто из нас не пострадал, только в начале, когда мы еще скакали кучно, один снаряд упал среди нас и убил лошадь, кровь которой брызнула мне на лицо.

Мы снова рассеялись и, проскакав еще две-три мили, нашли укрытие под высоким берегом Ветеран-Ривер, где дали уставшим лошадям немного отдохнуть. Британцы в тот день больше не наступали, очевидно, полагая, что мы и так никуда не денемся. Убедившись в этом, мы пересекли северный берег реки по выючной тропе, развели костры и приготовили ужин, потому что в этот день еще ничего не ели, а после наступления темноты проехали несколько миль вниз по течению, где было более безопасно. Бюргеры, которые ранее поехали проследить за женским лагерем, вернулись и сказали нам, что все фургоны благополучно ушли, и эту ночь мы провели под терновыми деревьями около реки.

На восходе солнца вчерашние англичане приблизились к реке, и устроили там привал. Мы с немцами решили, что достаточно далеко отклонились от своего маршрута, поэтому решили обойти английскую колонну и продолжить путь на юг. С фристатерами мы расстались, они предупредили нас о том, что в

районе Моддер-Ривер англичане построили заграждения, которые преградят нам путь на юг. Повторно перейдя Ветеран-Ривер, мы поехали назад по тому же пути, что и накануне, и солдаты, остановившиеся у реки, даже не выпустили по нам ни одного снаряда, когда мы обходили их лагерь.

У нас было мало боеприпасов, поэтому мы в течение следующих двух дней шли по дороге, по которой раньше шли англичане, чтобы поискать патроны для Ли-Метфордов. Английские солдаты со своими боеприпасами обходились очень небрежно. Если из патронташа англичанина выпадал патрон, он никогда не слезал с коня, чтобы подобрать его, потому что всегда мог их получить, сколько попросит. Поэтому там, где англичане останавливались, всегда можно было найти в траве несколько патронов. Так было и в этот раз, и для нас стало номой следовать за англичанами и подбирать крошки с их стола. Не знаю, понимали ли сами англичане, насколько мы зависели от этого источника снабжения.

Мы шли этой дорогой, пока снова не оказались ввиду поселка Брандфорт, и за это время собрали почти сто патронов. После этого мы повернули на запад, а затем на юго-запад, к реке Моддер-Ривер.

XIX. Дальше на юг

Мы ехали в течение трех дней, описывая дугу, чтобы пересечь реку на полпути между Блумфонтейном и Кимберли. Ничего интересного за это время не случилось, кроме стычки с английским патрулем, который внезапно выскочил на нас однажды утром из тумана.

Свет был настолько тусклым, что обе стороны разошлись после нескольких выстрелов, поскольку никто не мог разобрать, насколько силен был противник.

На пути нам попала деревушка Буллфолтейн. Мы заглянули туда в надежде чем-нибудь разжиться, но она была полностью разграблена. Далее мы двигались по бесконечным безлюдным дорогам. Мы не встретили ни одной фермы, которая не была бы разрушена, а в нескольких местах нам попадались сотни овец, убитых ударом дубины или заколотых штыком — это англичане делали, чтобы уморить буров голодом.

Несмотря на это нам попалось несколько случайно уцелевших овец, а вокруг паслось много спрингбоков, так что недостатка в мясе у нас не было. Тем не менее нам приходилось нелегко. Хлеб и соль, мыло, табак и книги были в прошлом. Мы почти забыли вкус чая, кофе, сахара и овощей. Если бы у нас не оказалось огнива, нам пришлось бы тратить драгоценный винтовочный патрон каждый раз, когда нужно было разжечь костер. Была середина зимы, водоемы покрылись льдом, а мы были одеты в рваную одежду и спали под истертыми одеялами.

Мы пересекли Моддер-Ривер в полночь выше Абрахамскраала, и рассвет застал нас перед линией военных постов, о которых нам говорили, что англичане перекрыли ими всю дорогу от Блумфонтейна до Даймонд Майнс в Коффионтене на расстоянии в шестьдесят миль. Этот кордон был создан, чтобы охранять тысячные стада овец и крупного рогатого скота, уведенного с ферм. Каждый пост состоял из десяти или двенадцати палаток, и расстояние между ними было около двух тысяч ярдов. Наши лошади были в неважном состоянии и мы не могли рассчитывать на то, чтобы проскочить меду постами и уйти от погони, поэтому мы стали двигаться на запад в поисках места, где мы могли пройти, не привлекая внимания. Мы иногда видели патрули, которые проверяли ограду, но они, видимо, принимали нас за своих, и некоторое время все было мирно.

Потом на холме замигал гелиограф, и сразу все оживилось: одни солдаты побежали за лошадьми, другие уже скакали по равнине. Увидев это, мы рванули вперед, в промежуток между

двумя лагерями, стреляя с седла и стараясь уклониться от ответных выстрелов. Линии холмов мы смогли достичь прежде, чем было организовано преследование. До линии холмов доскакало большое число всадников, но когда мы открыли по ним огонь, будучи уже под прикрытием скал, они для виду постреляли немного и вернулись охранять свои стада. Так мы пересекли линию у Моддер-Ривер, о которой нам так много говорили, и, продолжая наше путешествие, на следующий день достигли минерального источника у Лотс-Хек, где присоединились к маленькому коммандо числом в пятьдесят или шестьдесят человек, которыми командовал фельдкорнет Блигнаульт.

Мы теперь находились в районе Фауресмит, не больше чем в пятидесяти милях от Оранжевой реки, за которой была уже Капская Колония, но она оказалась дальше, чем я думал вначале.

Когда мы сказали Блигнаульту о нашем плане пойти туда, он стал отговаривать нас от этой затеи. Он сказал, что, перейдя Оранжевую в этом месте, мы окажемся в открытой сухой местности, где для наших лошадей не найдется пищи и где мы попадем в руки первых же англичан, которые нас заметят. С другой стороны, если бы мы пошли на восток к истокам Оранжевой реки, на расстояние в сто пятьдесят миль, и затем повернули бы юг в Капскую Колонию, то там нашли бы горы и хорошие пастбища, и такой маленький отряд, как наш, мог бы там существовать. Блигнаульт и его люди знали, что говорили, потому что за несколько месяцев до этого они сопровождали генерала де Вета во время его рейда в Капскую Колонию.

Одна тысяча пятьсот мужчин в тот раз пересекли реку, но их столь плотно окружили вражеские силы, что они вынуждены были возвратиться в Свободное Государство, потеряв много людей и лошадей. Практически все, кого мы там встретили, не советовали идти на британскую территорию.

Нам напомнили также о бедствии, которым закончилось предприятие генерала Херцога на юге и о судьбе почти всех отрядов, которые пересекали Оранжевую. Казалось, что она напоминает пещеру из сказки — туда ведет много следов, а обратно — немного.

Это нас совсем не ободрило, и фельдкорнет Бота и остальные мои компаньоны были столь этим обескуражены, что готовы были отказаться от этой затеи, но мы с Якобусом Бусманом в конце концов убедили их в том, что, приняв совет пойти на восток, все же попадем в Капскую Колонию и будем там действовать по собственному усмотрению.

На следующий день мы попрощались с коммандо Блигнаульты и поехали далеко на восток, и на следующий день

оказались рядом с поселком Эдебург. Он находится в сорока милях к югу от Блумфонтейна на главной железной дороге, и, поскольку мы обнаружили, что линия охраняется блокгаузами и рядом с поселком расположен большой английский лагерь, решили заночевать здесь и оценить обстановку при свете дня.

Этой ночью мы сели на лошадей и поехали вдоль железной дороги, надеясь пройти незамеченными в месте, которое мы сочли подходящим во время дневного обследования. Еще до этого к нам из английского лагеря приبلудилось шетландское пони, которого я взял себе, что было очень вовремя. Через час мы достигли намеченного места, но ночь была такой темной, что мы заблудились и наткнулись на блокпост. Нас встретило обычное «Стой! Кто идет?», затем последовали выстрелы, поэтому мы убежали и в пятистах ярдах от того места предприняли другую попытку.

Как и на большинстве железных дорог в Южной Африке, ограда проходила с обеих сторон железнодорожной линии, сделана она была из толстой проволоки, которую надо было перерезать, чтобы лошади могли пройти. Единственным инструментом в нашем распоряжении был большой напильник, и с ним мы с моим товарищем, молодым парнем по имени Верстер, попробовали перерезать проволоку, в то время как наши ждали в ста ярдах позади. Звук от трения напильника о натянутую проволоку оказался слишком громким, и не успели мы перерезать одну проволоку, часовой, который оказался в двадцати ярдах от нас, снова окликнул нас и выстрелил. Мы вскочили на лошадей, чтобы вернуться к своим, но наши лошади стали путаться в проволоке, которая лежала на земле. Приближаясь к железной дороге, мы этого не заметили, но теперь мы попались, а звон пустых консервных банок, привязанных к проволоке, пугал наших лошадей. К этому добавилась стрельба из блокпоста, который оказался в нескольких ярдах от нас и который мы в темноте приняли за груды камней. Стрельба из винтовки с такого расстояния всегда дело неприятное, а когда находишься на испуганной лошади, запутавшейся в проволоке — это неприятно вдвойне, и, если было бы чуть светлее, чтобы солдаты видели, куда стрелять, нас непременно убили бы. Но было так темно, что они стреляли не по нам, а на звук. Верстер сумел все же выпутаться, но мою лошадь застрелили и она упала, придавив меня. Я смог расстегнуть подпругу и вытащить седло из-под убитой лошади, и мы, спотыкаясь, помчались к нашим товарищам, которые свистели и кричали, но стрелять опасались из страха задеть нас. Шетландский пони оставался с ними, так что я бросил на него седло и мы поскакали прочь от солдат,

которые продолжали палить наугад в полной темноте. Мы проехали по дуге, вновь приблизились к ограде и снова попытались ее пересечь, но едва начав пилить проволоку, услышали звук шагов, бегущих по шпалам, поэтому оставили попытки перейти дорогу этой ночью. Ночь мы провели за холмом и, когда рассвело, оказалось, что мы ближе к английскому лагерю, чем думали. Мы едва успели оседлать лошадей, когда за нами погналось около ста человек, но мы смогли от них оторваться и добраться до холмов Бумплаатс. Мой пони показал себя на удивление хорошо.

Поскольку английские всадники через некоторое время вернулись, мы остановились у небольшого кладбища, где были похоронены английские солдаты, убитые в произошедшем здесь сражении между сэром Гарри Смитом и бурами в 1848 году. Это кладбище представляло для меня некоторый личный интерес, потому что чуть не привело моего отца к потере поста президента Оранжевого Свободного Государства, еще когда я был ребенком. Задолго до этого британское правительство установило надгробные камни по павшим солдатам, с надписью: «Убит в бою против мятежных буров». Многие из этих камней с течением времени развалились на части, и мой отец приказал изготовить точные их копии с такой же надписью. Это оскорбило многих патриотов, считавших слово «мятежник» оскорбительным, и мой отец едва не проиграл очередные выборы. Я же запомнил кладбище Бумплаатс по другой причине — пока мы здесь отдыхали, ко мне подошел фельдкорнет Бота и сказал, что он со своими людьми несколько дней обдумывали вопрос о Капской Колонии и просят меня от этой затеи отказаться. Произошедшее прошлой ночью окончательно развеяло их сомнения и все, кроме меня и Бусмана, объявили о своем решении вернуться к горам Винбург.

Мы сказали, что не для того так далеко забрались, чтобы возвращаться, и пойдем в Кап, даже если нам придется идти вдвоем. Обсуждения и уговоры продолжались несколько часов, но в конце концов Бота со своими людьми, к которым присоединились двое моих друзей-немцев, Хааз и Полачек, сели в седла и поехали прочь, оставив нас одних.

Мы с Босманом провели ночь возле кладбища, чувствуя себя так подавленно, что даже костер разводить не хотелось. Утром оказалось, что наши лошади ушли так далеко, что их не было видно. На их поиски мы потратили пять часов, а когда вернулись к тому месту, где оставались наши седла и все имущество, то ничего там не было. Это было очень серьезно, потому что без седел и припасов прожить было нельзя. Судя по следам, воров

было двое, оба конные, но кто это был — буры или англичане — мы не знали, но решили пойти за ними. Мы осторожно двигались по следам на лошадях без седел, и, пройдя таким образом около десяти миль, увидели двух человек, сидевших у костра под холмом. Мы подошли к ним пешком достаточно близко, чтобы можно было выстрелить в них раньше, чем они убегут. Оказалось, что это два бурских мальчика с соседней заставы, и все наши вещи были тут же. Они сказали нам, что подумали, что это вещи английских разведчиков. Это было явной ложью, и мы сказали им все, что о них думаем. От этих ребят мы узнали, что в пятидесяти милях отсюда, в холмах за Риет-Ривер, находится коммандо генерала Херцога, и решили пойти туда.

Мы двигались в течение двух дней, прошли опустевший шахтерский городок Ягерсфонтейн, и на закате достигли следующего поселка, Фауресмит. Он был покинут его жителями, но теперь в нем поселились люди, которые были ненамного лучше бандитов.

Когда мы проезжали по главной улице, на нас выскочило множество людей, которые выглядели как оборванцы, с винтовками в руках, и приказали нам остановиться. Они выглядели угрожающе и кричали: «Смерть проклятым шпионам!», хотя наверняка знали, что мы таковыми не являемся, и это был только предлог, чтобы нас ограбить. Мы сидели на лошадях, не зная, что делать с этой публикой, и, похоже, нам угрожали серьезные неприятности, поскольку жадные руки уже хватали наши сумки и пытались стянуть нас с седел. Но в этот момент две женщины, на вид изможденные и голодные, прибежали из соседнего дома и прогнали их. У них было такое влияние на эту толпу, что те просто стояли и угрюмо смотрели, как наши ангелы-хранители ведут нас в свой дом. Эти женщины были дочерьми богатого фермера, потерявшего все и убитого во время войны, после чего им пришлось найти убежище в пустующем доме, где они и жили в бедности. Они нам сказали, что население этого поселка — отребье, дезертировавшее или изгнанное из коммандо, и живут они только за счет грабежа. Также мы узнали о том, что генерал Херцог со своим коммандо переместился на запад, поэтому следующим утром мы отправились туда и провели в пути еще два дня, разыскивая его, пока не оказались на границе Грикваленда. Там мы встретили одинокого бюргера, от которого узнали, что отклонились далеко в сторону, и что Херцог вернулся на Риет-Ривер. Мы повернули на северо-восток и следующим вечером, уже в темноте, пересекли реку по фургонному мосту, который, как ни странно, был цел. На том берегу было пастбище, где старик с двумя сыновьями пас скот. Это скот предназначался

для людей Херцога, который, как нам сообщили, находился в десяти милях вверх по течению реки. Было уже поздно, и мы провели ночь с пастухами. Выглядели они подозрительно, и поведение их было соответствующим, потому что утром мы обнаружили, что наши седельные сумки были почищены. Поэтому я велел им стоять, пока Бусман проверял их карманы и доставал из них наши ножи, огнива и другие вещи. После этого я выстрелил в руку старшем из них, чтобы поучить его хорошему поведению.

Мы продолжили путь, не особенно впечатленные последними приключениями. За неделю нас три раза пытались ограбить, но все это были человеческие отбросы, а встреча с настоящими бойцами была намного более приятной.

К полудню мы добрались до отряда генерала Херцога, который стоял лагерем на берегу реки в месте под названием Бетхал. Я давно знал генерала Херцога — высокого худого человека с неприветливым взглядом. В разговоре он производил хорошее впечатление и я видел, что его люди к нему очень хорошо относятся. До войны он был верховным судьей в Блумфогтейне, теперь его коммандо состояло из жителей юго-западных районов Свободного Государства. Коммандо насчитывало примерно триста человек — самое большое из тех, которые я встречал, и ему же подчинялись маленькие отряды в окрестностях.

Мы оставались с коммандо в течение десяти дней, надеясь найти охотников для похода в Кап, но никто не согласился. Все говорили, что одного раза им хватило, и, начиная разговор на эту тему, мы всякий раз встречали решительный отказ с описаниями лишений и потерь, которых стоил им этот поход. Получалось, что идти нам с Бусманом предстояло вдвоем. Пока мы были в коммандо, нам удалось оправдать свое пребывание там, приняв участие в небольшой стычке в холмах выше фургонного моста через Риет-Ривер.

Английская колонка численностью в тысячу человек однажды ночью перешла на нашу сторону реки, идя к Кимберли, и мы удерживали ее два дня, пока они снова не отступили, снова перейдя мост, и не ушли тем же путем, что и пришли.

Генерал Херцог потерял только двоих убитыми и нескольких ранеными, хотя англичане подвергали нас сильному обстрелу из винтовок и орудий. Около полудня второго дня сражения, когда мы вдвоем поехали к дамбе, чтобы напоить лошадей, на нас из-за холма выскочил английский солдат. Он был храбрым, потому что, поняв свою ошибку, выстрелили с седла, но, прежде чем он сумел выстрелить второй раз, я был рядом и упирал винтовку ему в

ребра. Он сказал, что был на разведке и заблудился. Поскольку у моего товарища не было обуви, мы освободили англичанина от ботинок и лошади и предложили ему идти пешком до своих — незавидная перспектива, ведь ему предстояло пройти несколько миль по острым камням.

Когда следующим утром мы обнаружили, что англичане ушли, Херцог приказал нам вернуться с предыдущей стоянке выше по реке. И тут нам с Бусманом повезло. Я шел пешком и встретил десятерых вновь прибывших, в числе которых оказалось несколько моих старых знакомых из Трансвааля, и, к нашей большой радости, они сказали нам, что собираются идти в Капскую Колонию. Это было здорово, и мы поделились с ними своими планами.

С этой минуты моя судьба была связана с этой группой, и, поскольку многие из них трагически погибли, я назову их имена.

Лидером был Джек Борриус, невысокий, плотного сложения человек двадцати восьми лет, из Почефстрома, с ним я встречался, когда служил с разведчиками капитана Терона в АКК. Следующий — Бенджамин Котце, из Претории, который еще в Натале. Будучи бойцом Преторийского коммандо, прославился своей храбростью. Затем — Николас Сварт и Корнелиус Вермаас, оба сыновья богатых трансваальских фермеров. Вермаас был ранен и захвачен британцами за шесть месяцев до того, но он спрыгнул с поезда в горах около Кейптауна, откуда его хотели отправить на Цейлон, и после многих испытаний, которые ему пришлось перенести, пешком добрался до Трансвааля.

Затем идут Перси Виндол и Эдгар Данкер, двое англичан из Иоганнесбурга, и Фриц Балог, молодой австриец из Претории.

Кроме них Ян ван Зил, неграмотный но остроумный, и Пит де Руйт, голландец, и наконец молодой Ритенберг, также из Почефстрома.

Они все были трансваальцами и, за исключением Борриуса, никому из них не было еще двадцати, как и мне, и все они, как и я, были одержимы идеей попасть в Капскую Колонию.

Иронически относясь к своей рваной одежде и потрепанной амуниции, они называли себя «Пятерка денди». Из этой маленькой группы людей четверо встретили свою смерть, а шестеро были ранены или пленены, что полностью оправдало предостережения, которые мы получили перед походом в Капскую Колонию.

В то время как мы обсуждали, пересечь ли Оранжевую Реку здесь, или последовать совету и пойти на восток к ее истокам, прибыл еще один отряд, который и решил за нас этот вопрос.

Это был командант Георг Бранд и сопровождавшие его, они

приехали из юго-восточных районов, чтобы посоветоваться с Херцогом о военных делах.

Он был сыном Иоанна Бранда, который предшествовал моему отцу на посту президента Свободного Государства. Он сказал мне, что как только закончит дела с генералом Херцогом, вернется на восток и пересечет железную дорогу между рекой Каледон и Басутолендом, и, когда он узнал о моем намерении пойти в Капскую Колонию, посоветовал нам сопровождать его до реки Каледон, где перейти реку было более безопасно, чем здесь.

Поскольку мы уже получили подобный совет, и поскольку он уверил нас, что в горах мы сможем найти столько лошадей, сколько нам надо, мы согласились поехать с ним.

Уже на следующий день, попрощавшись с Херцогом и его людьми, мы отправились в путь и к полудню следующего дня вернулись на то же возвышающийся над поселком Эденбург холме, с которого начали нашу предыдущую безуспешную попытку пересечь железнодорожную линию.

Теперь дело пошло лучше, поскольку мы были с людьми, которые знали точное положение каждого блокпоста и каждого часового на пути, и к полуночи все было закончено безо всяких неприятностей, хотя при переходе по нам и стреляли из блопостов с обеих сторон.

Железная дорога считается как границей между Западным и Восточным Свободным Государством. К западу лежат обширные равнины, в то время как на восток страна становится все более гористой, поскольку примыкает к границе Басутоленда.

Я знал эту область очень хорошо, охотясь здесь еще мальчиком, поэтому после восхода солнца мы расстались с Брандом и его людьми, которые шли в другую сторону, и следующие несколько дней двигались в направлении верховьев Каледон-Ривер, к ее истокам. За это время мы только однажды видели английскую колонну, которая была так близко от нас, что мы слышали звук сигнальных рожков и видели солдат, бегущих за лошадьми, но, обменявшись с ними несколькими выстрелами, мы продолжили свой путь.

Большинство домашнего скота лежало, убитого дубинками, вокруг сожженных сельских домов, и не было никакого признака присутствия гражданского населения — те, кто смог убежать, скрывались в ущельях и пещерах.

Бойцов мы тоже не видели, потому что они были разделены на маленькие отряды и скрывались в горах.

Табуны диких лошадей были довольно обычны между Пиком Сиконеллы и Эландсбергом, поэтому мы нашли аванпост наших и с их помощью смогли поймать достаточно лошадей, чтобы

каждому из «денди» досталось по две свежих лошади, и мне тоже досталось две — гнедая и чалая. Эти лошади были неприученными к седлу, но через несколько дней мы смогли их взнуздать, и таким образом наше положение стало намного проще — ведь те лошади, которые были у нас, находились в очень плохом состоянии. Их мы отпустили на волю в надежде на то, что, когда они откормятся и отдохнут, другие поймают их и станут ими пользоваться. Было приятно видеть, как они, обрадованные заслуженным отдыхом, весело несутся по склону горы, взбрыкивая копытами, с развевающимися гривами.

Это было уже примерно в конце августа (1901), дождливый сезон мог начаться в любой момент, и тогда единственный паводок мог бы сделать Оранжевую реку непроходимой, и, поскольку мы были от нее в пятнадцати милях, нам оставалось сделать последнее усилие.

Тем самым утром, когда мы собрались пересечь реку, на склоне далекого холма появился отряд всадников. По их виду и манере держаться мы поняли, что это буры, но, поскольку никаких командо такой численности здесь не было, мы с большим интересом ждали их приближения. Через час колонна приблизилась, и я с удивлением увидел, что ей предводительствует г. Смэтс, государственный прокурор Трансвааля, теперь ставший генералом, который после взаимных приветствий сказал нам, что с отрядом в триста человек находится на пути в Капскую Колонию.

Это было просто подарком судьбы! То, что к нам присоединилась «пятерка денди» было одно, но встретиться с целым командо, которое следовало туда же, куда собирались мы — совсем другое дело, и мы в полной мере полностью смогли оценить эту удачу, потому что, как показали дальнейшие события, группа, подобная нашей, не продержалась бы в чужой стране и недели.

Это было самое прекрасное командо, с которым я когда-либо служил. Рядовыми были главным образом молодые фермеры из Западного Трансвааля, отборные бойцы де ла Рея, а командовал ими, наверное, единственный человек во все Южной Африке, который мог бы возглавить столь рискованное предприятие.

Генерал Смэтс приказал людям остановиться и спешиться. Это дало мне возможность познакомиться с ними, и для меня было приятной неожиданностью встретить среди них моего дядю из Голландии, Яна Малдера, которого я в последний раз видел в Натале почти два года назад. Встретил я также шурина генерала, Криге, одного из немногих оставшихся в живых из отряда Айзека

Малерба, который был тяжело ранен.

Я узнал от них о многочисленных трудностях и опасностях, с которыми они столкнулись на пути через Свободное Государство. Англичане прознали о их намерении вторгнуться в Капскую Колонию и предприняли большие усилия, чтобы этого не допустить. Их большие силы наседали на коммандо со всех сторон, не давая людям и лошадям отдыха ни днем, ни ночью, и только после нескольких сражений и благодаря выносливости лошадей они смогли оторваться, потеряв при этом много людей и лошадей.

Как я мог понять, генерал Смэтс решил совершить рейд на территорию центральных районов колонии, а потом предпринять крупномасштабное вторжение, чтобы ослабить увеличивающееся давление на севере.

Было ли это действительно его целью, я не знаю, поскольку он был необщительным человеком, но во всяком случае он был здесь, и мы слишком стремились идти с ним, независимо от того, что входило в его планы. Когда мы подошли к нему и сказали, что хотим присоединиться к коммандо, он сказал, что он был бы очень рад, и назначил нас разведчиками — должность, которую мы приняли с удовольствием и за которую нам пришлось расплачиваться долгими маршрутами.

XX. Мы входим в Капскую Колонию

Приключения этой горстки решительных мужчин во главе с генералом Смэтсом являются одним из самых интересных эпизодов во всей партизанской войне. (История «Таймс»).

Место нашей встречи с генералом Смэтсом и его командос было в пределах видимости небольшой деревни Састрон, приблизительно в пятнадцати милях от Оранжевой реки, и его намерение состояло в том, чтобы в тот день подойти к ней вплотную и пересечь в течение ночи. К полудню мы начали движение, и к пяти вечера мы могли видеть перед нами темную линию отмечающую ущелье, по дну которого между высокими стенами текла река.

К сожалению это было не все, что мы видели. Наша сторона каньона на несколько миль в каждую сторону охранялась английскими войсками, которые должны были препятствовать нашему проходу. Во всех местах, куда спускалась тропа с края каньона на его дно, стоял палаточный лагерь, а вся территория дна каньона патрулировалась сильными кавалерийскими отрядами, которые наверняка знали о том, что мы рядом.

Видя это, генерал Смэтс привел нас обратно в холмы, где мы ждали до следующего дня, пока посылали людей на поиски соседней заставы, чтобы найти проводников. В сумерках а нам прибыл молодой офицер по имени Луи Весселс с пятьюдесятью мужчинами, сплоченным отрядом, с которым он воевал более года.

Он сообщил о вражеских колоннах, приближающихся к нам с тыла, и сказал, что, если мы не сможем пересечь реку этой ночью, нас захватят. Он сказал, что пересечь реку трудно в любом месте из-за глубины ущелья и скал, которые преграждают путь, но он привел с собой ветерана войн с басуто, который знал о тропе, по которой можно пройти.

Генерал Смэтс решил не откладывать, и, как только стемнело, наш отряд вышел. К нам присоединился Весселс и те из его людей, кто решил пойти с нами в Капскую колонию. Час за часом мы двигались в полной темноте по неровной земле, и к трем утра увидели, как белеет пена в том месте, где река Оранжевая кипела в водовороте, прорываясь сквозь узкое русло. Мы начали спускаться, и после трудного спуска по крутой тропе, которую показал нам наш проводник, и которая не охранялась войсками, достигли воды и начали переправу. Река была неширокая, но течение было настолько сильным, что едва не сбивало лошадей с ног, но все же, когда рассвет осветил

верхушки утесов, последний человек закончил переправу и я, наконец, был в Капской Колонии. После короткой остановки мы нашли тропу, которая вела к вершине противоположащих утесов по глубокой расселине, по которой мы и втащили наших утомленных животных, и затем, поднявшись еще выше, мы оказались на широком покрытом травой плато, где виднелись деревни туземцев и пасущиеся стада рогатого скота.

Мы были фактически уже на британской территории, но эта часть страны находится в углу между Свободным Государством, Басутолендом, и границами Капской Колонии, жили здесь исключительно басуто, и в поле зрения не было никакого европейского жилья.

Как только мы достигли верха, то сразу рассеялись на маленькие отряды, которые разошлись по разным деревням в поисках табака и фуража. Пока мы занимались этим, к нам вдруг прискакал отряд конных басуто, численностью примерно в триста человек. Некоторые из них были вооружены винтовками, у других были боевые топоры, метательные копья и дубинки, которыми они размахивали в воздухе, пока приближались к нам. Мы не знали, что следует делать, но не думали, что они могли бы напасть на отряд белых, равный им по численности. Поэтому генерал Смэтс ограничился тем, что собрал отряды фуражиров и коммандо продолжил свой путь, не обращая внимание на всадников, которых их предводители криком созвали на холм, где они сидели на лошадях, наблюдая за прохождением буров.

В это время мой дядя и я, с пятью другими бурами, имени которых я не знал, отстали, чтобы покормить лошадей зерном из корзин, которые имеются в каждом местном поселке, и, поскольку выступление басуто нас не напугало (мы смотрели на это скорее с любопытством), позволили коммандо уйти далеко вперед. Только увидев, что мы остаемся одни, мы сели на лошадей и последовали за нашими, последние из которых уже исчезали за краем плато, поскольку дорога шла вниз на равнину.

К тому времени, когда мы могли посмотреть вниз, большая часть коммандо была уже внизу. Они ехали по дороге, которую слева обрамляли скалы, бывшие основанием плато, с которого мы сейчас спустились, а справа — миссионерской церковью и длинным каменным забором, который отделял дорогу от полей и садов. Отряд, который шел по этой дороге, легко мог попасть в засаду. Поэтому нас встревожило поведение басуто, которые, оставив своих лошадей, облепили нависающие над дорогой скалы, глядя на нас сверху вниз. Мы ожидали, что они начнут по нам стрелять, но они вели себя очень нерешительно, каждый из них хотел, чтобы первым выстрелил кто-то другой, и к тому

времени, когда они были готовы стрелять, такой возможности у них уже не было, потому что мы уже вышли из стесненного места на открытую равнину. Мы, однако, чувствовали себя неудобно, потому что басуто, боясь напасть на большой отряд, все же демонстрировали свою враждебность, и неясно было, как они поведут себя с отставшей группой, оставшейся у них в тылу.

Наскоро посоветовавшись, мы решили идти дальше и попытаться догнать команду, поэтому начали спускаться по склону. Мы достигли основания без приключений, но, проходя мимо церкви, заметили много черных лиц, прижатых к стеклам, и много выделявшихся на них глаз, смотревших на нас изнутри. Вслед за этим последовал оглушительный залп, нацеленный на нас. И на наши головы обрушился ливень из стеклянных осколков. К счастью, местные — плохие стрелки, потому что они обычно закрывают глаза, нажимая на курок, поэтому ни один из нас не пострадал, хотя стреляли в нас с десяти ярдов. Когда басуто, лежавшие на скалах над дорогой, услышали залп, они осмелели и тоже открыли огонь. Пятеро наших товарищей сделали единственно возможное в данных условиях — дали коням шпоры и поскакали прочь со всей возможной скоростью. Мой дядя в растерянности выпустил свою выючную лошадь, которая заскочила за выступ скалы, и прыгнул на землю. Я вынужден был последовать за ним, оставив свою лошадь, и спрятаться за валуном, который давал нам прикрытие от выстрелов как тех басуто, которые были в церкви, так и тех, которые стреляли сверху. Мы начали стрелять по церкви, но сразу поняли, что наше положение ненадежно. Сидевшие выше начали стрелять в наших отступавших товарищей, которые еще находились в пределах их досягаемости.

Мы уже слышали голоса тех из басуто, которые сидели наверху и пытались увидеть нас. В таком положении — когда одни враги находятся над нами, а другие в церкви — положение наше было безнадежным, и мы приготовились снова сесть в седло и постараться убежать, хотя шансы на спасение были невелики.

Глядя на дорогу, мы могли видеть только двух наших, которые, перескочив каменный забор убегали по полю, Троиш оставшихся мы не видели, но на дороге лежали две мертвые лошади, а третья скакала без всадника. Выглядело это плохо, но другого выбора у нас не было, поэтому мы вскочили в седла и выскочили из-за скалы, служившей нам убежищем. Увидев нас, сидевшие в церкви удвоили интенсивность стрельбы, а сидевшие наверху испустили чудовищный вопль и тоже открыли огонь.

Пока мы гнали лошадей, множество местных поднялось из-за забора. К счастью, вооружены они были только копьями и

дубинками, которые просвистели мимо наших ушей. Каждый миг мог оказаться для нас последним, но через шестьдесят ярдов дорога внезапно ушла в русло ручья, чего мы ранее не видели. Это было спасением, хотя вначале казалось, что это новая опасность, потому что во время спуска мы увидели группу местных числом в пятнадцать или двадцать человек, которые сидели в круг на корточках и собирались делать что-то с чем-то, лежащим между ними. Прежде, чем они вскочили на ноги, мы проскочили рядом с ними. Мы не стали подниматься на противоположный берег ручья, чтобы не оказаться снова в зоне обстрела, а скакали по руслу, пока не оказались в безопасности.

Из пятерых мужчин, которые были с нами, двое, которые перескочили через забор и ускакали по полям, уже скрылись из виду, а трое других очевидно были убиты на дороге, а затем унесены в русло ручья, или с ними поступили по-другому, но, так или иначе, уже потом мы узнали, что их тела были найдены на дороге, страшно изуродованными — местные использовали их внутренности для изготовления своих снадобий, как это у них принято. Я думаю, что, когда мы с дядей скакали по руслу, те, кого мы там видели, именно этим и занимались.

Теперь мы были вне опасности, но перспектива оставалась неопределенной. Правда, сами мы не получили ни единой царапины, но наших вьючных животных с основной частью нашего имущества мы лишились, а, осмотрев лошадей, мы обнаружили, что они обе тяжело ранены. Нижняя челюсть моей гнедой кобылы была раздроблена брошенной дубинкой, а лошадь моего дяди получила пулю в подхвостник и еще одну в заднюю ногу. Страдания моей кобылы я прекратил сразу, а дядя решил, что его лошадь оправится (как это и произошло). Я взвалил седло на плечи и мы пошли пешком, ведя лошадь в поводу и предаваясь печальным размышлениям по поводу нашего будущего, потому что для того, чтобы выжить в этой неприветливой стране, мы имели только горсть патронов и раненую лошадь.

Вдали мы могли видеть коммандо, стоявшее на горном хребте и прикрывавшее отступление тех, кто был еще в опасности, поскольку некоторые были ранены, когда их обстреляли из церкви, и с трудом пробирались по равнине.

Когда наконец мы достигли коммандо и получили возможность ознакомиться с положением дел, нас ожидала приятная неожиданность: обе наши вьючные лошади были там, живые и невредимые, со всеми нашими вещами и припасами. Очевидно, убежав от нас, они сами догнали коммандо, пока мы шли по ручью. Сейчас они находились за холмом вместе с остальными лошадьми, и мы имели по лошади на каждого.

В то время как мы стояли здесь, оказалось, что другая партия из десяти или двенадцати человек была в трудном положении. Они также отделились от нашего главного отряда, когда утром пошли на фуражировку, но никто их не хватился, пока мы не услышали звуки отдаленной стрельбы и они не появились в поле нашего зрения, на расстоянии примерно в две мили, преследуемые отрядом конных басуто. Их положение казалось безнадежным, поскольку между ними и нами проходило глубокое ущелье, к которому их скоро прижали бы, и нам пришлось бы наблюдать их гибель, не имея возможности помочь. Пытаясь сделать все возможное, все коммандо (и я в том числе) вскочило на коней и подъехало к краю пропасти, где нам посчастливилось найти небольшую возвышенность, с которой просматривалась вся сцена погони, и мы стали стрелять по преследователям с таким хорошим результатом, что они отступили. Это дало нашим возможность найти спуск вниз, и скоро они воссоединились с нами, не понеся потерь.

В результате этого эпизода мой боекомплект уменьшился до четырех патронов, да и у других дела обстояли не лучше. Стычки с преследователями, которые сопровождали их переход через Свободное Государство, опустошили их патронташи, и этот вопрос встал очень серьезно.

После этого мы остановились на час, чтобы дать отдых раненым, и позволить тем, лошади которых были убиты, оседлать новых. Раненых было семеро, а у нас не было ни метра бинтов и никаких медикаментов, и мы почти ничем не могли им помочь.

Через некоторое время раненые были усажены в седла, и мы отправились в дальний путь. Несколько отрядов местных преследовали нас, словно желая убедиться в том, что мы уходим, но потом отстали. После утомительной поездки мы, наконец, вышли из района, населенного местными, и к полудню нашли первый европейский дом, где и оставили наших раненых на попечение англичан.

Мы оставались там до вечера, чтобы дать отдых нашим утомленным лошадям, а затем отъехали еще на пять-шесть миль, где и расположились на ночь.

В течение многих прошедших месяцев нам сопутствовала прекрасная погода, когда ночью, правда, было холодно, но днем светило солнце. Теперь она изменилась и пошел сильный дождь, так что нам пришлось сидеть всю ночь в грязи и сырости. Этот дождь, завершивший первые сутки нашего пребывания в чужой стране, показал нам, что нас ожидает нелегкий путь.

Следующим утром небо несколько очистилось, хотя мелкий

дождь продолжался в течение большей части дня, в течение которого мы все время дрожали от холода, поскольку наша тонкая одежда не была хорошей защитой. Мой собственный гардероб был как и у всех;: рваное пальто и изношенные дырявые брюки, без рубашки или нижнего белья. На моих голых ногах были старые сделанные из сыромятной кожи сандалии, которые я несколько раз за последние восемь месяцев чинил, и у меня было только одно потертое одеяло, которым я укрывался ночью. Немногие из нас были более обеспечены, и мы мрачно смотрели на перемену погоды, поскольку это означало наступление дождливого сезона со всеми трудностями, которые нас при этом ожидали.

Наш путь в течение этого дня проходил через более населенные места, и впервые мы видели фермы и поля, нетронутые войной. Мужчины мирно работали в полях, женщины и дети стояли у дверей и без испуга смотрели. как мы проезжаем мимо — совсем не та картина, к которой мы привыкли в опустошенных республиках.

Люди были почти исключительно голландского происхождения, поэтому они оказали нам бескорыстное гостеприимство. Что касается одежды, то они были едва ли в состоянии помочь нам, из-за военного эмбарго, которое препятствовало им покупать больше определенного количества, но кофе, сахар, соль и табак были подарены нам в большом количестве, и я впервые за год съел ломоть хлеба с маслом и запил его чашкой кофе.

Несмотря на плохую погоду, наш первый день среди дружелюбного населения был приятным и привел людей в хорошее настроение, и могу сказать, что мы даже немного покрасовались перед женщинами, прежде чем отправиться дальше. Тем же днем наша дорога привела нас на горный перевал, верхней части которого мы достигли к вечеру, и с него мы увидели вдали слева красивую деревню, а под нами была знакомая картина ползущей английской колонны. Это нас не беспокоило, поскольку, не будучи обремененными колесным транспортом, мы развернулись и легко оставили солдат далеко позади.

Той ночью снова пошел дождь, и холодный ветер с юга дул нам в лицо. Наше коммандо представляло собой странное зрелище, поскольку у нас не было плащей и мы в качестве укрытия от дождя использовали одеяла, поэтому наш отряд походил на индейцев на тропе войны.

Когда стемнело, мы остановились на ночь, которую провели под холодным дождем, и на рассвете, замерзшие и в подавленном

настроении, продолжили путь. Было холодно, ветер дул в лицо, и только в четыре часа мы достигли места со зловещим названием Моорденнарс Порт (Путь Убийцы), где решили передохнуть. Дождь в это время прекратился, а проходивший мимо пастух сказал нам, что английские войска стоят лагерем в нескольких милях отсюда. Генерал Смэтс решил лично провести разведку. С собой он взял двух парней, фристатеров, из тех что присоединились к нему по пути, и еще одного человека из Претории, по имени Нитинг, моего старого друга. С ними он и отправился, сказав, что вернется, когда стемнеет. На закате он не вернулся, и мы долго с тревогой ждали его возвращения. Вернулся он незадолго до полуночи, один и пеший. Он сказал, что они попали в засаду, англичане убили троих сопровождавших его и всех лошадей, сам он чудом спасся. Если бы он погиб, то, я думаю, вся наша экспедиция на этом бы и закончилась, потому что только он держал нас вместе. Комmando был разделен на две части, которыми командовали Якоб ван Девентер и Бен Боувер, оба они были хорошими бойцами, но посредственными военачальниками и не имели на людей такого влияния, как Смэтс, который сумел сохранить нас как единое целое в то трудное время, которое нам предстояло пережить.

Мы провели ночь на этом же месте, и перед рассветом произошла неприятность — через лагерь пробежал дикобраз, который своим хрюканьем напугал лошадей, из-за чего те бросились в бегство. Они в панике скакали, ничего не замечая на пути, и с восходом солнца ни одной из них не было видно.

Учитывая близость англичан, это было очень серьезно, поскольку без лошадей они легко могли бы нас захватить, поэтому все отправились на поиски лошадей. К счастью, некоторые лошади запутались в сбруе и не смогли далеко уйти, поэтому их использовали, чтобы найти остальных, и через три или четыре часа ожидания появления англичан мы вернули всех лошадей.

Следующие три дня мы ехали по продуваемыми ветрами пустошам, держа путь на юго-запад. Погода портилась, и мы страдали от холода и дождей. И люди лошади устали — лошади сильно похудели, а люди сидели в седлах, дрожа от холода, потому что жители Южной Африки очень чувствительны к плохой погоде. Холод они переносят не хуже других, но нехватка света действует на них угнетающе, поэтому вид у нас был подавленный и все жалели о том, что начали эту затею.

Днем было мокро и холодно, а ночью спать было невозможно. Топлива не было, и мы ночью прижимались друг к другу, чтобы хоть немного согреться и заснуть на грязном склоне холма или в

мокрой долине.

Скоро мы потеряли нескольких лошадей, и идти дальше пришлось без этих несчастных животных, которые оставались стоять, поводя боками и опустив голову в ожидании своего конца.

Так прошло три дня, но наши неприятности только начались.

Однажды вечером, на закате, мы оказались ввиду поселка Джеймстаун, и справа от себя заметили английскую колонну, поэтому Смэтс увел нас в сторону. К тому времени совсем стемнело, и поливной дождь хлестал нам прямо в лицо. Ночь была так темна, что невозможно было разглядеть человека рядом с собой, и было так холодно, что мы совершенно окоченели и с трудом шли, ведя лошадей в поводу, потому что нам было приказано идти пешком, чтобы сберечь силы животных.

Когда я пересекал ручей, мои сандалии увязли в глине и, когда я пытался вытащить их, разорвались окончательно. Мне пришлось отрезать углы от одеяла и завернуть ступни, только так я смог продолжить путь. Наш проводник, житель местной фермы, сам заблудился, и нам пришлось вслепую идти под проливным ледяным дождем в течение пяти часов, пока, наконец, мы были не в состоянии двигаться дальше и стояли, собравшись в кучу, по щиколотку в грязи, моля о том, чтобы солнце взошло поскорее.

Когда рассвело, оказалось, что более тридцати лошадей пало, не выдержав таких перегрузок, в дополнение к тем, которых нам пришлось оставить накануне вечером. И наше настроение, и без того невысокое, упало окончательно.

Дождь беспощадно лил до полудня, когда небо наконец очистилось и ласковое солнце снова осветило нас. Мы продолжили путь и вдали увидели большой дом с сараями, в которых было много дров. Скоро мы смогли согреться и впервые за много дней приготовить горячую пищу.

Домохозяйка на ферме дала мне пару старомодных ботинок, и я нашел пустой мешок от зерна, в котором прорезал отверстие для головы, и по одному в углах для рук, сделав из него единственно доступное мне пальто. Мое появление в таком виде вызвало бурный смех, но я заметил, что в течение следующих нескольких дней, всякий раз, когда мы заходили в сарай, мешки для зерна пользовались большим спросом, и скоро многие наши ходили в таком же виде.

Поскольку нам сказали, что недалеко находятся англичане, мы продолжили путь, попрощавшись с Луи Весселсом, молодым офицером из Свободного Государства, и его людьми, которые зашли так далеко только для того, чтобы убедиться в том, что наш отряд действительно проник в Капскую Колонию. Я думаю, что они благополучно достигли своей страны.

Мы продолжали путь в течение часа, и затем остановились в долине. Пока мы праздно отдыхали на траве, два полевых орудия выстрелили в нас со стороны холма, и снаряды разорвались над нашими головами. Застигнутые врасплох, мы вскочили на лошадей и поскакали подальше от холмов. Никто из нас не пострадал.

Оказавшись в безопасности, мы укрыли лошадей и поднялись на холм чтобы посмотреть, что делают англичане. Теперь мы видели, что конная колонна выходит из-за холма, за которым ее раньше не было видно.

Их было приблизительно шестьсот человек при двух пятнадцатифунтовых орудиях Армстронга и нескольких помпомах, которые они привели в готовность и открыли огонь, Пока всадники осторожно приближались к нам. Через некоторое время они ускорили темп, словно собираясь атаковать, но, попав под наш огонь, укрылись позади ферм и краалей.

Несмотря на артобстрел и интенсивную перестрелку, не было заметно никаких жертв с обеих сторон, и дело закончилось после наступления темноты. Я не стрелял из-за отсутствия патронов, и другие стреляли не больше, чем было необходимо, чтобы отогнать англичан, потому что, как я уже говорил, вопрос с патронами стоял очень остро.

Когда стемнело, мы ушли на соседнюю ферму, надеясь там отдохнуть, поскольку не спали нормально ни одной ночи с тех пор, как более недели назад перешли Оранжевую.

Той ночью тоже отдохнуть не удалось, потому что в три часа ии получили приказ выступать. Люди устали после длительных лишений, боеприпасы иссякли, лошади были на последней стадии истощения, но все же следующие шесть дней окруженные со всех сторон, мы шли и сражались, и все же добились успеха.

XXI. Кони и люди

Когда взошло солнце и прекратился дождь, мы пересекли возвышенность, примыкающую к горам к югу от нас и там, в каждой долине и на каждой дороге, стояли белые палатки английских лагерей, препятствующих нашему движению.

Генерал Смэтс некоторое время рассматривал эти блокирующие нас силы, а потом повел нас на восток через линию вражеских постов. Мы двигались по очень неровной местности, и он приказал нам вести лошадей в поводу, чтобы сберечь их силы. Англичане не пытались нас преследовать, очевидно, им было приказано только удерживать дороги и проходы, поэтому мы шли весь день, пытаясь обогнуть их правый фланг. Во все время нашего рейда в Капскую Колонию мы без труда находили проводников среди сочувствующего местного населения, и в этот раз молодой работник согласился проводить нас. Он провел нас столь безошибочно, что в сумерках мы не только нашли конец британской линии, но и смогли зайти англичанам в тыл и вдали уже видели город Дордрехт. Мы с утра прошли, наверное, не менее тридцати миль, но, поскольку опасность еще не миновала, продолжили свой путь и после наступления темноты и, голодные и усталые, шли всю ночь, лишь иногда останавливаясь, если идущая по склону горы тропинка оказывалась слишком крутой или скользкой после недавних дождей. Когда рассвело, оказалось, что наш молодой гид блестяще справился со своей работой — мы далеко ушли от английских кордонов и теперь перед нами лежала только длинная горная цепь Стормберген, протянувшаяся с востока на запад, насколько можно было охватить глазом. Наш проводник сказал, что пересечь ее можно почти везде, поэтому мы отпустили его домой, а сами пошли на находившуюся неподалеку большую ферму, расположенную у подножия гор, где пустили лошадей пастись, а сами занялись приготовлением пищи, надеясь на то, что до утра еще можно будет поспать, поскольку в пути мы были целые сутки. Но, как только мы зарезали несколько овец и приготовились перекусить, крик «Тревога! Тревога!» заставил нас схватить наших несчастных животных, потому что по склону на нас спускалась длинная колонна английской кавалерии. Поблизости в горах был проход, свободный от войск, и мы устремились туда. Через час мы стояли на вершине Стормбергена, окруженные со всех сторон врагами. Вершина представляла собой травянистое плато шириной примерно в три мили, имевшим небольшой уклон на юг, где горный склон резко обрывался к лежащим ниже равнинам.

Здесь признаков войск не было, но в тылу они прибывали, и Смэтс расположил своих людей так, чтобы при необходимости задержать их наступление, а нам, «Пятерке Денди», было приказано проехать к дальнему краю плато и посмотреть, нет ли там спуска. Мы разбились на пары и отправились по разным направлениям, чтобы увидеть сверху все Кару. Моим компаньоном был Генри Риттенберг, и когда мы достигли края плато, то увидели узкую ленту железнодорожного пути, извивающуюся поперек лежащей у наших ног долины, по которой двигался один поезд за другим. Все они останавливались около маленькой станции и извергали из себя большое количество солдат.

Британцы, оказавшись не в состоянии остановить нас на первой линии, теперь собирали войска вдоль железной дороге, чтобы организовать вторую, и несколько кавалерийских колонн уже высадились из поезда и начинали подниматься вверх по горе.

Одна из них продвинулась уже так далеко, что их разведчики появились на плато, поэтому мы с Риттенбергом поехали ближе, чтобы определить их численность. Мы не прошли и половины мили, когда приблизительно две дюжины солдат выскочили на нас из-за возвышенности, стреляя с седла. Мы развернулись и поскакали назад, но положение наше было отчаянным — «пятерка денди» не могла поспеть нам на помощь, и нас непременно должны были бы захватить или застрелить, поскольку рядом не было никакого укрытия, а наши усталые лошади не могли соревноваться со свежими английскими.

Мы вернулись к генералу Смэтсу, чтобы рассказать ему об увиденном, и по его виду поняли, что положение было серьезным, поскольку колонна, которая преследовала нас утром, была уже недалеко от новой и мы были зажаты между ними.

Сильный северный ветер, который начался ранее тем же днем, все время усиливался и наконец перерос в сильную бурю, поэтому большинство людей село к ветру спиной, чтобы укрыться от летящего песка, который жалил, как картечь.

Генерал Смэтс с командирами ван Девентером и Боувером, однако, не прекращали наблюдать за обстановкой, стоя у прохода, через который прошло коммандо. Когда мы объясняли ему ситуацию, появилось около трехсот пеших солдат, которые оставили лошадей внизу. Они, очевидно, не ожидали встретить нас здесь, потому что, как только наши люди сбежали на крик ван Девентера, они развернулись и побежали.

Они почти сразу исчезли из поля зрения, и когда мы достигли края, то увидели, что они спускаются, но ветер, дувший нам в лицо, сделал точную стрельбу невозможной, и я не думаю,

что кто-то из них пострадал. Солдаты несколько раз выстрелили в ответ, молодой человек по имени де ла Рей, племянник генерала де ла Рея, вскинул руки и упал с пулей в голове. Мы оставили его там же, где он упал, потому что у нас не было никакого инструмента и не было времени, чтобы его похоронить, так как, оглянувшись назад, мы увидели, что на плато появляется все больше всадников, и мы уже были практически окружены, хотя силы англичан было пока недостаточно для того, чтобы препятствовать нам свободно двигаться в широком кольце, которым они окружили нас.

Однако мы не могли пойти на прорыв, потому что у англичан были пулеметы и такая попытка при дневном свете могла стоить больших жертв, поэтому единственно правильным было дожждаться темноты. С этой целью Смэтс весь остаток дня водил нас под сбивающим с ног ветром по плато взад-вперед. Он пользовался складками местности и старался не приближаться к англичанам, сумев все же заставить отступить сначала одну колонну, а потом другую, избежав при этом английских пулеметов. И люди, и лошади были утомлены, и всем нам пришлось нелегко. Боеприпасов было так мало, что у некоторых патронов не оставалось совсем, а к вечеру, когда к англичанам подошли новые подкрепления, положение стало казаться безнадежным.»

Мы и наши лошади ни разу не прилегли за последние сорок часов и из-за отсутствия сна и отдыха наши силы были на исходе, в то время как петля вокруг нас медленно сжималась. В сумерках мы нашли маленькую ферму, расположенную на отшибе, где нашли относительно безопасное убежище, но все же наше окружение и захват были лишь вопросом времени.

Когда англичане увидели, что мы решили остановиться, они прекратили наступление в полной уверенности, что загнали нас в угол, и им остается лишь подождать утра, когда мы сдадимся.

Генерал Смэтс, стоя перед фермой, советовался с двумя своими заместителями, пока остальные лежали в обнимку со своими винтовками, слишком усталые для того, чтобы думать о том, что будет дальше. В это время из дома вышел горбатый калека, который сказал, что проведет нас мимо английских войск к краю плато дорогой, о которой никто не знает, потому что она проходит по болоту. Это предложение было сразу принято и всем приказали сесть в седло. Шесть или семь человек были ранены, двое из них настолько серьезно, что им пришлось остаться здесь, но остальные решили ехать с нами. И через несколько минут мы скрылись в темноте во главе с калекой, который ехал на лошади впереди отряда. Он вел нас по неприметной тропе, которая на

протяжении двух миль извивалась и иногда так близко подходила к английским войскам, что мы слышали их разговоры и чавканье лошадей, грызущих удила, но все же через час мы вышли к краю плато. Отсюда на равнину уходил крутой склон — мы не могли видеть, насколько он крут, но наш проводник сказал, что очень крутой. Он спешил и пошел домой пешком, мы очень были ему благодарны, потому что он рисковал из-за нас своей жизнью и имуществом.

Мы сразу начали спускаться, и это был, вероятно, спуск по склону, наиболее близкому к вертикальному, для всадников за всю войну. Наверное, днем мы бы этого сделать не смогли, но в темноте лошади не так боязливы, поэтому мы, ведя их в поводу, заскользили вниз. Время от времени целые группы людей и лошадей скользили мимо нас, но, к счастью, склон был свободен от камней и покрыт высокой травой, которая защищала от повреждений, поэтому все мы спустились без особых неприятностей. Теперь мы снова были свободны. Главное, что нам было нужно — сон, но этого мы пока не могли себе позволить.

Где-то по равнине перед нами проходила железнодорожная линия, на которую мы смотрели сверху вниз эти утром, и за много миль от нее была еще одна, и обе мы должны были пересечь до восхода солнца, если не хотели столкнуться с поездами, везущими солдат. Поэтому Смэтс был неумолим и мы, ведя в поводу лошадей, покорно пошли вперед, думая о том, что впереди нас ожидает марш продолжительностью в двадцать часов, а после него — очередные испытания.

Было уже около десяти вечера, и буря, бушевавшая весь день, утихла, хотя было еще холодно. Это было даже хорошо, потому что холод не давал нам расслабиться и мы волей-неволей шли, чтобы согреться. Через час мы достигли первой железной дороги — это была ветка от угольных шахт. Подойдя к дороге, мы увидели огни приближавшегося поезда, но Смэтс не позволил нам ни положить на рельсы валуны, ни открыть огонь, чтобы случайно не пострадали гражданские лица, поэтому мы, стоя рядом, лишь мельком увидели сидевших в вагоне-ресторане офицеров, которые пили вино и курили сигары, не подозревая о том, что мы видим их. Генерал Френч, командующий английской кавалерией, потом сказал мне, что в этом поезде был он со своим штабом, спеша на север, чтобы командовать военной операцией против нас, потому что думал, что мы еще там. Так что эту возможность мы упустили, сами того не зная.

Перейдя дорогу, мы продолжали свой путь, миля за милей, плохо соображая от усталости и нехватки сна. Во время каждой остановки, когда нужно было перейти забор или канаву, люди

цельми рядами засыпали около лошадей, стоя на коленях, как мусульмане на молитве, и нужно было пинать их, чтобы они проснулись и не отстали от нас. Так мы шли всю ночь, чтобы успеть до рассвета перейти вторую железную дорогу. У нас не было проводника, и мы держали путь по звездам, а солнце взошло, когда мы были примерно в пяти милях к востоку от деревни Стеркстром. Судя по активности на станции, о нашем побеге с плато было уже известно, и с нескольких поездов уже разгружались войска, поэтому нельзя было терять времени. Мы вскочили на лошадей и понеслись со всей возможной скоростью через дорогу, потому что иначе бронепоезд мог бы отрезать нам путь.

Коммандант ван Девентер и с ним несколько человек остались, чтобы посмотреть, нет ли в пристанционных строениях чего-нибудь, что могло бы нам пригодиться. Пока мы были этим заняты, на станцию прибыл длинный товарный поезд, и мы его остановили, переведя стрелки. Поезд, возивший уголь, был пустой, и на нем было только три человека — машинист, кочегар и кондуктор, лица которых вытянулись от удивления, когда они увидели, что произошло. Поскольку ничего, кроме вагонов, в поезде не было, мы егопустили, забрав только мешок с почтой из вагона охраны. Письма были личными, прошедшими цензуру, потому что ни в одном из них о войне не говорилось, но газеты были менее сдержаны, и одна из них упоминала о нас — там было сказано, что Смэтс с горсткой бурского отребья вторгся в Капскую колонию, что вызвало много веселья, когда я смог прочитать об этом нашим людям.

Было там еще одно интересное сообщение — прокламация лорда Китченера о том, что любой бур, который будет застигнут с оружием в руках после 15 сентября, будет изгнан из Южной Африки навечно. Для нас это было новостью, потому что было уже 13 сентября и у нас оставалось всего два дня на то, чтобы сложить оружие. Это объявление было встречено со смехом, и, как я потом узнал, имело такой же результат и в бурских республиках, где его называли «бумажной бомбой» и относились к нему с презрением. История «Таймс» об этом писала так:

«Лорд Китченер сделал свою первую и последнюю попытку закончить войну в соответствии с этой угрожающей прокламацией.

Она начиналась торжественным заявлением, описывающим военное положение, которое бурам показалось очень неубедительным и даже смешным. Особенно четвертый параграф, в котором бурам сообщали, что они не в состоянии продолжать войну, был лишен всякой логики...Прокламация требовала сдачи

буров до 15 сентября под угрозой сурового наказания. Результаты были неутешительными. Бота, Стейн и братья де Вет послали ответы с отказом подчиниться, а остальные бюргеры угрюмо молчали.

Отпустив товарный поезд, мы настигли коммандо в Клаас Смитс Ривет, где мы остановились примерно на час, чтобы дать нашим бедным лошадям возможность хоть немного пощипать траву и самим перекусить. Большого позволить мы себе не могли, потому что к нам приближалась колонна солдат и мы снова были в движении весь день, от холма к холму, полумертвые от усталости, но все же держались от них на расстоянии вытянутой руки до самого заката, когда они, наконец оставили нас в покое и мы смогли расположиться на большой ферме и, как мертвые, рухнули на землю после шестидесяти часов непрерывного марша.

Этот отдых пошел нам на пользу, но наши трудности на этом не закончились, и худшее было впереди.

К девяти часам следующего дня английская колонна появилась со стороны Стеркстрема, поэтому мы сели на лошадей и двинулись дальше, обходя с юга гряду холмов. Англичане довольствовались тем, что медленно следовали за нами, очевидно, имея приказ ограничиться наблюдением. Так продолжалось до заката, когда пошел дождь. Англичане ушли в лагерь. А мы расположились на заросшем терновником участке, где провели очередную мокрую и холодную ночь, которых у нас было так много со времени нашего появления в Капской Колонии.

Когда рассвело, снова появились англичане, и мы, зная состояние наших лошадей и наличие боеприпасов, снова должны были отступать. Идти было тяжело, иногда нас задерживали разлившиеся ручьи и болота, но непосредственной опасности для нас не было, потому что у англичан были фургоны и орудия, что замедляло их движение, и мы оторвались от них на несколько миль.

Днем англичане снова разбили лагерь, и мы остановились на оставшуюся часть дня в маленьком сельском доме, стоящем на равнине. Дождь утром прекратился, но было холодно и черные облака висели у нас над головой, что обещало новые неприятности.

Мы могли видеть, как над английским лагерем, в четырех-пяти милях от нас, поднимался дымок. Там уже были целые улицы удобных палаток, там были тепло и уют, а мы стояли, дрожа на пронизывающем ветру, и дрожали от холода, думая о том, чем же все это закончится? Англичан было около тысячи, в нашем состоянии — с усталыми лошадьми и без патронов — нападать на них было бессмысленно. Поэтому, когда стемнело,

Смэтс приказал нам сесть в седла и отправиться на большую ферму, которая могла послужить для нас хорошим прибежищем.

Когда мы отправились в путь, снова начался дождь, и стало так темно, что расстоянию ярда ничего не было видно. Мы не прошли и трехсот шагов, когда услышали перед собой звук от копыт скачущих по грязи лошадей, и столкнулись с английским патрулем или арьергардом колонны — точно неизвестно, который, очевидно, отправлялся на ту же ферму.

Никто не рискнул начать драку в таких условиях. Солдаты ускакали, а мы тоже постарались уйти. Разница между нами была в том, что они могли найти укрытие на ферме, а нам приходилось оставаться в открытом вельде.

Ночь, которая наступила, была самая ужасная из всех. Наш проводник заблудился; мы шли по лодыжку в грязи и воде, наши бедные ослабленные лошади спотыкались и скользили на каждом повороте; дождь хлестал по нам, а холод был ужасен. К полуночи к дождю добавился снег. Мешок от зерна, который был на мне, застыл на моем теле, как кираса, и, я думаю, что если бы мы не продолжали из последних сил двигаться, то просто умерли бы. Мы прошли два года войны, но той ночью мы были ближе всего к отчаянию. Час за часом мы шаг за шагом продолжали свой путь, и я слышал стон людей, от которых раньше не слышал ни одной жалобы, потому что холод терзал их плохо защищенные тела. Той ночью мы потеряли четырнадцать человек, и я не знаю, остались ли они живы, потому что ничего больше от них не слышал.

Мы также потеряли большое количество лошадей, и я помню, как периодически натывался на их трупы. Мы продолжали идти до рассвета, собрав последние силы, и затем произошло настоящее чудо — мы добрались до пустой фермы и нашли там убежище от непогоды, набившись в комнаты и сараи, и были там до рассвета, еще дрожа, но понемногу отходя от ужасов этой ночи. Когда рассвело, оказалось, что пятьдесят или шестьдесят лошадей пали этой ночью и лежали снаружи. Моя маленькая чалая была пока жива, но лошадь моего дяди пала, и он вместе в тридцатью или сорока другими стал пехотинцем (поскольку почти у каждого их пересекших Оранжевую было не по одной лошади, число вынужденных пехотинцев не соответствовало числу павших лошадей). Этот дождь оставил нам такие воспоминания, что мы стали называть друг друга «людьми большого дождя» (ди грут ринт керелс), чтобы выделить тех, кто прошел это испытание, от тех, кто его не прошел. Лично я за все время войны не испытывал ничего более тяжкого.

День был холодным и ветреным, но дождь прекратился. Мы сломали все, что могло гореть — рамы, полы, мебель — и развели

огонь, чтобы согреться и высушить одежду. К полудню Смэтс приказал нам идти на другую ферму, в восьми или девяти милях от этой, где, как сказал ему один местный, был большой запас фуража для лошадей.

Отставших никто не искал, потому что сил на это у нас не было.

Мы тащились по затопленной стране, четверть из нас были пешими, а остальным скоро грозила та же участь, поскольку сменить лошадей было негде.

Оказалось, что эта ферма тоже оставлена хозяевами, но там было достаточно места для того, чтобы все поместились. Там был также большой запас овса и овцы, которых мы зарезали, так что, хотя снова начался дождь, мы, наконец, провели ночь в комфорте.

Хотя мы сумели избежать застав, стоявших на нашем пути и уйти от преследователей, мы еще не были вне опасности, поскольку местные сказали нам, что дальше на юг каждая дорога, долина, и проход были блокированы английскими войсками. Это означало, что они снова пытались вытеснить нас из Капской колонии, но, учитывая, сколько англичан находится в нашем тылу, мы могли только двигаться вперед. Следующим утром мы продолжили путь, и этот день (17 сентября 1901 года) оказался богат на приключения.

Наша дорога шла на юг по длинной долине. Небо было ясное, и солнце, теплое и яркое, светило впервые за много недель, так что люди снова были в хорошем настроении, хотя другого повода для оптимизма у них не было.

Как боевая единица, мы представляли жалкое зрелище. Впереди ехали те, кто сохранил лошадей, за ними шли остальные, похожие на огородные пугала. Они шли группами по два-три человека, неся седла на плечах, а самыми последними шли раненые под опекой своих товарищей.

Однако, солнце сияло после дождей и холодов и мы шли, как надеялись, вперед. После нескольких миль пути Смэтс приказал нам, «Пятерке денди», выдвинуться вперед и вести разведку, поэтому те из нас, у кого остались лошади, поехали вперед с такой скоростью, на которую были способны наши измученные животные. Когда мы добрались до выхода из долины, где она расширялась и переходила в открытый вельд, к нам от придорожного дома подбежал голландский фермер и хриплым от волнения голосом сказал, что ниже нас ждет английская конница. По его словам, у англичан были легкие пушки и пулеметы, их общее число было около двухсот человек при более чем трехстах лошадях и мулах. Все это оказалось верным.

Эдгара Данкера послали назад, чтобы сообщить об этом, и

скоро он возвратился с генералом Смэтсом, которого сопровождал командант ван Девентер и дюжина мужчин. Генерал Смэтс решил напасть на англичан, и я слышал, как он сказал, что, если мы не получим этих лошадей и боеприпасы, для нас все будет кончено. Он приказал ван Девентеру вместе с «Пятеркой денди» и людьми, которые были с ним, уточнить расположение англичан, а сам остался на месте, чтобы дожидаться остальных командос. Мы отправились немедленно и через несколько минут достигли берегов небольшой речки, которую перешли. На другом берегу были заросли деревьев с покрытыми шипами ветками. Обходя их, мы едва не столкнулись с группой английских солдат, числом в пятнадцать-двадцать человек, которые не спеша направлялись в нашу сторону. Большинство наших людей было еще за деревьями, но четверо или пятеро уже вышли из-за зарослей, и, когда мы спрыгнули с лошадей, солдаты были на расстоянии не более десяти ярдов от нас. Открыв огонь, мы сбили нескольких, остальные развернулись и поскакали по дороге. Здесь я выпустил последние свои два патрона, и моей первой мыслью было подбежать к убитому солдату и взять его патронташ и винтовку, бросив свою, уже ржавую, поэтому я вскочил на кобылу и бросился их преследовать.

Лошади у англичан были в намного лучшем состоянии чем наши, но солдаты задержались в узком проходе, поэтому мы снова смогли приблизиться к ним и с седла застрелить еще двух или трех.

В теснине сам ван Девентер и с ним полдюжины людей отошли к холму, с которого удобно было вести наблюдение, а остальные, числом около двадцати человек, гналась за патрулем в сторону низкого каменного хребта вниз по дороге.

Они немного опередили нас и, оставив своих лошадей, полезли на скалы. Мы уже не могли отступать по открытой долине и нам оставалось только идти за ними.

Прежде, чем мы достигли скал, солдаты открыли по нам огонь почти в упор, и, что было еще хуже, по нам стала стрелять горная пушка, которая была в тридцати ярдах от нас, а рядом начал стрелять пулемет.

Горная пушка была так близко, что облака дыма из ее ствола почти накрывали нас, но снаряды из нее летели куда-то далеко. Вне всякого сомнения, англичане не ожидали нашего появления вслед за патрулем, поэтому открытый ими огонь был неприцельным. Только трое из нас и несколько лошадей упали прежде, чем мы достигли подножия скал и, следуя примеру англичан, бросили лошадей и полезли на скалы, оказавшись вскоре в нескольких футах от преследуемых и еще нескольких,

которые были там раньше нас.

Теперь, когда мы могли видеть окружающую местность, мы с удивлением обнаружили английский лагерь на расстоянии броска камня, который гудел, как растревоженный улей. Офицеры отдавали приказы, из палаток выпрыгивали солдаты, которые бежали в разные стороны, чтобы занять свои позиции.

Мы оказались в очень сложном положении — наши не могли нам помочь, и мы фактически оказались на краю английского лагеря, перемешавшись с английскими солдатами, а англичане, оправившись от неожиданности, уже стали обстреливать равнину из орудий и винтовок. К счастью, генерал Смэтс поторопил коммандо, и через несколько минут наши открыли огонь с холма, возвышавшегося в тылу англичан, тем самым не давая им покончить с нами, поскольку теперь они сами должны были укрыться.

Ближняя к нам сторона лагеря шла примерно параллельно скалам, на которых мы находились, поэтому мы смогли сформировать линию фронта, заняв позиции на расстоянии двух-трех ярдов друг от друга, а остальные охватывали лагерь полумесяцем. Мы вместе с молодым трансваальцем по имени Маллер лежали с краю, где скалы обрывались, и отсюда хорошо видели горное орудие, которое обстреливало наше коммандо. Стрелять по нам они не могли, так как могли задеть своих, и в любом случае они не имели представления о том, что мы находимся так близко от них, потому что продолжали спокойно обстреливать наших, которые были в шестистах метрах за нашей спиной. Заряжающим был высокий человек, который подавал снаряды трем другим. Я выстрелил в него, и он, повернувшись, опустился и остался сидеть около колеса, где я после сражения нашел его мертвым. Трое других побежали в лагерь. В одного я выстрелил, и он упал мертвым, еще одного застрелил Маллер, но третий скрылся среди палаток. Избавившись таким образом от орудийного расчета, мы занялись другой задачей. Место, в котором мы находились, было грядой отдельных скал, не превышавших по высоте человеческий рост, имевших в сторону английского лагеря несколько более крутой уклон. Здесь, на этом небольшом участке, где противники находились на расстоянии вытянутой руки друг от друга, началась мрачная дуэль. Когда солдаты поднимали головы, чтобы выстрелить, мы сбивали их, поскольку стрельба на такой дистанции никакой сложности для нас не представляла, и таким образом мы убили двенадцать или тринадцать человек и нескольких ранили. У нас потерь не было, только трех человек зацепило еще во время скачки за патрулем. Одним из них был Эдгар Данкер, раненый в

ногу, другим еврей по имени Коэн с раздробленной лодыжкой. Они могли ползти и приняли участие в перестрелке, но третий, Раубенхемер (брат Веры, графини Катхарт), лежал на открытом месте со сломанным бедром, придавленный мертвой лошадью.

Я застрелил одного сержанта прежде, чем он смог достичь своих — высокого крепкого человека. Он, раненый в живот, сложился, как перочинный нож, упал и умер.

Находившийся на моем флаге Николас Сварт застрелил еще двух солдат, одного за другим, когда они попытались присоединиться к тем, что прятались среди камней. В нескольких футах от меня засел молодой лейтенант. Потом я узнал, что его звали Шеридан и он был двоюродным братом Уинстона Черчилля. Дважды он приподнимался, чтобы выстрелить в меня, и промахивался, во второй раз я сам зацепил его висок, он пропал из виду, но был только оглушен, и через мгновение уже стоял на подгибающихся ногах, с залитым кровью лицом, пытаясь выстрелить в меня. Я колебался, но Джек Борриус выстрелил ему в голову. Другой солдат второпях выпустил по мне несколько пуль, а я смог попасть в его пятку, которая высовывалась из-за камня, за которым он лежал. Внезапный удар заставил его подскочить и тот же Джек Борриус, у которого была прекрасная реакция, убил его.

Сражение продолжалось таким же образом, но в миле от лагеря мы видели небольшой английский отряд, подходивший с юга. Сам отряд был небольшим, но, как нам было ясно, это был авангард более крупных сил, которые должны были заставить нас отступить. У нас, засевших в скалах, выхода не было, поэтому мы решили очистить скалы от англичан. Передав приказ по цепочке, Джек Борриус дал сигнал, по которому мы вскочили и ворвались в группу солдат. Их осталось только десять или пятнадцать человек, и все обошлось без единого выстрела с обеих сторон. Наше внезапное нападение застало их врасплох и они сразу сдались. Не обращая на них внимания, мы с криками и стрельбой помчались в лагерь, прежде чем его защитники поняли, что происходит. Среди солдат началась паника, одни из них куда-то бежали, кто-то пытался спрятаться в колючих кустарниках, другие подходили к нам, поднимали руки и складывали оружие. Один из них подбежал к коновязи, вскочил на неоседланную лошадь и, размахивая револьвером, попытался ускакать. Я крикнул ему, чтобы он остановился, но он не послушал и мне пришлось застрелить его. Когда командос увидели, что мы вошли в лагерь, они тоже прискакали туда, и сражение было закончено. «Я принял участие в заключительном эпизоде сражения. Мы с Уильямом Конради, направляясь к роще, чтобы разоружить находившихся в

ней солдат, зашли в каменный крааль, где тоже находилось около дюжины солдат. Когда мы заглянули в крааль, некоторые из них лежали, скрываясь за дальней стеной, и стреляли в наших командос, которые были на расстоянии от них. Мы крикнули: «Руки вверх! Руки вверх!», но они развернулись и выстрелили нам прямо в лицо. Мы смотрели в глаза своей смерти.

Конради одной пулей убил одного человека и ранил другого, я ранил одного, но даже теперь они не сдавались, и, пробежав через крааль, подбежали к стене, которая отделяла нас от них. Один из них протянул ствол винтовки прямо к моему лицу и выстрелил с такого близкого расстояния, что при выстреле мою щеку и шею опалило кордитом, частички которого пришлось потом много дней выковыривать кончиком ножа. Когда же я схватил ствол его винтовки, он выдернул ее с такой силой, что мушка распоролла мою ладонь, и я вынужден был ее отпустить.

Ситуация быстро становилась опасной, когда мы услышали за деревьями голоса, и множество наших прибежало на звук выстрелов, чтобы посмотреть, в чем дело. Солдаты переброшили винтовки за стену, но это было еще не все. Когда я обходил крааль, спеша к выходу, чтобы принять пленных, то столкнулся, с солдатом, который присел за стеной, готовясь стрелять по нам с фланга. Он не знал, что сражение закончено, и, если бы я не столкнулся с ним, он стал бы стрелять по нашим из-за стены, пока те внутри крааля разбирались бы с пленными. Он предложил мне сигарету, что меня очень удивило. и, дружески взяв меня под руку, прошел вместе со мной в крааль, где присоединился к своим. Весь этот инцидент продолжался не более пяти минут, но острых ощущений нам хватило, и мы с Конради поспешили в лагерь, чтобы воспользоваться своей долей трофеев. Все коммандо было там и все обыскивали палатки и фургоны. Английский отряд, который, как мы думали, идет на помощь лагерю, оказался всего лишь патрулем, который стоял, наблюдая издали за тем, как мы выворачиваем лагерь наизнанку.»

Когда все было закончено, мы словно заново родились. Еще утром мы были на последнем издыхании, а теперь перевооружились с головы до пят. У нас все было новое — свежие лошади, новые винтовки, одежда, сбруя, обувь и боеприпасов столько, сколько могли унести.

Кроме того, мы поверили в нашего командира и в собственные силы, что было очень важно, пока мы находились на вражеской территории.

В этом сражении мы потеряли только одного человека убитым, который погиб при атаке лагеря, и шестерых ранеными,

тогда как враг имел тридцать убитых, множество раненых, и много пленных.

Я не считал, сколько солдат противостояло нам, но было их около двухсот. Они принадлежали к 17-му уланскому, одному из лучших полков британской армии. Среди раненых был их командир, капитан Сандеман, и лорд Вивиан, которого я нашел среди камней, куда мы их оттеснили в начале сражения. Он и рассказал мне о судьбе трех человек, убитых и искалеченных басуто в тот день, когда мы пересекли Оранжевую. Он указал мне на маленькую палатку и сказал, что теперь она моя как трофей. Я понял этот намек, так что, имея утром мешок из-под зерна в качестве одежды, уставшую лошадь и старую винтовку с двумя патронами, теперь я был одет в новенькую форму, имел новый Ли-Метфорд с полным патронташем и отличную лошадь, маленького серого араба, который, как сказал его цветной грум, был собственностью лейтенанта Шеридана.

Я также выбрал сильного ездового мула, которого предпочитал другим лошадям, потому что мой опыт прошедших двух недель говорил, что хороший мул для длинных маршей и ловкий легкий пони для сражения были идеальным сочетанием.

Закончив все дела, я решил обойти лагерь.

Мы считали, что его захват был в основном обеспечен действиями нашего отряда, поскольку, хотя одни мы, конечно, не справились бы, но все же наши действия сделали возможным успех сражения. Я видел мертвых солдат и артиллеристов, в которых стрелял, и смотрел на них со смешанным чувством. Я никогда не испытывал ненависти к англичанам, но война есть война, и, жалея убитых, я все же гордился тем, что сделал в тот день. Наконец, я пошел посмотреть, что стало с моей чалой кобылой. Она все еще терпеливо стояла там, где я оставил ее, на выступе. С обеих сторон от нее лежали мертвые лошади, но она была цела. Однако, бедное животное так устало, что едва передвигало ноги, поэтому я снял с нее седло и бросил его, потому что оно было уже старое и изношенное, так как я постоянно пользовался им с тех пор, как девять месяцев назад взял его в лагере генерала Клементса. Я снял с нее узду и поводья и отпустил ее в надежде, что какой-нибудь соседний фермер позаботится о ней, так как лошадь была очень хорошая.

Генерал Смэтс приказал нам поджечь все, что мы не унесли, и взорвать орудия и пулеметы вместе с боеприпасами, которые мы не могли унести. Так, оставив пленных, погонщиков и туземцев, мы с триумфом поехали прочь.

XXII. Все вперед!

Следующим утром мы направились из горной местности в открытые равнины Кару. Мы преодолели множество препятствий, прорвались через множество стоявших на нашем пути преград, и, хотя нам предстояло еще много приключений, стало ясно, что англичане не смогли нас остановить. Теперь мы продолжали свой рейд на юг. В поселке Марэсбург нас ждали войска, но генерал Смэтс умело провел нас мимо них ночью, и мы продолжили маршрут без единого выстрела.

В это время «Пятерка Денди» стала пользоваться особым вниманием с его стороны. Наши действия во время сражения с 17-м уланским укрепили нашу репутацию, а в равнинной местности служба разведчиков была особенно нужной, поэтому мы двигались далеко впереди колонны, и нас гостеприимно встречали голландские фермеры и философски терпели английские, к которыми мы встречались.

В прекрасных гимнастерках цвета хаки, и на отличных лошадях мы так преобразились, что, когда в английских домах нас спрашивали, кто мы такие, мы в шутку говорили, что являемся «драконами, истребляющими англичан». После пережитых трудностей мы наслаждались жизнью.

Погода улучшилась, долгая зима закончилась, и безоблачные солнечные дни согревали наши сердца. Скоро нам еще раз повезло, потому что к нам присоединился фельдкорнет Бота с отрядом в двадцать пять человек, остатком отряда добровольцев, которые бродили по стране, пока их силы не истощились настолько, что они были вынуждены скрываться в горах. Услышав о нашем появлении, они поспешили найти нас и тем самым возместили наши потери, понесенные со дня перехода на территорию Капской колонии.

Но мы вынуждены были оставить Раубенхеймера, бедро которого было раздроблено во время последнего сражения, а еще через день или два — Коэна, у которого началась гангрена.

Помимо того, что он был храбрецом, Коэн обладал и своеобразным чувством юмора. Впоследствии в английской газете я прочитал, что, когда он был взят в плен и его допрашивал английский офицер, то на вопрос, почему он, еврей и уитлендер, сражался за буров, он ответил, что боролся за свое избирательное право.

Следующая потеря была для меня намного более тяжела. Мой друг Якоб Бусман, который оставался со мной, когда остальные в Свободном Государстве отказались с нами идти, подхватил где-то

злокачественную лихорадку. Он держался из последних сил, но все же мы были вынуждены оставить его на ферме, года у него начался горячечный бред. Я оставил его с тяжелым сердцем, потому что знал, что он находится в двойной опасности — от болезней и от англичан. Если бы болезнь пощадила его, то его ждал суд англичан по обвинению в государственной измене. Мои опасения оправдались, потому что примерно через три недели я узнал, что в Грааф Ренье он был приговорен к повешению как мятежник.

Он был первым из нашей «Пятерки Денди», принявшим позорную смерть, но не последним — еще трое были впоследствии расстреляны, как, впрочем, и другие командос.

Спустя два дня после того, как мы оставили Бусмана, мы достигли подножия высокой горной цепи, название которой я забыл. Там была дорога, уходившая в узкое дефиле — ущелье, которое называлось Лили Клооф (Ущелье Лили), куда и послали на разведку наш отряд. Мы проехали по ущелью некоторое расстояние, когда увидели, что от нас удаляется партия английских фуражиров, у каждого из которых на лошади было по мешку овса. Бен Котце убил одного из них, местного фермера по имени Браун, который присоединился к войскам, а остальные умчались прочь. Из дома выбежала женщина, чтобы предупредить нас о том, что недалеко находится сильный отряд англичан, и мы вернулись, чтобы сообщить это генералу Смэтсу. В нескольких милях к западу было еще одно ущелье, через которое мы попытались пройти, но там нас тоже предупредили, что дорога перекрыта. Тогда генерал Смэтс сказал, что есть и другие пути, поэтому мы вернулись обратно и ночью, в сопровождении местного проводника, перешли горы по выючной тропе. Это был длинный переход, мы всю ночь не сомкнули глаз, но утром мы были уже на дальнем склоне гор, в районе Бедфорд, населенном в основном англичанами. Отсюда открывался прекрасный вид на глубокие долины и зеленые нагорья одного из самых плодородных районов Южной Африки. Преследователи остались так далеко позади, что следующие несколько дней мы ехали совершенно спокойно, заходя в дома местных жителей.

Жители относились к нам вполне доброжелательно, никаких признаков неприязни с их стороны я не заметил, хотя они надеялись, что нас в конце концов окружают, о чем постоянно нам говорили.

Мы видели случайный патруль местного ополчения, от которого, однако, никакого беспокойства не было, потому что они ограничивались наблюдением, и вообще не было никаких неприятностей о того дня, когда на холме появилась английская

кавалерийская колонна и не открыла по нам огонь с дальней дистанции. Не желая вступать в бой против собственного желания, мы отошли в узкое дефиле, рассекавшее находившийся перед нами горный массив. Это был хребет большого Винтербергена, и мы остановились на закате в прекрасном месте, окруженном великолепными деревьями, где развели большой костер и провели замечательную ночь, радуясь тому, в какую прекрасную страну мы попали.

На следующий день наша дорога проходила по еще более красивым местам. Вокруг нас был первобытный лес, и через случайную прогалину среди деревьев мы бросали взгляд на зеленые поля и белые фермы в долинах, лежавших далеко под нами.

Следующим утром, когда мы остановились на живописной поляне, лесник, живший в бревенчатой хижине, рассказал нам о таверне и торговой станции у подножия перевала, который находился рядом с нами и вел вниз. Все живо этим заинтересовались и решили посмотреть, что там находится, поэтому уже к закату мы достигли подножия гор, где стояла большая гостиница, и тут же было несколько полных разным добром складов.

В этой отдаленной местности нашего появления никто не ожидал, и никаких попыток увезти товары со складов под охрану ближайшего военного поста предпринято не было. Владелец складов очень сильно пострадал в результате нашего посещения, потому что в искусстве изъятия английской собственности мы были уже мастерами. Я и не стал бы упоминать об этом эпизоде, если бы в результате этого мы не лишились бы еще одного из «Пятерки денди».

В гостинице оказалось большое количество пива и спиртного, и, хотя многие из нас не пили спиртного больше года, почти никто пьяным не был, кроме Пье де Рю, нашего товарища, который перебрал и уснул, и, когда коммандо покидало гостиницу, про него забыли и он остался там.

Некоторое время спустя мы узнали, что он был обнаружен в номере гостиницы, и поскольку, как и большинство из нас, он был одет в британскую униформу, бедняга был казнен, во всей вероятности прежде, чем его одурманенный мозг смог понять, что с ним происходит.

Ни тогда, ни недели спустя, мы не знали, что всем одетым в хаки полагалась смертная казнь, и, хотя через некоторое время через местных жителей до нас стали доходить слухи о том, что англичане расстреливают наших людей, мы этому не верили. Мы и думать не могли о том, что англичане расстреливают пленных.

И только много позже мы узнали о прокламации Китченера, которая предписывала расстреливать всех буров, одетых в хаки. Насколько мне известно, никем из англичан не принимались какие-либо меры, чтобы ознакомить нас с этой прокламацией.

От подножия Винтерсбергена мы продолжили путь в течение следующих нескольких часов в темноте, по извилистой пешеходной тропе, пересекающей покрытые кустарником равнины, и разбили лагерь на открытом месте. На рассвет мы разглядели вдали небольшой поселок Аделаида, но, в нем оказался сильный гарнизон, мы оставили его в покое, и продолжили свой путь на юг по долине, покрытой холмами и оврагами.

Здешние жители тоже были в основном англичанами, которые со всей любезностью демонстрировали нам свои хорошие манеры: в то время, когда мы их грабили, они резали для нас баранов и помогали обчищать свои сады и кладовые. К вечеру к нам подошла колонна из Аделаиды, они стояли, когда стояли мы, и двигались вместе с нами. Когда в темноте мы разбили свой лагерь, огни их костров были от нас на расстоянии в пять-шесть миль. После полудня к нам прискакал вооруженный колонист с соседней фермы, который сказал, что хочет бороться с англичанами. У него была хорошая лошадь и он хорошо говорил по-голландски, поэтому мы приняли его к себе, но теперь, когда мы расседлали коней, он вдруг вскочил на своего коня и умчался прочь. Никто не смог его преследовать, и, поскольку он наверняка был шпионом, который должен был выведать наши планы, мы снова оседлали лошадей и проехали еще час или два, прежде чем встать на ночевку.

На следующий день мы уклонились к западу и на закате достигли Биг Фиш Ривер. Ее мы перешли вброд, а затем, в миле или двух дальше, на станции Коммадага, перешли железную дорогу, которая шла от Порт-Элизабет вглубь страны. Никаких блокпостов там не было, поэтому не составило никаких проблем до темноты оказаться на другой стороне, а потом, поскольку наши лошади устали, генерал Смэтс приказал расположиться лагерем в сельском доме в пятистах или шестистах ярдах оттуда. Как только мы отпустили животных пастись, прибыл бронепоезд, прожектора которого ощупывали вельд, но, поскольку мы лежали в низине, видеть нас не могли, хотя команда все же подозревала о нашем присутствии, потому что послали наугад несколько снарядов, только один из которых упал в относительной близости от нас. Разрыв не причинил нам вреда, но мы решили, что нас обнаружили, и побежали седлать лошадей. Возник большой беспорядок, прежде чем мы поняли, что англичане стреляли

наугад. Тогда мы посмеялись над своими страхами, и, завернувшись в одеяла, спокойно проспали до рассвета.

Отсюда мы пошли на юго-запад, спокойно пройдя через район Сомерсета, и перед закатом мы были у подножия Зуурбергена, последнего хребта перед тем, как страна начинает плавно снижаться к морю

К настоящему времени мы находились в пределах пятидесяти миль от залива Алгоа. Я никогда во время нашего рейда не знал, какими были намерения генерала Смэтса, потому что он был очень скрытен, но, думаю, в тот момент он планировал совершить внезапное нападение на Порт-Элизабет следующим утром. Когда мы увидели английский отряд численностью около трех тысяч человек, он приказал нам оставаться у подножия гор, хотя мы спокойно могли уйти на восток или на запад. Эти войска прибыли по железной дороге и высадились на станции Коммандага, там, где мы за две ночи до этого пересекли железную дорогу, и, судя по их передвижению, они хотели прижать нас к склонам хребта.

Мы наблюдали за их медленным приближением в течение большей части дня, пока их разведчики не приблизились к нам почти на расстояние выстрела, а потом генерал Смэтс повел нас прямо на склон. Ночь мы провели на первом из параллельных хребтов, которые составляют Зуурберген.

От того места, где мы достигли вершины, мы видели горы — несколько линий горных хребтов, идущих параллельно друг другу, разделенных глубокими лесистыми ущельями, и перспектива попасть в эту местность нас не устраивала. Но войска, приближавшиеся к нам с тыла, не оставляли нам выбора, и мы развели костры и устроились на ночь. По пути Джек Борриус и я встретили местного пастуха, который сообщил нам, что в соседнем ущелье был большой отряд лошадей. Во время нашего пребывания в Капской колонии ни на одной из ферм мы не могли найти ни одной лошади, потому что англичане забирали их, чтобы лишить нас возможности сменить коней. Пастух сказал, что около пяти сотен лошадей были собраны военными в течение нескольких последних дней при слухах о нашем приближении. Поэтому мы с Джеком перед рассветом оставили коммандо и прошли по хребту несколько миль, пока не нашли место, где можно было спуститься в указанное нам ущелье. Наконец мы нашли ферму, земля вокруг которой была истоптана множеством копыт, но кафр, который появился из леса, сказал нам, что накануне патруль отогнал всех лошадей к побережью, так что нам пришлось оставить затею найти свежих лошадей и мы, заведя лошадей в загон, растянулись под тенистым деревом и уснули.

Несколько часов спустя мы были разбужены несколькими

людьми, которые оказались здесь в поисках еды. Они разбудили нас и велели прислушаться. слушать. Вскочив на ноги, мы услышали звук отдаленного винтовочного огня, который доносился с той стороны, где мы утром оставили коммандо. Ясно было, что коммандо вступило в бой, и скоро мы увидели нескольких наших людей на противоположном склоне ущелья, которые, как муравьи, ползли по крутому склону. До них было около мили, но можно было понять, что дела их плохи — они были сильно растянуты и по ним стреляли с той стороны, где должен был находиться враг.

Мы поймали лошадей и повели их на склон, на который поднимались коммандос, и, оказавшись наверху, мы увидели, что наши по вершине хребта бегут к нам. Чтобы добраться до нас, им потребовалось больше часа, и они сказали, что, пока они расположились на отдых, большой отряд англичан неожиданно открыл по ним огонь.

После обмена выстрелами коммандо отступило вглубь гор, только с одним раненым и несколькими убитыми лошадьми. Раненный получил пулю в лицо, но двигался самостоятельно. Теперь мы занимали следующий гребень. Отсюда было видно, что первый гребень занят множеством английских всадников. Они были прямо перед нами, и нас разделяло только ущелье. Подтянувшись, они открыли по нам огонь из пулеметов и легких пушек. Я не знаю, как им удалось втащить их на гору, но теперь возможность прорваться была для нас потеряна, и оставалось только отступать, а за спиной у нас лежали тянувшиеся на несколько миль горы, покрытые лесом и изрезанные ущельями.

Непосредственная опасность нам пока не угрожала, потому что у нас было хорошее укрытие, но обстановка все же осложнилась.

До сих пор у нас не было никаких трудностей с пополнением запасов с ферм, расположенных на нашем пути, поэтому о том, чтобы запастись впрок, никто не думал, так что в результате, оказавшись в безлюдной местности, мы почти сразу начали голодать. Вокруг росли странные дикие плоды, которые называли «хлеб готтентота», похожие на большие ананасы. Они съедобны только в определенное время года, но мы, прибывшие с севера, этого не знали. Один ин людей попробовал эти плоды и нашел их вкусными, что имело очень неприятные последствия.

Я их есть не стал, а вернулся к огневому рубежу, чтобы стреножить лошадей, которые оказались свободными, и, вернувшись, с удивлением обнаружил, что половина наших людей корчится на земле в судорогах рвоты, многие из них были при последнем издыхании. Смэтсу было хуже всех, так что

половина нашего отряда, которая была в порядке, осталась без командующего, который лежал без сознания.

Сильный отряд английской кавалерии уже спускался с противоположного склона ущелья, готовясь атаковать нас. Сзади нас, насколько хватало взгляда, были горы. У нас не было еды и мы не могли уйти, оставив больных. Положение было критическим.

Основная опасность в данный момент исходила от солдат, которые приближались к нам. Некоторые из них уже достигли дна ущелья и, спешившись, открыли по нам огонь.

Коммандант ван Девентер был слишком плох, чтобы командовать, но Бен Боувер, хоть и чувствовал себя плохо, все же оказался в состоянии приказывать всем, кто мог держать в руках винтовку, рассредоточиться по вершине хребта. До заката оставалось недолго, и уже стало темнеть, поэтому я не думаю, что наша стрельба нанесла англичанам большой урон, но все же они развернулись и отошли к своим лошадям, а затем поднялись на противоположный склон, и скоро там загорелись их костры, что означало, что ночью они никуда не двинутся.

Те из нас, кто занял гребень, теперь получили возможность провести остальных, и то, что мы увидели, нас не порадовало. Больным стало еще хуже. Генерал Смэтс был совсем плох, и ван Девентер, его заместитель, немногим лучше. Стоны и крики больных показывали, что ехать они не могут, и оставалось только ждать, но при этом нельзя было допустить, чтобы дневной свет позволил англичанам окружить нас. Ту ночь я забуду нескоро. Было темно, костров мы не разводили, а со стороны моря дул холодный ветер. Те, кто не был болен из-за ядовитых плодов, голодали. Мы знали, что, если больные не оправятся вовремя, чтобы смочь уйти от преследования, наша экспедиция на этом бы и закончилась, и сидели около больных, ожидая, когда они оправятся от последствий отравления. Однако ближе к концу ночи люди стали приходить в себя, и к рассвету тех, кто не мог стоять, было не более двадцати. Смэтс тоже не мог стоять, но распоряжаться мог, и приказал, чтобы тех, кто не мог стоять, привязали к седлам, и коммандо должно было уходить дальше в горы. Сам он мог держаться на лошади, и мы в тусклых предрассветных сумерках стали спускаться в следующее ущелье. Дойдя до его дна, мы оставили больных там, а сами стали подниматься на противоположный склон, который был так же крут, как тот, который мы преодолели во время нашего отступления из Стормбергена.

Подъем больных был очень трудной задачей, которая осложнялась тем, что англичане подняли орудия на верх второго

хребта, где мы провели предыдущую ночь, и стали стрелять по нам, пока мы понимались. Расстояние было очень велико, и среди нас упало только несколько снарядов, и главное их действие было в том, что они побудили здоровых действовать активнее, а больных придти в себя. Многие из них попросили отвязать их от лошадей и спустить на землю, потому что в таких обстоятельствах не хотели оставаться связанными.

Я поднялся на вершину хребта одним из последних, потому что вел свою лошадь и мула очень медленно, чтобы сберечь их ноги. Когда я добрался до вершины и оглянулся назад, то с удивлением увидел, что генерал Смэтс все еще находится ниже меня, с тремя или четырьмя людьми, которые были с ним, а по тропе спускается отряд английских разведчиков, которые шли по оставленному коммандо следу. Судя по тому, как они спускались, скоро они должны были наткнуться на Смэтса и его людей, и было ясно, что времени терять нельзя. Я привязал животных к ближайшему дереву и стал где бегом, где ползком спускаться вниз. Пули разведчиков меня не задели. Когда бывшие со Смэтсом люди услышали стрельбу наверху, они подняли его на лошадь и поддерживали его по двое с каждой стороны, чтобы он не упал, начали продвигаться мне навстречу.

Мы не стали следовать за коммандо, потому что представляли бы собой очень хорошую мишень, но вместо этого отклонились вправо, где был овраг, по которому можно было пройти незамеченными. Когда мы поднялись наверх, я сходил за своими животными, и мы пошли на поиски коммандо, которое ожидало нас на поляне.

Мы были теперь в самом сердце гор, так далеко от ферм, что здесь встречались буйволы, мы часто видели их следы и места, где они валялись в грязи. Из больных никто не умер, и большинству из них было намного лучше, возможно, потому что им пришлось двигаться. Генерал Смэтс и еще несколько человек все же были пока в опасности, поэтому было решено остановиться на день, чтобы больные пришли в себя перед длинным переходом, поскольку наши разведчики сообщили, что враг отошел назад. Теперь самое главное было найти еду. Несколько отрядов были разосланы в разные стороны, чтобы найти краали местных кафров, дым от которых мы иногда замечали в разных местах. После того как в течение нескольких часов мы продирались через густой подлесок, мы нашли несколько хижин, покинутых обитателями — красными кафрами, и нашли там запасы проса, которого было достаточно для коммандо.

Днем мы продвинулись глубже в горы, и, когда мы поднялись на высокое покрытое травой плато, нам открылась перспектива на

расстоянии в тридцать пять миль — белые дюны, и серый туман, который был Индийским океаном. Мы ликовали, поскольку знали, что теперь мы проникли на юг дальше, чем любое другое коммандо за все время войны, и были первыми, кто смог увидеть берег.

После наступления темноты, встав лагерем на высоком плато, мы могли видеть огни Порт-Элизабет, мерцающие вдаль, и это усиливало нашу веру в то, что генерал Смэтс, несмотря на его болезнь, все еще намеревается пойти туда. Следующим утром мы спустились в красивую долину, заросшую столетними деревьями, и здесь разбили лагерь и отдыхали оставшуюся часть дня, все еще питаясь вареным просом.

Один из наших людей знал эту местность, потому что в прежние времена охотился здесь на слонов и буйволов, и он сказал что помнит о том, что здесь должна быть тропа, ведущая на юг, по которой можно выйти в долину Сандэй-ривер, где можно было бы захватить маленькую деревню Байвилль.

Когда это стало известно, маленький отряд, включавший в себя и «Пятерку денди», был отправлен на разведку и фуражировку. К несчастью, мои животные ушли вглубь леса, и я отстал от остальных. Я шел за ними, пока не попал из горной местности в широкую долину, по которой Садэй-ривер стекала к океану. Долина заросла густым кустарником высотой десять-двенадцать футов, из которого я должен был с большим трудом выбираться, и вернулся к коммандо уже в темноте, усталый и расстроенный.

Джек Борриус и его пираты еще не возвратились, но той ночью мы все же пошли вперед, потому что наши запасы зерна подошли к концу.

Мы вели наших лошадей в темноте между высокими склонами; по хорошо утопанной дороге, которая, извиваясь, уходила вниз в долину, и к рассвету мы достигли Сандэй-ривер, в месте, где горы расступались и в просвете между ними была видна большая ферма.

Генерал Смэтс оставался бледным и слабым, но все же послал за мной и поблагодарил меня за то, что два дня назад я предупредил его о приближении англичан.

Некоторое время после восхода солнца Корнелиусу Вемлаасу, Генри Риттенбергу и мне приказали разведать маршрут вдоль течения реки, и мы отправились в путь, который оказался последним для моих товарищей. Пройдя вдоль реки и расспросив местных, мы узнали, что недалеко находится отряд пеших белых, и, подъехав ближе, обнаружили там Джека Борриуса с его отрядом. которые сидели под деревьями. Сам Джек страдал от

полученных им ужасных ран. В Байвилль они вступили, не встретив сопротивления, но на обратном пути столкнулись с английским патрулем, и в этой стычке пуля выбила ему левый глаз, оставив только заполненную засохшей кровью впадину. Кроме этого, его правая рука была раздроблена, но он отказался остаться, и мы нашли его лежащим и страдающим, но полным решимости оставаться с командо. Пока мы были заняты с ним, подъехал генерал Смэтс. Он приказал Бену Котце принять командование над пятеркой денди и приказал разведать путь в боковую долину, чтобы посмотреть, выходит ли она из гор, потому что собирался войти в долину Сандей-ривер ниже по течению.

Бен Котце взял с собой Риттенберга и меня вместе с Вермаасом и одним из людей ван Девентера по имени ван Онселен, который присоединился к нам добровольно. Мы впятером пошли вперед, тщательно выбирая дорогу, и уже в конце дня обнаружили, что долина заканчивается тупиком, упираясь в один из последних хребтов Зуурбергена. Котце оставил с собой ван Онселена и приказал нам троим из «Пятерки денди» подняться на возвышавшийся перед нами склон и посмотреть, что находится дальше. Уже ведя лошадей вверх по склону, мы услышали крик, и ван Онселен догнал нас., чтобы сказать, что я должен вернуться, потому что Котце решил, что моя лошадь слишком бросается в глаза, и вместо меня должен пойти он, ван Онселен. То обстоятельство, что моя серая пони оказалась слишком яркой, спас мне жизнь. Трое поднявшихся на вершину угодили прямо в руки английского патруля, который сидел там в засаде, и, поскольку на них была английская униформа цвета хаки, их расстреляли на месте. Их похоронили там же, и их могилы — самые южные из всех могил погибших республиканцев.

Об их судьбе мы узнали намного позже. В тот момент все, что мы видели и слышали, была стрельба и много солдат на фоне неба, поэтому мы поехали назад.

В сумраке мы встретили команду, двигавшееся в нашем направлении, и когда мы сказали генералу Смэтсу, что в том направлении прохода нет, он дал команду остановиться на ночь.

На рассвете следующим утром, пока мы седлали лошадей, англичане открыли огонь, снаряды летели над нашими головами. Никто не пострадал, но нам пришлось отойти в глубь гор, вместо того, чтобы выйти на открытую местность. Во время отхода мы потеряли еще трех человек. Они искали своих лошадей, когда начался обстрел, и, поскольку их отсутствия никто не заметил, остались сзади. По сообщению английской газеты, которую мы потом прочитали, один из них был повешен

как мятежник, потому что был британским подданным — шестой из нашего отряда, кто был казнен, не считая троих, убитых басуто.

Как я сказал прежде, мы не слышали о прокламации лорда Китченера против ношения британской военной формы, и я продолжал носить гимнастерку лорда Вивьена со всеми значками и знаками различия, и знаком отличия 17-го уланского полка — черепом с костями — на шляпе, не особо гордясь своими трофеями и не думая о том, что подвергаю себя смертельной опасности. Пройдя немного по этому дикому ущелью, после полудня мы нашли проход, который давно не использовался, сделанный, как говорили, сэром Гарри Смитом во время войн с местными племенами в пятидесятых годах.

Этот проход шел через темное ущелье, с обеих сторон был густой лес из толстых деревьев, сам он зарос кустарником, но все же был еще в неплохом состоянии. Главный его недостаток был в том, что он вел на север, в равнины Кару, откуда мы прибыли, а наше намерение было в том, чтобы выйти к морю, но под давлением англичан мы были вынуждены двигаться туда, куда было можно. Мы начали подъем, не зная, есть ли наверху англичане. Если бы это было так, мы попали бы в ловушку, но, к счастью, этот проход был открыт и верхняя его часть была свободна. Мы с Эдгаром Данкером шли впереди как разведчики и нашли около дороги человеческий скелет, оставшийся здесь с давних пор, и повесили ухмыляющийся череп на кол, как предупреждение нашим преследователям.

Недалеко от верхней части прохода было плоское место с руинами старого здания и остатками окруженной стеной садов и огородов, и, поскольку мы видели, что английские войска остались далеко внизу, генерал Смэтс приказал нам остановиться здесь, потому что он и многие другие все еще плохо себя чувствовали. Больные и раненые вместе с бедным Джеком Борриусом расположились отдельно, остальные пустили лошадей пастись и отдыхали, любясь окружавшей нас прекрасной природой.

В это время из леса вышло стадо одичавших быков, нескольких мы застрелили, и это дало нам достаточный запас свежего мяса, которое мы зажарили на кострах. Затем большинство растянулось под деревьями, чтобы отдохнуть.

К пяти часам пополудни мы стали подниматься. Бен Котци, Николас Сварт и я сидели, греясь на солнце, на стене недалеко от того места, где проход заканчивался. Внезапно, пока мы разговаривали, мы увидели, что в ущелье, примерно в ста ярдах от нас, появился отряд всадников. Криком дав сигнал тревоги, мы

схватили винтовки и залегли вместе с теми, кто был рядом с нами. Англичане, наверное, думали что мы пошли прямо по хребту, поскольку двигались группой примерно в тридцать человек, без авангарда, и, очевидно, наше присутствие здесь для них было не меньшим сюрпризом, чем для нас их появление, но мы первыми опомнились и открыли огонь.

Англичане не могли развернуться на узкой дороге, поэтому они повернули лошадей и поскакали назад со всей возможной скоростью. Они не могли сойти с тропы, потому что склоны ущелья были слишком круты, и в беспорядке поскакали вниз по тропе.

Они столпились и отчаянно толкали друг друга, стремясь уйти от нашего огня, и в результате падали и врезались в деревья по краям дороги. Дорога стала еще более неудобной из-за убитых и раненых лошадей, и мы слышали ругань англичан, которые не могли через них перебраться. Только несколько человек смогли достичь основания перевала, и я в просвет мог видеть, как они нахлестывают лошадей. Остальные бросили лошадей и спрятались в лесу, начав обстреливать нас, так что мы не решились спуститься, чтобы забрать оружие и боеприпасы, находившиеся в седельных сумках лошадей. Основная английская колонна, бывшая первоначально в начале прохода, теперь переместилась ближе, и, когда она добавила свой огонь, мы ушли наверх, чтобы избежать жертв.

После наступления темноты мы спустились по дальнему сторону гор, все еще по дороге сэра Гарри Смита, и дневной свет нашел нас снова в Сомерсетском дистрикте. Мы теперь были на той же стороне гор, что и пять дней назад, и, хотя оказались не в состоянии пройти дальше на юг, все же были рады выбраться из гор и оказаться на открытом месте.

Как только рассвело, мы остановились на ферме на несколько часов, и здесь генерал Смэтс собрал нас вместе. Он сказал, что мы достигли поворотного пункта в экспедиции, и сказал нам, что теперь он собирается идти в сторону Атлантического побережья, в населенные районы Юго-Западного Кейпа. Поблагодарив всех за перенесенные трудности, он сказал, что принял решение разделить наши силы — частью для того, чтобы ввести в заблуждение англичан, частью для того, чтобы облегчить задачу обеспечения, потому что жители районов, через которые мы проходили, жаловались на то, что такой большой отряд им очень трудно снабдить всем необходимым. Поэтому он предложил отделить половину отряда и поставить над ним команданта ван Девентера, сам он возьмет под свое начало остальных. Оба отряда должны двигаться самостоятельно и соединиться в конце пути

далеко на западе.

Он все еще выглядел бледным и нездоровым, но его дух был неустрашим, и в полдень он приказал тем из нас, кто оставался с ним, седлать лошадей, и мы отправились в дальний путь, сопровождаемые приветствиями и прощаниями людей, оставшихся с ван Девентером, которые должны были отправиться в путь позже. Мы двигались до заката, затем остановились на ночь на заросшей терновником равнине. Следующим утром мы пересекли широкую равнину, на которой чередовались участки, заросшие кустарником, с открытыми местами, по которой двигались до полудня, когда решили сделать привал в обширной поросшей лесом низине.

Перси Виндола и Фрица Балоба из «Пятерки денди» послали на соседнюю возвышенность часовыми, и с того места, где мы сидели, хорошо было их видно — они сидели под деревом, разговаривая друг с другом, а их лошади позади них щипали траву. Внезапно дюжина английских солдат появилась из леса в тылу и окружила их на наших глазах.

Расстояние между нами было около половины мили, и когда мы поняли, что случилось, «Пятерка денди» (состоявшая теперь из шести человек) помчалась к лошадям и, сопровождаемая немногими, у кого лошадь оказалась под рукой, помчалась по склону. Солдаты были настолько увлечены своими пленниками, что не замечали нас, пока мы не приблизились к ним, тогда они дали беспорядочный залп, вскочили на лошадей и ускакали, оставив пленников. Крича спасенным следовать за нами, мы погнались за патрулем и приблизились к солдатам на тридцать-сорок ярдов, выбив троих из седла. Еще двое, лошади которых были убиты, сдались, а остальные скрылись в кустарнике.

Мой друг, Джек Бакстер, один из людей Боувера, ехал рядом со мной, и мы выбрали одного из убегающих солдат. Мы приблизились к нему на расстояние, достаточное, чтобы приказать ему остановиться, но он продолжал скакать, не обращая на нас внимания. Мы стреляли в него, но промахнулись, потому что стрельба с седла требует опыта, и он, возможно, убежал бы, если бы на его пути не оказалось ограды из проволоки. Он соскочил с лошади, перепрыгнул через ограду и исчез в зарослях кустарника. Почти сразу мимо наших ушей просвистели его пули. К счастью, его меткость уступала его храбрости, и мы с Бакстером смогли уйти в лес, где он нас не видел. Мы спешили, привязали лошадей и стали искать его. Пробравшись под забором, мы стали ползти от дерева к дереву, пока не определили его местонахождения. Мы не хотели рисковать вступать в поединок с таким находчивым противником,

поэтому опустошили магазины в том направлении, где заметили движение. Дальше было тихо, и мы, сделав на всякий случай еще несколько выстрелов, пошли туда и нашли его, лежавшим лицом вниз, прошитого пулями, но все еще сжимавшим винтовку. Мы разбили винтовку, забрали боеприпасы и вернулись, забрав и его лошадь, и вернулись к своим, чувствуя себя почти расстроенными из-за того, что лишили жизни такого храброго человека.

Остальная часть принимавших участие в стычке собралась вокруг убитых солдат. Там же были раненые и пленные, и, сняв со всех из них обувь (задача неприятная, но необходимая, потому что с обувью у нас были проблемы), мы поехали назад к коммандо.

Во время этого возвращения Бен Котце и Эдгар Данкер уклонились далеко в сторону, и вскоре мы слышали несколько выстрелов и поскакали туда. Подъехав к ним, мы нашли их сидящими на лошадях, сильно возбужденными, а рядом лежали двое убитых англичан — офицер и рядовой. Оказалось, отойдя от нас, они объезжали заросли колючих кустов, когда неожиданно столкнулись с небольшим английским патрулем. Столкновение было столь неожиданным, что они не смогли ничего предпринять, и Данкер крикнул: «Не стреляйте, мы из 17-го уланского!», на что командир патруля капитан Уотсон сказал: «Я вам не верю, все люди Смэтса одеты в хаки. Руки вверх!» Тогда Котце и Данкер, у которых были револьверы «Уэбли», одновременно выстрелили, убив капитана Уотсона и одного из солдат и серьезно ранив еще одного, который смог ускакать вместе с остальными.

Это было очень неприятным инцидентом, поскольку ношение нами британской униформы, без сомнения, стало причиной смерти этих двух людей, и хотя мы не знали ничего пока еще о прокламации лорда Китченера, лицо генерала Смэтса вытянулось, когда он об этом услышал. Действительно, много позже, когда мы встречались с лордом Китченером, он привел этот самый случай в обоснование казни многих наших людей, носивших хаки.

Как бы там не было, я только могу сказать, что никто из нас не носил английскую униформу с целью ввести врага в заблуждение, а только по необходимости.

Мы не встретили больше солдат в тот день, и после полудня коммандо прошло еще примерно десять миль и встало там на отдых. Следующим утром, пойдя на разведку, я встретил санитарный фургон с доктором и несколькими санитарями, которые принесли раненых накануне. Врач уже знал обстоятельства смерти капитана Уотсона, поскольку с возмущением говорил об убийстве с помощью английской формы, хотя не упомянул о прокламации, очевидно, считая, что мы и так

об этом знаем. После этого мы несколько дней спокойно двигались на запад, за это время не произошло ничего интересного, за исключением того, что однажды вечером мы оказались ввиду крошечного поселка Хобсонвилль, где был гарнизон в дюжину человек, с которым «Пятерка денди» имела столкновение, во время которого один из людей Боувера был ранен в бедро. Чтобы избежать дальнейших жертв, мы проскакали мимо домов и видели, как англичане бросились к лошадям и усаkali, поскольку увидели приближающееся коммандо.

Там было два хороших магазина, и несколько военных складов, так что мы пополнили свои запасы, и провели ночь, наслаждаясь консервами и прочими деликатесами.

Так мы неторопливо путешествовали, пока не достигли железнодорожной линии Порт-Элизабет — Грааф-Рейне, которую пересекли ночью. Бронепоезд послал вслед нам несколько снарядов, чтобы ускорить наше движение. На следующий день мы увидели город Абердин, лежавший от нас на расстоянии в семь-восемь миль, и, поскольку в его предместьях был большой лагерь, мы не нуждались в местных фермерах, чтобы узнать о том, что ожидает нас впереди.

Мы оценили численность войск приблизительно в полторы тысячи человек, поэтому добрались до большой фермы, чтобы держать их под наблюдением. Они не были готовы, но мы знали, что скоро они выступят против нас, тем более что их патрули продолжали объезжать местность в течение всего дня.

Тем днем мы шли дальше, пройдя немного севернее гор Камдебо, в десяти или пятнадцати милях от них. На следующий день мы достигли их подножия, все это время английская колонна шла по нашим следам, а более мелкие отряды кружили вокруг, стараясь нас окружить. Генерал Смэтс не хотел вступать в бой, имея столь малые шансы на победу, поэтому прошли по ущелью и на закате поднялись на перевал, по которому и прошли.

К сожалению, прекрасная погода, которой мы наслаждались в последнее время, теперь изменилась. Стало холодно, начались дожди, и когда темнота настигла нас, мы должны были остановиться на склоне из страха сорваться в пропасть. Ледяной ливень продолжался всю ночь, возможности развести огонь не было, поэтому мы до рассвета сидели рядом с лошадьми, замерзшие и промокшие. Коммандант Боувер и еще двое так закоченели, что, когда рассвело, их пришлось нести в одеялах в долину, где стало возможным развести костер, пока генерал Смэтс, Джек Борриус и остальные больные и раненые продолжали страдать.

Все еще шел дождь, когда мы прошли по холодному нагорью,

очевидно необитаемому. На севере лежал мир бесплодно-выглядящих пиков и вершин, затянутых тяжелыми облаками, вид, от которого сжимались наши сердца, поскольку, с английской колонной в тылу, нам предстояло стать голодными и замерзшими альпинистами.

К полудню дождь прекратился, выглянуло солнце, и после долгого пути по раскисшей грязи мы наткнулись на ферму, где было топливо, чтобы высушить одежду, и стадо овец для пропитания.

Пикет, который был отправлен к перевалу, который мы перешли накануне, через некоторое время вернулся с известием, что английская колонна приближается к вершине.

Генерал Смэтс послал пятерку денди и другие группы найти спуск с южного склона горы, поскольку он всегда хотел иметь путь для отхода.

Мы поехали к тому месту, где вроде бы начиналось ущелье, но, добравшись до края плато и посмотрев вниз, мы увидели, что там нас ожидают англичане. Другие разведчики принесли такие же сообщения. Все выходы с плато охранялись, что неприятно напоминало нам ситуацию на Сормбергене. Однако здесь ситуация складывалась лучше — владелец фермы, на которой мы остановились (и овец которого съели), предложил нам провести нас по известной ему тропинке, и, пройдя пять-шесть миль до другого перевала, он привел нас к козьей тропе, которая вела к основанию плато. Когда стемнело, мы взяли лошадей под уздцы и через два часа безо всяких приключений были у подножия плато. Чтобы окончательно оторваться от преследователей и выехать из заросшего кактусами участка вокруг плато, мы продолжили свой путь до рассвета. Этот кактус (колючая груша) был привезен из Центральной Америки приблизительно пятьдесят лет назад, и нашел в Кару такие благоприятные условия. Что теперь целые области заросли этим бесполезным растением. Наш путь проходил через целый лес этих противных растений, достигавших иногда ста двадцати футов высоты.

Вскоре после восхода солнца мы достигли реки Каррига, которая берет начало в горах, которые мы только что оставили, и течет на юг, пересекая равнину.

Мы разбили лагерь в течение дня на ее лесистых берегах, не видя никакого признака присутствия англичан. Утром «Пятерка денди», за исключением меня и моего дяди (и Джека Борриуса) отправилась за фуражом. Я не пошел с ними, потому что Смэтс приказал мне переправиться через реку и поехать на холм на другом берегу, чтобы осмотреть страну в сторону Абердина.

Перед тем, как отправиться, я попросил дядю присмотреть за моим мулом, и это был последний раз, когда я видел кого-то из них. Было хорошо, что я отправился на своем быстром арабском скакуне, потому что в тот день его быстрые ноги спасли меня. Я провел на холме много часов, не замечая ничего примечательного, но, когда генерал Смэтс послал днем посыльного с распоряжением покинуть это место за полчаса до заката, я послал с ним предупреждение, что не могу видеть того, что происходит на реке, потому что заросшие густым лесом берега мешают наблюдению.

Когда я по положению солнца решил, что мое время вышло, то отправился вниз по реке, туда, где на другом берегу расположилось коммандо. Около брода в просвете стоял сельский дом, и, чувствуя жажду после моего долгого пребывания на горячем солнце, я заехал туда, чтобы попросить чашку кофе. Старая леди в доме хотела удовлетворить мое желание, но, поскольку чайник не кипел, она предложила мне посидеть, пока она не растопит очаг. Я знал, что на закате коммандо снимется, поэтому решил не ждать, а попрощавшись, уехал прочь.

Я не прошел и тридцати ярдов, когда услышал топот многих лошадей, и, оглянувшись, увидел отряд английских солдат, которые рассыпались по поляне и стали окружать дом.

Если бы я все еще был там, то должен был быть пойман в полной форме хаки, и это было бы моим концом, но здесь в открытом моя английская форма спасла меня, поскольку солдаты приняли меня за одного из своих, и позволили мне ускакать. Видя это, я пошел медленно, пока не скрылся среди деревьев, и затем прищпорил коня, чтобы поднять коммандо.

Я пересек брод, и, перейдя на другой берег, оглянулся назад, чтобы увидеть, что англичане обнаружили свою ошибку и преследовали меня как собаки на свежем следу. Мой серый пони меня не подвел, и я был в состоянии держать дистанцию между моими преследователями, стреляя на ходу, чтобы дать сигнал коммандо, поскольку понимал, что, если этот отряд застанет коммандо врасплох, это будет большой неприятностью.

Мне оставалось проскакать приблизительно шестьсот ярдов, и когда я оказался среди наших людей, я увидел, что они бежали в заросли, где были привязаны их лошади.

Времени не было ни секунды, потому что при той скорости, с которой англичане приближались, они должны были быть здесь прежде, чем лошади будут выведены и оседланы. Пятнадцать или шестнадцать человек были уже готовы, и Смэтс приказал им выдвинуться вперед и задержать приближающихся англичан, пока остальные не будут готовы.

Во главе с командантом Боувером мы поскакали назад, но прежде, чем успели отъехать на небольшое расстояние, появилось около ста английских всадников, которые стали стрелять в нас. Мы соскочили на землю и тоже стали стрелять, англичане тоже спешили и открыли сильный огонь, заставив нас отступить за небольшую насыпь, которая стала для нас хорошим укрытием.

Здесь наше положение для стрельбы было очень удобным, и наш огонь был столь эффективен, что англичане отошли в густой кустарник, откуда снова открыли плотный огонь, но мы пригнулись и никого не задело.

К этому времени мы хорошо выполнили приказ задержать врага, пока коммандо не соберется, но мы видели группы английских всадников, которые просачивались через кустарник вокруг нас, их число все время увеличивалось, и, что было намного хуже, на возвышенности слева от нас они устанавливали полевое орудие. И через несколько минут над нами стали рваться снаряды, от которых насыпь не защищала. Боувер, смело встав на край насыпи, осмотрел наш тыл, и, увидел, что коммандо отходит, и таким образом наша задача выполнена. Когда он видел коммандо, оно отходило на юг, вниз по течению реки, и мы отступили туда же. Когда англичане это увидели, они стали преследовать нас.

Солнце заходило и начинались короткие сумерки, уступающие темноте, иначе для нас все было бы еще хуже. Войска преследовали нас по пятам, крича и стреляя, и, если бы это было днем, то, я думаю, они бы нас всех захватили.

Моя униформа хаки спасла меня в второй раз в тот день, поскольку группа солдат приняла меня за своего, крикнув, чтобы я поторопился, но больше ничего не заметив.

В кустарнике и англичане и буры разделились на меньшие группы, от одного до трех человек, и все перемешались. Скоро совсем стемнело, и я, чтобы избежать случайностей, остановился в роще, чтобы пропустить солдат вперед. Я долго ждал, пока шум не стих, и потом увидел, что впереди загорелись костры — это англичане остановились на ночь.

Я не мог сказать, что было с моими товарищами, но мое собственное положение было достаточно затруднительным, поскольку на моем пути был враг, а коммандо уходило.

Когда я думал, что солдаты успокоились, я осторожно поехал, с трудом выбирая путь через кустарник, поскольку была темная ночь. Через час или два я обошел вокруг их лагеря и снова вышел к реке и пошел по течению.

Наконец я увидел свет из окна и, подкравшись ближе, увидел пятерых из нашего арьергарда, разговаривавших с жителями

дома.

Я сразу присоединился к ним, желая услышать новости об остальной части нашего отряда, но они ничего не знали, и тем более не знали того, что случилось с командо. Поскольку искать следы темной ночью было бесполезно, а наши лошади устали, мы перекусили и прошли некоторое расстояние, чтобы заночевать среди деревьев, твердо надеясь на следующий день встретить наших людей. Незадолго до рассвета мы оседлали лошадей, пересекли реку и поднялись на конический холм на другом берегу, с которого открывался обзор всей равнины.

По дороге мы встретили еще двух наших, отставших прошлой ночью, и оставшихся в зарослях на берегу. Теперь нас было восемь, и, добравшись до подножия холма, мы оставили лошадей и поднялись наверх. Когда мы достигли вершины, солнце поднялось, и, как моряки на корабле, мы с тревогой осмотрели горизонт в поисках признаков команды, но страна на юге была совершенно пуста, мы не видели ни одного всадника.

Очевидно, генерал Смэйтс шел всю ночь, потому что, хотя равнина была видна на расстояние в полдня пути, он и его люди исчезли, и прошло несколько недель, пока мы не смогли снова увидеть их.

XXIII. Долгий путь

В течение долгого времени мы оставались на вершине, все еще надеясь увидеть своих, но дождались только появления на противоположном берегу реки вчерашней английской колонны, поэтому мы поторопились сесть на лошадей и постарались добраться до более безопасного места. Найдя менее заметный холм, мы оставили наших животных пастись на соседней поляне, пока сами лежали среди валунов, наблюдая за продвижением врага. Вместо того, чтобы, как мы ожидали, продолжить движение, они встали лагерем на ферме на расстоянии трех миль от нас. Это было плохо, потому что мы собирались найти след команды, но теперь, когда англичане стояли у реки и выслали во все стороны патрули, мы не могли появиться на открытой местности, и вынуждены были позволить впустую проходить драгоценному времени, а команда тем временем продолжало удаляться от нас.

Они задержали нас почти до заката, а затем пошли на юг, из чего мы сделали вывод, что они планируют совершить ночной марш по следу генерала Смэтса. Поэтому нам оставалось только ждать, когда скроется последний всадник, а потом мы отправились на ферму, чтобы получить информацию.

Стемнело прежде, чем мы ее достигли, и владелец, зажиточный голландский фермер по имени ле Руа, сразу рассказал нам все новости, которые он смог услышать от солдат и офицеров в течение этого дня.

Во-первых он сказал, что три или четыре человека из нашего отряда были схвачены, и один из них, мой друг Джек Бакстер, был казнен тем утром на соседней ферме за то, что на нем была английская форма.

Мы были ошеломлены. Жители районов, через которые мы прошли, возможно, не знали о смертной казни, иначе они, конечно, упомянули бы об этом, и только когда ле Руа показал нам недавнюю газету, содержащую прокламацию лорда Китченера, мы поняли положение вещей. Мы также впервые узнали о том, что некоторые из наших были расстреляны по той же причине, но их имена узнали намного позже, когда другие газеты попали к нам в руки.

Из того, что я мог разобрать, сначала казни проходили обычным порядком, но теперь по какой-то причине, возможно, из-за убийства капитана Уотсона, они стали публичными. От батрака, который подошел к нам, мы узнали детали расстрела Бакстера, из чего я понял, что и сам несколько раз был на волосок

от подобной судьбы, и не стал терять времени, сняв английскую форму и переодевшись в пальто, которое позаимствовал у хозяина, который также снабдил имевшейся у него гражданской одеждой моих товарищей.

Относительно командос, ле Руа сказал, что генерал Смэтс, как полагали, достиг Свартбергена, большого горного района, пики которого мы видели этим днем, вырисовывающимися на фоне неба в пятидесяти или шестидесяти милях на юг. Мы попрощались с ним и ехали всю ночь, а следующие три дня пересекали равнины, лежавшие перед горами.

Местные жители сказали нам, что генерал Смэтс проходил здесь. Но между им и нами было несколько английских колонн, и их патрули были настолько активны, что мы должны были двигаться очень осторожно. Однажды на рассвете нас преследовали много миль, поэтому движение наше было медленным, и шансы встретить коммандо падали.

Уильям Конради, который был с нами в Краале во время сражения с 17-м уланским, как самый старший и самый опытный из нашей группы, принял командование. Остальные были: Альберт фон Роойен, Альберт Пинаар, Корнелиус Бринк, В. Пиперс, В. ван дер Мерве и мальчик по имени Майкл дю Прин, все трансваальцы, кроме Конради, который жил в Западном Кейпе, и все они были хорошими, храбрыми товарищами. Днем третьего дня я был впереди, чтобы наблюдать за маленьким английским отрядом, когда увидел, что от отряда отделился всадник и поехал по дороге в моем направлении. Я спрятался за деревьями и, когда он прошел мимо меня, вскочил и выбил его из седла ударом приклада.

При ближайшем рассмотрении он оказался солдатом-готтентотом, которых англичане использовали в качестве разведчиков и курьеров. Он был более напуган, чем травмирован, и, когда я на всякий случай приказал ему отдать сообщение, которое, как я предполагал, могло у него быть, он действительно вынул его из ботинка. Когда подошли мои товарищи, мы тщательно изучили этот документ, адресованный полковнику Скобеллу, в котором ему сообщалось, что генерал Смэтс пересек Свартберген в районе Оутсхорн прошлой ночью. Сообщалось также, что он получил подкрепление почти в сто человек, что было для нас большой новостью, но потом оказалось, что накануне к нему присоединилась группа примерно в пятьдесят человек. Это были остатки коммандо, которое долго действовало в этих местах под руководством команданта Шиперса, казненного недавно после подрыва поезда. Так что с коммандо все было в порядке, и мы были на верном пути, поэтому отобрали

у нашего пленника лошадь, оружие и боеприпасы и велели ему убираться, чему он с радостью повиновался.

Мы были к настоящему времени в пределах пятнадцати или двадцати миль от Сварбергена, но прежде нужно было пересечь очень сложный участок предгорий, и на это требовалась вся ночь, потому что движение было очень затруднено. Утром мы вышли на разбитую дорогу, которая, как мы предварительно выяснили, вела к Поорт Мерингу, проходу через горы, находившемуся неподалеку. Проходом мы воспользоваться не могли, потому что он был занят английским гарнизоном, но мы решили воспользоваться дорогой, поскольку окружающая местность была покрыта камнями. Это стало причиной неприятностей, потому что мы столкнулись с отрядом английских всадников. Было слишком темно, чтобы определить их количество, и мы смешались с ними, поэтому никто не стал стрелять. В течение нескольких минут никто не был уверен, имеет ли он дело с друзьями или врагами, и никто не произносил ни слова, опасаясь выдать себя. Наконец мы услышали, как Конради на английском языке дал нам команду идти к нему, и мы отделились и пошли по бездорожью, в то время как англичане поскакали по дороге, не сделав ни одного выстрела.

После этого мы двигались более аккуратно, и восход солнца застал нас ведущими лошадей по улице крошечной деревни, стоящей у начала прохода. Собаки начали лаять, открылись окна, и мы увидели, как солдаты бегут к большому зданию, поэтому вскочили на коней и поскакали.

Перед нами возвышался Свартберген, крутой как стена, но мы поднялись на него за этот день, таща за собой усталых лошадей, и к сумраку достигли вершины. Отсюда открывался вид на юг, страну гор и долин, а дальше за ними виден был серый туман, который, как мы поняли, был океаном.

Наш подъем в течение дня не был особенно труден, хотя северный склон, по которому мы поднялись, был покрыт травой и лишен опор, но путь вниз, который мы должны были теперь проделать, был покрыт торчащими высокими скалами, так что с наступлением темноты нам пришлось остановиться.

Мы не ели ничего в течение двадцати часов, так как присутствие войск накануне помешало нам запастись продовольствием, поэтому мы сидели холодные и голодные, глядя вниз на черные глубины.

Через некоторое время мы увидели слабое мерцание света, очевидно сельский дом в какой-то долине, и, поскольку Майкл дю При и я были самые молодые и самые голодные из всех нас, мы уговорили остальных разрешить нам спуститься со склона. Это

было тяжело, потому что приходилось нащупывать в темноте путь среди камней и трещин, и нам для этого потребовалась вся оставшаяся часть ночи. Только после восхода мы добрались до фермы, свет от которой видели вечером. Хозяин фермы, англичанин по имени Хольм, щедро накормил нас, в том числе омлетом из страусинового яйца, которому мы воздали должное. Получив от него сведения о том, что генерал Смэтс накануне пересек долину, преследуемый вражескими войсками, и взяв еды для наших товарищей, мы с Майклом снова полезли на гору. Мы не спали две ночи и очень устали, поэтому нам потребовалось семь часов, чтобы добраться до своих. Они за это время нашли удобный спуск для лошадей, и мы нашли их намного ниже того места, где оставили накануне. Они были так голодны, что всерьез начали выбирать лошадь похуже, чтобы пристрелить ее, на мясо, но с нашим прибытием — у каждого был мешок с хлебом, мясом и страусиными яйцами — этот вопрос отпал сам собой. Все насытились, и потом Конради приказал начать пуск, потому что узнал от нас, что Смэтс в долине, и он решил, не теряя времени, догнать его, так что нам с Майклом пришлось снова спускаться.

Спуск был труден, и в некоторых местах мы должны были катить валуны в ручей, который тек вниз по ущелью, чтобы сделать проход для лошадей. На полпути вниз мы нашли козью тропинку, которая облегчила наш путь, и в десять или одиннадцать часов того вечера мы достигли дна ущелья. Мы остановились в саду, и я уснул, как только расседлал лошадь.

Мы были теперь в большой долине, которая идет параллельно Свартбергеноу к городу Оутсхорн, и я хорошо помню, как подавленно мы чувствовали себя в этой горной местности, поскольку мы привыкли к открытой стране и широким горизонтам севера.

Пока мы весь этот день пробивались вниз через долину, в каждом сельском доме нам сообщали о генерале Смэтсе, и мы надеялись вот-вот его догнать, поскольку коммандо шло прямо перед нами. В сумерках мы почти догнали его, на одной из ферм нам сказали, что он наши останавливался там днем, а немного дальше нам сказали, что Эдгар Данкер и Николас Сварт прошли пешком только за час до нас. Их лошади были убиты в течение отступления у реки Карега, и, как и мы, с тех пор они следовали за коммандо.

Мы поспешили, намереваясь догнать их перед ночлегом, но после наступления темноты мы потеряли их след на каменистой почве, и не могли найти никакого сельского дома, чтобы навести справки, поэтому мы разбили лагерь в овраге и провели там ночь, чувствуя уверенность, что должны увидеть коммандо уже утром.

На восходе солнца мы уже нетерпеливо пристально вглядывались вниз в долину. Наконец там появилось облако пыли, и мы смогли рассмотреть всадников, пробирающихся среди деревьев. Мы поспешно вскочили в седла, поздравляя друг друга с окончанием поисков.

Но нас ожидало разочарование, поскольку, когда мы быстро спускались по дороге, навстречу нам раскинув руки, бежала женщина, чтобы предупредить нас о том, что эти люди были англичанами, которые вошли в долину накануне вечером. Действительно, в ближайшее время их появилось так много, едущих в нашем направлении от одной фермы до другой, что мы должны были подняться в одну из меньших боковых долин, чтобы избежать их внимания. Мы не знали, что случилось с нашими людьми, но из того, что женщина сказала нам, следовало. что генерал Смэтс, очевидно, узнал о передвижении англичан и скрылся под прикрытием темноты, но в каком направлении — мы не смогли определить. Это был тяжелый удар, после того как надежда на воссоединение была так близка.

Мы продолжали движение по меньшей долине, затем поднялись выше и спустились в другую широкую долину, которых много в этой местности.

Я никогда не был здесь прежде, но наш семейный клан — большой, некоторые из его ветвей распространились далеко от первоначальных поселений вокруг Тэйбл-Бэй, поэтому я не был удивлен тем, что в тот день со мной встретился человек по имени Рекс, прямой потомок Джорджа Рекса, незаконный сын короля Георга III и Анны Лайтфут, квакерши. Джордж Рекс был послан в Южную Африку в 1775 году и ему там был выделен большой участок земли в Книсне, с условием жить там и не беспокоить более своего августейшего родителя. Его потомки все еще живут там, и один из них женился на брате моей матери.

Рекс и я провели час, обсуждая семейные связи, и прежде, чем я уехал, он настоял на том, чтобы я принял от него пару ботинок, поскольку мои были сильно изношены. За это он был потом посажен в тюрьму военными властями, и я читал в газете, что он был осужден за «Содействие врагам короля», что меня сильно позабавило, хотя я и пожалел, что навлек на него неприятности. Вскоре после этого вездесущие английские патрули снова появились в нашем поле зрения, поэтому местный фермер сопровождал нас туда, где тропинка входила в узкое ущелье, и, показав нам дорогу, ушел домой. Эта дорожка шла между высоких скал, которые иногда почти соприкасались наверху, пока наконец не достигла гор и стала подниматься наверх. Мы пошли наверх и добрались туда после заката. Ничего

видно не было, но сквозь темноту был виден свет от сельского дома, и, поскольку мы стремились найти потерянный след коммандо, то мы с Пиперсом пошли вниз, чтобы навести справки. Склон был крутым, но свободным от камней, и к полуночи мы постучали в двери большой фермы. Она принадлежала англичанину по имени Гест, и, когда он открыл дверь и увидел, кто мы, воскликнул: «Боже мой! Сперва утром приезжают буры и режут моих овец; потом появляются британцы, которые режут еще больше овец вместо того, чтобы ловить буров, и теперь меня вытаскивают из кровати среди ночи снова буры!» Мы спокойно поговорили с ним, и старина остыл достаточно, чтобы объяснить, что генерал Смэтс остановился на его ферме в одиннадцать часов этим утром, его преследовали англичане, которые и освободили его от домашнего скота, поэтому он вполне резонно рассматривал наше прибытие как последнюю каплю за сегодняшний несчастливый день. Став более приветливым, он разбудил слуг и угостил нас ужином, во время которого сказал нам, что Данкер и Николас Сварт догнали коммандо здесь. Хорошо перекусив и получив так много информации, как могли, мы попросили хозяина дать нам еще еды для наших товарищей и вернулись.

Когда мы ушли, он, несомненно, вздохнул с облегчением, потому что не знал, что его неприятности только начинаются.

Мы с Пиперсом добрались до остальных незадолго до рассвета, и поскольку Конради был не из тех, кто позволяет траве расти у него под ногами, он сразу приказал выступать. С первыми лучами солнца мы уже спускались с гор и к восьми часам были около дома Геста, когда увидели отряд англичан, примерно в двести человек, которые ехали по изгибу долины в сторону фермы. О нашем появлении им, очевидно, сообщили, поскольку двигались они, как загонщики, и при приближении к ферме разделились, чтобы окружить постройки и сад. К счастью, мы успели спрятаться в овраге, так что нас не заметили, и из этого укрытия с интересом наблюдали за действиями солдат. Когда они поняли, что потерпели неудачу, то развернулись вдоль подножия склона и начали прочесывать местность. Скоро на всех холмах и возвышенностях стояли солдаты, которые осматривали склон горы, словно зная, что мы должны быть где-то рядом, но, хотя некоторые из них проехали в ста ярдах от нас, они нас не заметили. Мы не стали стрелять, потому что знали, что в этом случае с нами будет покончено, поэтому продолжали прятаться и готовились стрелять только в том случае, когда другого выбора у нас не останется. Один человек на беломордой аргентинке проскакал в двадцати ярдах от нас и спешил, чтобы исследовать следы. Он был так близко к нам, что мог услышать

звук от копыт, когда одна из наших лошадей переступала, и, возможно, услышал. Мы затаили дыхание, пока он снова не сел в седло и не поскакал дальше. Его жизнь была на волоске, поскольку мы были в укрытии и, если бы он нас заметил, то стал бы мертвецом, но мы не имели никакого желания начинать сражение и позволили ему уйти.

Через некоторое время, которое показалось нам вечностью, охота закончилась, и солдаты ушли назад к ферме, где оставались еще два часа, во время которых мы не могли двигаться. Мы видели, как солдаты сбрасывали с чердака мешки с овсом и гонялись за домашней птицей, и я не мог не почувствовать жалость к г. Гесту, который еще раз подвергнулся грабежу — и не в последний раз, как стало ясно в дальнейшем.

Когда войска наконец сели на коней и уехали, мы едва дождались момента, когда последний из них скрылся из виду, и поспешили к дому.

Когда мистер Гест увидел, что мы появились, а солдаты уже ушли, он посмотрел на нас как на привидений, а когда мы попросили его снабдить нас продуктами, то его, казалось, хватит удар. Однако он выполнил наши требования, сначала ворча, а потом смеясь над своими приключениями. Удовлетворив наши требования, мы поехали на долине на небольшое расстояние, туда, где был приятный сад и большие возделанные поля, окруженные и отделенные друг от друга колючими кустарниками, как принято в этой местности. Это было нашей ошибкой, поскольку вместо того, чтобы пойти в открытую местность, мы попали в тупик.

Мы думали, что англичане наконец ушли, и приготовили еду, после чего я сделал вторую ошибку, поскольку, в то время как другие держали своих лошадей рядом, я отпустил моего маленького араба, не расседывая его, в поле, и, утомленный после бессонной ночи, нашел место в тени колючей изгороди и; не сказав остальным, где я был, лег и крепко уснул.

Не знаю, сколько я проспал, но проснулся от того, что рядом стреляли из винтовок. Вскочив на ноги, еще не придя в себя, я увидел, что множество английских солдат, стоя рядом со своими лошадьми, увлеченно обстреливают моих товарищей, которые, спасаясь, убегали вниз по долине. Я не мог обвинить их в том, что они оставили меня одного, потому что они не знали, где я, и у них не было времени это выяснять. Моя главная надежда на спасение была в моей лошади, но она паслась на виду у солдат. Меня они пока не заметили, потому что я был скрыт кустарниковой изгородью, поэтому я раздвинул ветви, чтобы посмотреть, могу ли я до нее добраться. К счастью, лошадь была

по другую сторону от ограды, всего в нескольких ярдах от меня. Стрельба встревожила ее, потому что она беспокойно дергала головой и фыркала, и я видел, что в любой момент она может ускакать, поэтому я тихонько подозревал ее и, пробравшись через изгородь в том месте, где кусты были пореже, подошел к ней, дрожа от волнения. Вскочив в седло, я направился к небольшому проходу в дальнем углу, который был единственным выходом. Солдаты сразу заметили меня и открыли по мне огонь, Несмотря на это, я смог выйти за пределы ограды, но, когда я уже набрал скорость, пуля попала в мою лошадь и она ткнулась головой в землю, а я перелетел через нее на несколько ярдов. Схватив винтовку, я побежал к ферме, надеясь, что мои товарищи могут там остановиться. Солдаты продолжали стрелять в меня, поскольку я мелькал сквозь просветы в ограде, но я смог невредимым добраться до дома. Рядом с углом сарая стояло шесть или семь человек, которых я принял за своих друзей, и направился к ним, но, когда я был в тридцати ярдах от них, один из них шагнул вперед, навел на меня винтовку и приказал мне остановиться.

Это были английские солдаты, и не все, потому что другие выскочили из конюшни и жилого дома. Спасение казалось невозможным, но я все же попробовал. С правой стороны от меня была маленькая тополиная роща, и, свернув туда, я смог добежать до нее прежде, чем они смогли выстрелить в меня раз или два.

Когда я был уже в роще, по мне сделали несколько залпов, но я благополучно пересек ее и вышел с другой стороны. Местность там была покрыта холмами и канавами, так что, хотя англичане вскочили на лошадей и попытались отрезать мне путь к отступлению, я смог от них скрыться. Единственным моим ущербом было то, что пуля разорвала подошву моего ботинка, что затруднило мне бег.

Я вполз на холмик и огляделся. Солдаты, бывшие в поле, сели в седла и гнались за мной. Часть из тех, кто был на ферме, гнались за мной пешком, другие седлали лошадей. Я успел увидеть господина Геста, который бурно жестикулировал, но я не понял — убеждал ли он солдат ловить меня или просил не устраивать сражения на пороге его дома. Времени рассмотреть все подробности у меня не было.

Не было никакого признака моих товарищей. Я повредил ногу на острых камнях, всадники приближались ко мне и я в любой момент ожидал приказа стоять, и я не знал, что же делать, когда вдруг оказался в узкой расселине, промытой потоком воды на склоне горы. Внезапно мне пришло в голову, что, если мои

преследователи увидят, что я пропал из виду на берегу русла, то решат, что я пошел или вниз по течению к середине долины, или вверх, на гору. Оглянувшись, чтобы удостовериться в том, что преследователи видят, что я делаю, я пробежал через берег ручья, но, вместо того, чтобы бежать по руслу, как этого можно было ожидать, я на противоположной стороне нашел место, где в это русло впадал небольшой ручеек, и, ползя по нему, нашел место, где росли кусты, достаточно высокие для того, чтобы скрыть обессиленного человека. Оставив русло, я прополз еще пятьдесят ярдов, чтобы найти участок с более густыми кустами, и остановился там.

Солдаты, видя, как я прыгнул в русло, сделали именно то, что я и ожидал. Достигнув места, где они видели меня в последний раз, они разделились надвое. Одна часть поскакала вверх, другая вниз. С того места, где я лежал, я видел все их действия и через некоторое время стало ясно, что они оказались в трудном положении.

В конце они, должно быть, заключили, что я ушел далеко вверх, поэтому рассыпались по наклону горы как загонщики на охоте, уходя все дальше и дальше от моего убежища. Я знал теперь, что нахожусь в сравнительной безопасности, поскольку солнце заходило, и в ближайшее время я услышал, как они возвращались к ферме, где теперь горели их костры, указывая на то, что господин Гест снова играет роль гостеприимного хозяина.

Я чувствовал гордость за свою хитрость, но приятного в моем положении было мало. Я лежал в папоротнике, как загнанный заяц, нога мучительно болела, товарищи ушли, коммандо было неизвестно где. Моя лошадь была мертва, все мое имущество вместе с седлом было в руках врага.

Поскольку размышления мне помочь не могли, я встал и похрамал прочь в темноте.

Примерно через час я услышал звук гимна и хрипение фисгармонии, которая есть почти в каждом голландском сельском доме, и понял, что приближаюсь к друзьям. Когда я постучал в дверь, сначала была тишина, поскольку в эти беспокойные времена поздний визит означал военную реквизицию, но потом я услышал топот ног, и дверь открылась.

Целая семья смотрела изнутри. Когда я сказал им, кто я, они почти втащили меня в дом, столь нетерпеливы были они в желании помочь. Я, должно быть, выглядел очень жалко, поскольку женщины плакали, снимая ботинок с моей воспаленной ноги, и во время еще более болезненного процесса извлечения шипа, почти один дюйм длиной, который воткнулся в кисть моей руки, когда я был сброшен с лошади. Они принесли

горячую воду и разорвали чистое полотно для бинтов; мне предложили еду и кофе, и доброжелательные люди почти ссорились за право служить мне, так сильна была их симпатия, хотя они знали, что это может грозить для них штрафом и тюремным заключением. Выслушав мои пожелания, они устроили небольшое совещание. Я согласился с тем, что не мог оставаться здесь на несколько дней, потому что, даже если бы вокруг не было английских патрулей, о моем присутствии обязательно сообщили бы черные слуги, которые держали сторону англичан. Поскольку я уверил их, что в состоянии идти, было решено, что я должен продолжить путь на запад в надежде найти генерала Смэтса. Надежда на это была слабой, но риск быть застигнутым здесь был велик, поэтому я приготовился идти, как только мой ботинок отремонтируют.

Глава семьи, патриарх семидесяти лет, настаивал на том, чтобы стать моим проводником на первой стадии похода и твердо настоял на своем, хотя его сыновья предлагали себя в этом качестве. Мне собрали мешок с продуктами, и после прощания мы со стариком отправились в путь. Мы тащились вперед, час за часом, пока его сила не иссякла, и я заставил его возвратиться. Его голос дрожал от волнения, когда он желал мне помощи Господа. Моя нога меня почти не беспокоила, и теперь, когда я был один, я шел с хорошей скоростью по ясно различимой фургонной дороге, на которую он меня вывел, и к трем полночи спустился в ущелье. К этому времени взошла луна, и при ее свете я ясно различил на земле свежие следы копыт. Рассмотрев их, я узнал отпечатки пони Майкла дю При, а при дальнейшем исследовании узнал и следы лошадей некоторых, если не всех, членов моего отряда, которые в этом месте пересекли дорогу по пути в ущелье. Это открытие меня очень порадовало, поскольку надежды на то, чтобы догнать команду, в этот момент были очень призрачными, но я вполне мог рассчитывать на то, чтобы догнать своих товарищей, которые прошли здесь совсем недавно, и, не теряя времени, пошел по их следам. Через несколько миль они свернули в меньшее ущелье, и я без труда последовал за ними, потому что их следы ясно были видны на пыльной скотопрогонной дороге. Наконец, когда рассвело, я услышал ржание лошади и, осторожно продвигаясь, нашел всех семерых мужчин, крепко спящих под деревьями. Они очень удивились, увидев меня, поскольку были уверены, что я был мертв или взят в плен. Самим им побег с фермы стоил дорого — хотя из них никто не пострадал, шесть из девяти лошадей, которые были у нас, были убиты, и мы потеряли большую часть провианта, седел и одеял. Поэтому мы решили, что наша главная

задача — пополнить запасы, поэтому продолжили путь по ущелью, пока не вышли в густонаселенную долину реки Каминасси, где услышали много разного о нашем коммандо, хотя ничего определенного не узнали, кроме того, что генерал Смэтс идет на запад и его преследует сильный отряд кавалерии. Жители охотно снабжали нас всем необходимым, и в течение следующих трех дней мы медленно продвигались по широкой долине. Далеко впереди мы видели высокие столбы пыли, которые, как нам сказали, поднимала тысяча всадников генерала Френча, занятая преследованием нашего коммандо, а иногда мы слышали далекую канонаду. Поскольку пятеро из нас шли пешком, мы должны были соблюдать большую осторожность, и несколько раз нам по нескольку часов приходилось прятаться, чтобы не оказаться на пути отрядов, подходивших из тыла к генералу Френчу.

Чем больше мы наблюдали переполненную войсками долину, тем меньше нам это нравилось. Уильям Конради, оценив обстановку, сказал, что у него есть план получше. Вместо того, чтобы продолжать следовать за коммандо, он предложил повернуть на север и пересечь Свартберген, попав таким образом в Кару, откуда мы прибыли. Он сказал, что генерал Смэтс наверняка добрался до Западного Кейпа, и, если бы мы смогли пересечь горную цепь, которая находилась между им и нами, то смогли бы не опасаться преследования англичан и, возможно, присоединиться к коммандо. Мы согласились и сразу отправились в путь. Два дня мы двигались к Свартбергену, который, как стена, возвышался на северном горизонте. В деревне Армод нас поджидала неприятная неожиданность в виде отряда солдат, которые попытались нас захватить, и только наступившая темнота и наша стрельба в ответ на их позволили нам пересечь реку и скрыться в кустарнике на другом берегу.

Моя нога не причиняла мне никакой боли, и все проходило благополучно, благодаря местным фермерам, которые держали нас в курсе событий.

Утром третьего дня мы достигли подножия горной цепи, совсем рядом с ущельем Семи Недель, к востоку от него. По этому ущелью проходила главная дорога на Кару, но оно охранялось, поэтому нам приходилось обходить его. Когда появился английский патруль, мы начали подниматься наверх, пока к вечеру не добрались до верхней части гор. Эти горы мы уже пересекали во время этого похода. В том месте Свартберген был одной большой стеной, а сейчас он расходился на много меньшего размера хребтов, что было для нас большой неприятностью.

Поскольку темнело и начался сильный дождь, мы прошли немного по гребню, чтобы найти убежище на ночь. Было очень холодно, уснуть было невозможно, разжечь огонь нельзя, поэтому до рассвета мы сидели, дрожа от холода. А утром начали искать путь вниз по покрытому плотным туманом склону. К четверем пополудни мы были ниже облаков, и увидели, что у наших ног лежит длинный узкий каньон, склоны которого были покрыты утесами. На его дне, в тысяче футов под нами, мы разглядели группу хижин и, рассчитывая найти там местных жителей, которые покажут нам дорогу, спустились туда, оставив лошадей на месте, чтобы они сами о себе позаботились. Мы прошли через трещину в скалах и перед закатом достигли дна ущелья. Когда мы приблизились к хижинам, рядом с нами появился косматый гигант, одетый в козы шкуры, который заговорил с нами на странном голландском языке. Это был белый по имени Кордье, который жил здесь с женой и выводком полудиких детей в полной изоляции от внешнего мира. Он сказал, что все о нас знает, потому что один из его сыновей тем утром был в горах, услышал в тумане издаваемые нами звуки, тщательно пересчитал нас, услышал, на каком языке мы говорим, после чего прошел по краю утесов, чтобы предупредить отца. Мы были приняты с грубоватым но искренним гостеприимством, и мы воздали должное козлятине, молоку и дикому меду, которые были поставлены перед нами. Кордье сказал нам, что британцев здесь никогда не было и после него мы первые оказавшиеся здесь буры. О войне он что-то слышал, но подробностей о событиях последних двух лет почти не знал.

Мы провели ту ночь и следующий день с этой любопытной швейцарской семьей Робинзонов, а вечером снова поднялись на утесы, сопровождаемые нашим хозяином и некоторыми из его отпрысков, которые остались с нами рядом с нашим костром, и следующим утром провел нас через горы. Еще до темноты мы смотрели вниз на северные равнины. Теперь наше намерение состояло в том, чтобы спуститься к равнинам и, оставляя горы слева, двигаться на запад к району Кейпа, лежащего по Атлантическому побережью на расстоянии в двести миль, где мы надеялись в конечном счете узнать новости о генерале Смэтсе.

Мы провели еще одну ночь на вершине хребта, и, расставшись на рассвете со своими проводниками, спустились вниз по склонам к подножию гор и пошли через равнины. Мы были теперь в Гош Кару, как называли этот район готтентоты, засушливой бесплодной местности, где только изредка можно встретить бродячего пастуха. На следующий день мы пересекли железнодорожную линию, которая проходит от Кейптауна на

север. Не было никаких блокпостов, как в Трансваале или Свободном Государстве, поэтому у нас не было никаких проблем, хотя мы видели двухъярусные пожарные каланчи с обоих концов моста через реку Двика.

За линией лежала еще менее населенная страна, и мы сильно страдали от жажды и голода, поскольку воду можно было найти, только выкапывая колодцы в сухом гравии, что приходилось делать голыми руками, а есть — только то, что было у нас с собой.

Спустя приблизительно неделю после пересечения железнодорожной линии, двигаясь все время на запад, мы были замечены английским патрулем. Они открыли по нам огонь, и когда мы ответили, скрылись, несомненно для того, чтобы сообщить о нашем присутствии и привести подкрепление.

На следующий день после этого, мы достигли процветающей, судя по ее виду, фермы, первой с того времени, когда пересекли Свартберген. Там нам пришлось выдержать маленькое сражение. Пока мы разговаривали с хозяином и его женой, двенадцать или пятнадцать солдат внезапно появились на горном хребте и стали стрелять в нас. Мы сказали нашим друзьям спрятаться в доме, а сами спрятались в русле ручья, надеясь под его прикрытием добраться до наших противников и захватить их лошадей, но когда мы приблизились к ним на сто ярдов, они меткой стрельбой прижали нас к земле, так что мы были рады с наступлением темноты уползти назад и забрать на ферме свое имущество и трех лошадей.

В течение следующих двух дней мы продолжили свой путь, постепенно приближаясь к более густонаселенному району, который лежит у Калвульи.

В каждом доме, в в который мы заходили, мы навели справки о генерале Смэтсе, но никто о нем не знал. Однако, нас ждал приятный сюрприз. Однажды рано утром, когда мы сидели у костра, то увидели, как через возвышенность переехала маленькая повозка, запряженная двумя ослами. На ней сидел седой бородатый бедно одетый голландский фермер и рядом с ним английский сержант. Когда мы остановили эту странную пару, то с удивлением узнали от фермера, что он расстался со Смэтсом час или два назад. Солдат сказал, что он был захвачен накануне, будучи в разведке, и, проведя ночь у наших, был утром отпущен.

Мы были столь восхищены этими долгожданными хорошими новостями, что настояли на том, чтобы обменяться рукопожатием с нашим вестником, который сначала не мог понять наш восторг. Когда мы все ему объяснили, он сказал, что для него поводов

радоваться нет, потому что, будучи лишенным лошади, и не имея никакого желания идти пешком более чем девяносто миль, где был самый близкий военный пост, он именем короля приказал своему попутчику предоставить ему транспорт.

Поскольку единственным доступным транспортом был тот, который мы видели, он не особо рвался продолжать свою поездку, особенно учитывая отношения, которые у него сложились с возницей. Фермеру эта поездка была совершенно не нужна — он не хотел возиться с чертовым красношеим (как он его называл), эта поездка занимала не менее двух недель и, вернувшись, он становился объектом насмешек со стороны соседей. Сержант же был совсем не рад своему компаньону, который, по его словам, совершенно не понимал английского языка и только хрюкал, когда он к нему обращался. Мы не стали терять времени на эту пару и, пожелав им доброй дороги, сами отправились в путь.

Пройдя семь или восемь миль, мы поднялись на возвышенность и там, на берегах протекавшей ниже реки, увидели, наконец, множество лошадей, пасущихся среди деревьев. Наши поиски были закончены. Конный часовой выехал к нам, чтобы выяснить, кто мы такие. И, пожав нам руки, поскакал назад, чтобы сообщить всем приятную новость о нашем прибытии. Скоро все коммандо сбежалось, чтобы встретить нас, и мы были окружены толпой улыбающихся людей, которые искренне радовались нашему появлению. Генерал Смэтс был в первых рядах тех, кто приветствовал нас. Он сказал, что долго считал нас пропавшими без вести и очень хвалил нас за то, что мы смогли проделать такой длинный путь, не потеряв ни одного человека.

Радость наша при возвращении была велика, но для меня этот мед оказался с мухой — оказалась, что вся «Пятерка денди» серьезно пострадала. Первым шел Джек Борриус, потерявший глаз и до сих пор страдавший от воспаления руки, которая сильно распухла, там же лежал Бен Котце с пулей в ноге, Николас Сварт, которому пуля, выпущенная из револьвера почти в упор, раздробила руку, и Эдгар Данкер с пулей в бедре и тремя пальцами на раздробленной кисти правой руки. Кроме того, мой дядя Ян Малдер (он действительно был моим родным дядей) и наш хороший товарищ Ян ван Зийл были захвачены, так что от нашей первоначальной группы мало что осталось. Уинделл, я и Фриц Балог были единственными из первоначального состава, кто остался в строю.

Потери коммандо за все это время составили, кроме дюжины раненых, которые могли двигаться, семь или восемь убитыми, хотя всю дорогу пришлось вступать в столкновения.

В это время о другой половине нашего отряда, которой командовал ван Девентер, ничего не было слышно, но генерал Смэтс был уверен, что при таком опытном командире все у них будет в порядке.

XXIV. В тихих водах

С этого времени обстоятельства нашей экспедиции в Капскую колонию радикально изменились к лучшему. Здесь, на далеком западе, не было никаких железных дорог, а засушливая бесплодная страна была настолько трудна для действий больших войсковых соединений, что мы были в сравнительной безопасности. На север, на сотни миль, простираясь до самой Оранжевой реки, лежала громадная территория, практически свободная от врага, не считая редких отрядов и нескольких рассеянных гарнизонов, между которыми были такие расстояния, что вся страна была практически нашей.

Маленькие отряды местных мятежников долго вели собственную войну в районе между этой местностью и побережьем, и генерал Смэтс сказал нам, что он собирался реорганизовать их в большие команды, пока же он не был достаточно силен, чтобы предпринять крупномасштабные действия, которые он думал, могли бы ослабить давление на республики. Так что мы с интересом ожидали нового этапа войны, который открывал нам новые перспективы.

В тот же вечер мы двинулись на запад, наши раненые теперь были удобно устроены в телегах, а тем из нас, кто возвратился без лошадей, предоставили других, на время, что было очень хорошо после нашего длинного пешего похода. Через несколько дней мы достигли Эландсвлей, оазиса с развесистыми пальмами и проточной водой, и здесь остановились на два дня. Первый раз с тех пор, как мы покинули Оранжевую республику, мы оставались на одном месте день и ночь, и, разумеется, и люди и животные наслаждались этими выходными. В соседних холмах паслось стадо мулов, и меня с несколькими друзьями отправили, чтобы поймать нескольких. Тот, что достался мне, был сильным вороным, который визжал, брыкался и несколько раз сбросил меня на землю, прежде чем я сумел укротить его. После этого он стал смиренным и я за несколько следующих месяцев проехал на нем сотни миль.

От Эландсвлей мы пошли на северо-запад через Биддоу, чтобы попасть в место под названием Кобби, глубокую долину, и здесь снова провели несколько дней, чтобы дать лошадям возможность отъесться на хорошем пастбище. Отсюда мы пересекли горы и вышли на большую равнину, которая простирается на шестьдесят миль к Атлантическому побережью. У подножия этих гор находится поселок Ван Риджнсдорп. Недавно британцы поместили там свой гарнизон, но командант Мариц

напал на них и захватил поселок. Этот Мариц был полицейским из Йоганнесбурга, который, после многих приключений, утвердился в этих местах как лидер отрядов мятежников.

Он был невысоким смуглым человеком, огромной физической силы, грубый и безжалостный в своих методах, но прекрасным партизанским лидером, и, как стало ясно, настоящим патриотом.

Он освободил поселок и исчез со своими последователями, и мы застали население, которое занималось привычным мирным трудом. Англичане, судя по всему, навсегда оттуда ушли.

Поскольку «Пятерка денди» фактически более не существовала, генерал Смэтс приказал Уильяму Конради и мне присоединиться к его штабу. Так были отмечены наши последние заслуги, потому что это было эквивалентно продвижению по службе. Остальная часть денди вошла в коммандо команданта Боувера, кроме Бена Котце, который, будучи с ногой в лубках, уехал на поиски Марица, с которым они были старыми друзьями. Это было концом той компании, с которой я вошел в Капскую колонию. Как и отряд Айзека Малерба и АКК, эта группа перестала существовать, но я рад, что служил с такими замечательными людьми.

Я был теперь в положении, которое могло бы соответствовать штабному офицеру в регулярной армии, хотя ни один из нас при штабе генерала Смэтса не имел никаких привилегий или знаков отличия. Единственное, что мы получили — дружеское прозвище «Крипвретерс» — так называют упитанных домашних лошадей, в отличие от тех, кому для пропитания приходится пастись в вельде.

Приняв же свои новые обязанности, я убедился в том, что жизнь легче не стала — помимо того, что, как и всем остальным, надо было себя обеспечивать продовольствием, члены штаба использовались как связные, и в течение следующих нескольких недель наша жизнь была непрерывной цепью поездок в поисках групп, на которые Смэтс разделил коммандо, чтобы было проще решать вопросы с продовольствием и фуражом.

В декабре (1901года) он оставил коммандо рассеянным по берегам Олифантс-ривер около Ван Ринсдорпа, и со своим штабом поднялся в горы к месту под названием Виллемс-ривер, где начал собирать рассеянные отряды мятежников в организованные коммандо. Много людей из этого района или присоединилось к Марицу, или действовали самостоятельно, обстреливая английские колонны или подстерегая караваны, и, чтобы войти с ними в контакт, мы, «Крипвретерс», несколько недель провели в нескончаемых поездках, во время которых путешествовали от южной части Олифантс-ривер за Калвинию и

назад, так что теперь мы знали каждый дюйм этой страны.»

Жители симпатизировали нам и смотрели на нас как на своих героев, поэтому нас приветствовали везде, куда бы мы не попали и, несмотря на длинные изнурительные поездки на спине мула, я наслаждался жизнью, поскольку ничего не было приятнее чувства, которое охватывало меня, когда женщины махали нам платками из окон домов, а мужчины приветствовали, стоя на обочинах.

На Рождество, возвращаясь из очередной поездки за Кальвину, я увидел большой отряд конных, разбивавших лагерь. Приблизившись к ним, я обнаружил, что это был пропавший отряд ван Девентера. Мое неожиданное появление среди них было встречено с радостью, поскольку это была наша первая встреча с тех пор, как мы разошлись у Зуурбергена, и я долго не мог уйти от них, рассказывая им все наши приключения и слушая их рассказы. Они только что прибыли, их несколько недель преследовали, но дела их обстояли неплохо — они смогли захватить несколько караванов и много пленных, так что у них было больше винтовок, лошадей и боеприпасов, чем им самим было нужно.

Проведя за разговорами весь вечер, я остался там на ночь и утром следующего дня пустился в обратный путь. 28-го декабря я вернулся к генералу Смэтсу, который был очень рад новостям.

Мой мул пронес меня на расстояние в двести миль за пять дней, и следующим утром я снова был в пути. Я должен был найти Марица, который, как я считал, находится на расстоянии в восемьдесят миль в окрестности Тонтелбоса. Это был важный зерновой район, в который англичане направили большой отряд, который не должен был позволить вывезти оттуда урожай. Мариц атаковал этот отряд до моего прибытия, но был отброшен с большими потерями, и сам был тяжело ранен. Я нашел его сидящим на стуле в сельском доме. Двое из его людей обрабатывали его рану — глубокую рану ниже правой подмышки, через которую видно было легкое. Такая рана убила бы любого другого человека, но Мариц походил на быка и отличался таким же здоровьем.

Я встретил с ними новый год (1902), и затем уехал, встретив три дня спустя генерала Смэтса в Нейвудсвилле. В это время наши основные силы при команданте Боувере располагались на равнинах к югу, у них были небольшие стычки с англичанами, но в целом все было спокойно. Некоторые из наших патрулей выходили за пределы Портервилля, откуда видно было Столовую гору, а мой старый товарищ Криге (зять генерала), с которым я служил еще в отряде Айзека Малерба и который был тяжело

ранен при Спionoскопе, дошел даже до Мальмесбери и привез для коммандо крупную сумму денег от отца генерала, который там жил.

В течение посещения, наших людей на Олифантс-ривер я встретил моего старого соседа по палатке, в которой я жил под Ледисмитом, Уолтера де Воса, который был тоже был ранен при Спionoскопе и которого я в последний раз видел на склоне этого холма два года назад. Он с недавнего времени состоял в отряде местных мятежников, и мы все утро провели с ним, вспоминая старые дни. Через час после того, как я уехал, он был убит в очередной стычке.

В начале генерала января Смэтс решил пойти на север к Оранжевой реке, чтобы организовать многочисленные отряды мятежников, которые действовали в тех местах. Наша компания состояла только из него самого и его штаба. Это была трехсотмильная поездка по пустынной местности, сначала мы прошли через Тонтелбос, сейчас свободный, поскольку урожай был собран. Мариц был здесь, в пустом доме на подстилке из соломы, но его рана заживала и он чувствовал себя намного лучше.

От Тонтелбоса мы пошли на север через страну, где жили трекбуры, которые проводили всю жизнь, путешествуя группами или семьями от одного хорошего места до другого, подобно библейским кочевникам. Они были патриархальным народом, оторванным от внешнего мира, но это были люди храбрые и сильные, и многие из них воевали.

Мы путешествовали главным образом ночью, чтобы избежать дневной жары, и так достигли Какамаса, маленькой колонии, основанной голландской Церковью на южном берегу Оранжевой реки. Поселение было совсем юным, и его обитатели жили в грубых хижинах и убежищах, сделанных из травы и тростника, но они выкопали канал от реки, и так хорошо ухаживали за своими полями и садами, что это место стало важным источником поставок продуктов для соседних районов. Мы провели там две недели, наслаждаясь фруктами и купаясь в реке. Как только генерал Смэтс закончил свою работу с партизанскими отрядами, многие из которых приезжали туда, чтобы встретиться с ним, мы вернулись на юг, достигнув Тонтелбоса на второй неделе февраля. Марица больше здесь не было, но, поскольку тут были хорошие пастбища, мы остались там на несколько дней, чтобы животные набрались сил.

Генерал Смэтс решил пойти в восточном направлении на поиски команданта ван Девентера. Мы не знали точно, где находится его коммандо, но отправились по Фиш-ривер и через

день или два узнали, что он находится в тридцати или сорока милях от нас. Мы ехали туда всю ночь, а перед рассветом услышали канонаду и винтовочную стрельбу и увидели зарево на небе. Ускорив движение, мы к рассвету добрались до фермы Миддельпост и нашли там двух или трех мужчин, которые ухаживали за дюжиной раненых.

Они сказали нам, ван Девентер сражается с английской колонной, с которой встретился, идя из Кальвинии, поэтому, задав еще несколько вопросов, мы отправились туда. Его люди занимали ряд невысоких холмов, их лошади были привязаны ниже. На возвышенности слева находились англичане, единственное орудие стояло на виду, но вне досягаемости выстрела из винтовки. Хозяин фермы попросил нас уехать, потому что двор фермы был в пределах досягаемости выстрела из пушки, поэтому мы отправились. Они оказались правы, потому что, проскакав полпути, мы услышали выстрел и рядом с нами разорвался снаряд.

Местный учитель по имени Хьюго, который присоединился к нам за несколько недель до этого, ехал около меня. Снаряд взорвался с ужасным грохотом, но хотя я был ближе к орудию, ни мой мул, ни я не получили и царапины. Но когда дым рассеялся, я увидел, что мой товарищ был ужасно ранен. Он шатался в седле, из груди текла кровь. Он уронил винтовку и упал на шею лошади. После этого он выпрямился и сказал, что не собирается дать стрелкам удовольствия узнать, что они в кого-то попали, и поехал дальше к холму. Падали и другие снаряды, но никто больше не пострадал. Подняв упавшую винтовку, я подъехал к нему и увидел, что Хьюго потерял сознание и упал с лошади, а Смэтс и другие пытаются ему помочь. Осколок попал в левое легкое, и я извлек из раны искореженную пряжку от патронташа и обойму с пятью патронами. Осколок из раны я вынуть не смог. Я думал, что он не проживет и десяти минут, но спустя два месяца он снова был в седле. Мы положили его поудобнее и поднялись выше, где на хребте был ван Девентер со своим штабом. Смэтс встретился с ним в первый раз с того момента, как они расстались в восточном Сомерсете, и его приветствовали громкими криками. Сам ван Девентер поспешил нам навстречу, и через несколько секунд мы были на огневом рубеже. Выглянув из-за холма, мы увидели интересное зрелище.

Прямо под нами, на берегу ручья, стояло примерно сто двадцать английских фургонов. Большинство из них горело, и в них взрывались патроны, которых в каждом фургоне было по несколько ящиков. Среди них лежали убитые люди и лошади, было и много живых лошадей, которые ночью убежали, но потом

вернулись в лагерь, где, несмотря на весь этот ужас, они подбирали овес и другой фураж, который наши успели выкинуть из фургонов перед тем, как их поджечь.

Ван Девентер дал нам краткое изложение того, что случилось. Длинный конвой подошел накануне вечером, сопровождаемый конной колонной. Он преградил им путь, после чего англичане заняли оборону и укрылись на позициях, но ночью буры прошли через них и, войдя в лагерь, подожгли фургоны. В темноте англичане не могли им противодействовать, и в результате к нашему прибытию сложилась такая ситуация: буры ван Девентера, запалив фургоны, перед рассветом отошли, и теперь обе стороны стояли друг напротив друга, между ними были горящие фургоны, и никто не мог приблизиться к противнику. Часть англичан устроилась на ферме, окруженной садом и стеной, примерно в девятистах ярдов, откуда они вели интенсивный винтовочный огонь.

Налево, в четырехстах ярдов от нас, больший по численности отряд занимал каменистый холм, за которым на возвышенности стояло полевое орудие, а справа, на другом холмике, было еще одно отделение, которое могло держать под огнем подходы к лагерю. Ван Девентер сказал генералу Смжтсу, что хочет вернуть животных, кормящихся среди фургонов, поэтому недавно он послал фельдкорнета ван дер Берга и с ним двадцать пять человек с заданием очистить холм от англичан неожиданной атакой с тыла. Он приказал им объехать этот холм под прикрытием других холмиков.

Я уже проехал на моем муле больше тысячи миль. Он был хорошим, но с его неторопливой походкой его лучше было использовать в качестве вьючного животного, и мне хотелось иметь лошадь. Еще один из нашего штаба, Мартин Бринке, также много месяцев ездил на муле и тоже хотел получить лошадь, поэтому мы решили нагнать атакующий отряд и получить лошадь или две. Мы двигались по следам отряда ван дер Берга со всей возможной скоростью. Он вел свой отряд очень грамотно, с холма их увидеть было невозможно, и, когда мы после скачки догнали их, оказалось, что он захватил солдат врасплох, его люди достигли подножия холма и ползли по нему наверх под винтовочным огнем, не неся никаких видимых потерь. Когда мы к ним присоединились, дело было почти закончено. Прозвучал еще один или два выстрела, и через несколько секунд последние солдаты уже стояли, готовые сдаться. Однако, успех дорого стоил. Элоин Вебер, бывший трансваальский артиллерист, и еще двое лежали мертвыми, ван дер Берг и еще один человек были тяжело ранены. Из приблизительно дюжины английских солдат,

занимавших холм, несколько было убиты и трое- четверо ранены.

В любом случае теперь холмик был в наших руках, и стало возможным пройти к руслу ручья, на противоположном берегу которого стояли горящие фургоны, поэтому, оставив нескольких человек присмотреть за ранеными, остальные не стали терять времени и, спустившись по склону холма, прыгнули в русло ручья и побежали по его песчаному дну, пока не оказались на расстоянии броска камня от лагеря. Тогда мы выскочили из русла и помчались к лошадям, которые продолжали выискивать рассыпанные на земле остатки фуража. Когда солдаты из фермы заметили нас, они открыли по нам огонь, но нас это не остановило. Мои горячим желанием было не ездить более на муле, поэтому я за три вылазки привел себе трех хороших лошадей с седлами и полными сумками. Я привязывал каждую в русле и бежал за следующей. Остальные занимались тем же, но, к счастью, никто из них не был ранен. Привязав лошадей, я вернулся, чтобы поискать что-то нужное в фургонах, которые не успели догореть или не горели вообще, и в которых могло оказаться много полезных вещей. Пройдя среди тлеющих фургонов, я нашел повозку, которую в темноте не заметили и не подожгли. Она была совершенно целой, и, поскольку обстрел усиливался, я взял большой мешок и начал сгребать в него все, что мог найти — обувь, книги, бумаги, одежду, в том числе и английские банкноты, а затем потащил его по земле к руслу.

Я выяснил, что большинство этого добра принадлежало полковнику Доррану, который командовал конвоем, и что среди его бумаг были отчеты суда военного трибунала над командантом Шиперсом, на котором полковник был председателем. Мы уже слышали о том, что этот известный партизанский лидер был захвачен и казнен в Мидлендсе за несколько месяцев до этого по обвинению в нападении на поезд.

После поспешного осмотра моей новой собственности я равномерно распределил свои трофеи на трех лошадях и муле, и вернулся к генералу Смэтсу, очень довольный результатами этого утра, поскольку, не имея более необходимости ездить на муле, я имел отличных лошадей, и был одет и обут лучше, чем когда-либо за все время войны.

Вскоре после этого английские войска увезли оружие и стали отходить на юг, оставляя большое количество лошадей и мулов, которые разбежались и бродили по вельду.

Генерал Смэтс и ван Девентер решили не преследовать отступающих, потому что, даже захватив их в плен, мы должны были бы их отпустить, а мы и так захватили столько лошадей, что нам это не было нужно. Теперь мы могли спокойно посетить их

лагерь, где нам никто не мог помешать, и наши люди смогли набрать большое количество боеприпасов, сбрую, боеприпасов, и, что было особенно ценно — подковы и гвозди. Пять или шесть солдат лежали убитыми в лагере, а когда некоторые из нас приехали на ферму, то обнаружили там двадцать или тридцать раненых, оставленных там под присмотром военного врача, некоторые из них ранены были очень тяжело. По просьбе санитаря я объехал вокруг фермы, чтобы пристрелить раненых лошадей и мулов — у некоторых были сломаны ноги, другие истекали кровью, и, поскольку без ухода они все равно были обречены, лучше было бы прекратить их страдания. Одна из лошадей, которых я взял в лагере, была красивой небольшой темно-серой арабской кобылой со шкурой как бархат, и ловкой как серна. Я был на ней, когда поехал на ферму, и здесь ее прежний владелец, раненный офицер по имени Чапмэн, лежащий на носилках снаружи, признал ее, и предложил выкупить ее у меня за 65 £. Он сказал, что ее кличка была Нинни и что это была лучшая лошадь в стране. Поскольку деньги были мне бесполезны, а я сам понял, что эта лошадь хороша, как только ее увидел, я отказался ее продать, но обещал ухаживать за ней и хорошо о ней заботиться.

Коммандо провело ночь на другой небольшой ферме, где мы сначала нашли раненых ван Девентера, и здесь же похоронили наших мертвых на восходе солнца на следующий день. Тела их заранее были уложены в фургон, и, не зная этого, я провел под ним ночь, и, проснувшись утром, оказался закапанным кровью, которая медленно сочилась через его днище.

Во время похорон генерал Смэтс произнес прощальную речь. Он сказал, что среди убитых были трансваальцы, фристатеры и жители Капской колонии, то есть всех частей Южной Африки, которые принесли себя в жертву ради свободы. Когда церемония закончилась, мне приказали поехать за двадцать миль к месту, где были оставлены наши раненые, чтобы проверить, все ли с ними в порядке. Я нашел, что большинство из них в порядке, хотя несколько человек были плохи. Один из них был жителем колонии, раненым в живот, и женщина из этого дома попросила меня взглянуть на него, потому что у него началось воспаление. Пока мы осматривали его рану, он издал глухой стон и умер. Фургонщик помог мне похоронить его. Мы вырыли могилу около тока, и поскольку мы не знали никакой панихиды, мы просто подняли его за плечи и колени, положили в могилу, засыпали землей и оставили.

Пока я был на этой ферме, мы увидели, что с севера приближаются сорок или пятьдесят странных всадников, и

раненные встревожились, поскольку мы не могли разобрать, кто это. Я сел на лошадь, взял винтовку и поехал в их сторону, пока не был достаточно близко, чтобы увидеть, что это не британцы. Они, как оказалось, были оставшимися в живых из той части коммандо, которую генерал Смэтс оставил по пути через Свободное государство год назад, потому что их лошади были слишком в плохом состоянии чтобы продолжать путь. Он оставил старшим над ними фельдкорнета Дрейера с приказом догнать его, когда это позволит состояние их животных, и они сделали это. Они начали путь на юг, и после многих приключений и испытаний попали сюда. Среди них был и преподобный г. Крил, с которым мои братья и я ссорились в Уорм-Батс в декабре 1900.

Несмотря на его религиозный фанатизм, он был смелым стариком, которого я начал уважать. Когда они услышали, что генерал Смэтс был недалеко, они столь стремились увидеть его, что хотели уйти сразу, но я сказал им подождать, поскольку знал, что генерал сам едет сюда, и он прибыл тем же вечером с ван Девентером и его коммандо, и с обеих сторон была большая радость.

С тех пор, как генерал Смэтс в декабре пошел в Какамас, командант Боувер со своим коммандо остался внизу на равнинах около Олифант-Ривер за Ван Риджсдорпом, и теперь меня посылали на их поиски. Я отдал моего мула, но взял всех трех из моих недавно приобретенных лошадей, нагруженных моей добычей из лагеря. Я достиг Ван Риджсдорпа через три дня, пройдя через Нойвудчвилль, и отсюда вниз через горный перевал к нижележащей местности. Я обнаружил Боувера в Ван Риджсдорпе, а большинство его людей разбило лагерь недалеко оттуда по Тру-Тру-Ривер. Они были очень рады, когда я сказал им о успехе ван Девентера, потому что у них предыдущим утром были большие неприятности.

За неделю до этого среди них появился местный бур по имени Лемкюэль Колэйн, который рассказал им, что англичане посадили его в тюрьму в Клан-Уильяме по ложному обвинению в государственной измене. Он сказал, что однажды ночью он перелез через стену и убежал, и теперь хочет отомстить с оружием в руках. Поверив в его историю, они дали ему винтовку, и он присоединился к коммандо.

Колэйн оказался британским шпионом, и, разузнав все что смог, он исчез. Из его отсутствия никто не сделал никаких выводов, потому что люди постоянно уезжали, чтобы посетить фермы или найти знакомых, и решили, что здесь то же самое, но утром коммандо было разбужено атакой английской кавалерии с Колэйном во главе, во время которой было убито семнадцать

человек, в том числе мой молодой друг Майкл дю Приз.

Нападающие смогли застать наших людей настолько врасплох, что солдаты проехали сквозь лагерь, орудуя саблями, и скрылись с противоположной стороны прежде, чем наши поняли, что происходит. Они обвиняли Колэйна в предательстве, и очень надеялись, что он еще попадет им в руки, и позднее Немезида помогла его найти.

Тем временем Боувер страдал из-за этой задержки, не только потому, что потерял хороших людей, но и потому, что британцы развивали свой успех и начали наступление с целью вернуть Ван Риджсдорп, в котором находился наш штаб, потому что это был единственный город в Южной Африке все еще находившийся в бурских руках.

Я оставался с Боувером всю ночь в этом городке, которому угрожал захват, и, когда его разведчики сообщили ему следующим утром, что сильная колонна английских всадников движется к городу, он решил отойти на север к горам, пока к нему не подойдет подкрепление.

Я вместе с группой людей, среди которых были мои старые друзья Николас Сварт и Эдгар Данкер, вышел понаблюдать за движением врага. Рука Николаса была еще на перевязи, а рука Данкера — в лубках, а к его седлу была привязана подушка, чтобы бедро не так болело. Но все же при звуке стрельбы они не могли усидеть и отказались остаться в тылу, услышав, что за городом стреляют. Пройдя милю или две, мы увидели длинную колонну всадников, которые шли со стороны Олифантс-Ривер, а их разведчики раскинулись широким фронтом. Мы открыли беглую стрельбу, которая продолжалась, пока они не выдавили нас через город на открытую местность, где нам пришлось бежать к горам, чтобы присоединиться к отряду Боувера. Во время одной из перестрелок Данкер, который был рядом со мной, был ранен пулей в грудь. Раны мы заткнули кусками его рубашки и он проехал с нами еще пятнадцать миль, пока мы не добрались до коммандо. Его отослали на ферму среди предгорий, и он полностью выздоровел через несколько недель. Англичане, удовлетворившись захватом нашей маленькой столицы, дальше не пошли, поэтому и Боувер не стал уходить дальше в горы, и в конце концов решил вернуть потерянное, поэтому послал меня со срочным поручением к генералу Смэтсу, чтобы попросить у него помощи.

После тяжелой двухдневной поездки я нашел его рядом с Кальвинией, в шестидесяти милях, и, когда он услышал, что войска вернулись в Ван Риджсдорп, то приказал, чтобы все командиры собрались. Он послал приказ ван Девентеру, чтобы он

привел своих людей к началу прохода в Нойвудсвилль, где он будет его ждать, в то время как другого посыльного послали к Боуверу, предлагая ему держать его людей ниже, пока помощь не прибыла.

Разным небольшим отрядам тоже были разосланы приказы, и генерал Смэтс со своим штабом назначили общий сбор на вершине хребта.

Все отлично сработало. В течение трех дней ван Девентер привел своих людей, и мы спустились к Урайонс-краалу на равнине, где нас с нетерпением ждал Боувер. В этот момент все наше первоначальное коммандо снова было собрано в один кулак, впервые с тех пор, как оно разъединилось под Зуурбергенем, и по этому поводу у всех была большая радость. Этой ночью мы прошли маршем, собираясь на рассвете атаковать Ван Ринджсдорп, но, когда стало светло, оказалось, что англичане ушли в место под названием Виндхук, в десяти милях от города, где устроили укрепленный лагерь, поэтому мы до темноты оставались в освобожденном городе. Генерал Смэтс решил атаковать Виндхук на рассвете, но я это событие пропустил, потому что не знал, что этот вопрос обсуждается, а на закате был отослан с сообщением к посту, расположенному по пути к Олифантсу. Я прибыл туда после полуночи и провел с ними ночь. На рассвете я пустился обратно, и, будучи на пути к Ван Ринджсдорпу, услышал вдали винтовочную стрельбу и поспешил туда.

По мере моего приближения стрельба некоторое время усиливалась, а затем стихла, так что стало ясно, что сражение закончилось. Я увидел ван Девентера, лежавшего на земле рядом со своей лошадью, тяжело раненого и страдающего от сильной боли. Из раны в горле текла кровь, и его язык был разорван пулей так, что он не мог говорить. Двое мужчин, находившихся рядом с ним, сказали мне, что лагерь в Виндхуке захвачен и сражение закончено. Я поехал в ту сторону и встретил около сотни разоруженных солдат, которые шли по вельду без ботинок. Они сказали, что наши приказали им возвращаться к Клан-Уильям, который находился в пятидесяти милях отсюда.

Через несколько секунд я достиг места действия. Генерал Смэтс окружил лагерь на рассвете, и, после напряженной борьбы сокрушил его, убив и ранив многих англичан, и захватив остальных, приблизительно двести человек. Он тоже понес потери, которые составили пять человек убитыми и шестнадцать ранеными, но в результате захватил много лошадей и фургонов с оружием и боеприпасами, и, главное, восстановил свой контроль над этой частью страны. Я проехал через лагерь и нашел

Николаса Сварта, лежавшего на земле, очевидно, мертвого. Пуля попала ему в грудь и прошла насквозь, выйдя через левое бедро — очевидно, он нагнулся, когда в него попали. Он был так бледен, что я посчитал его мертвым и пошел к фургону, чтобы найти что-нибудь, чтобы прикрыть его, но, когда я вернулся, его глаза были открыты и он шепотом попросил у меня воды, которую я дал ему из своей фляги. Мы отнесли его в тень от фургона и, как могли, перевязали его раны. Поскольку все равно сделать больше ничего было нельзя, я отошел, чтобы посмотреть фургоны, которые сейчас начали разбирать. Они располагались вокруг жилого дома, который стал последней позицией англичан, и, увидев Уинделла из «Пятерки денди», я рассказал ему о Сварте. Он тоже участвовал в атаке, но не знал, что Ник был ранен, и сказал, что надо поискать в доме простыни и наволочки, которые можно использовать вместо бинтов. Пройдя в комнаты, которые носили следы недавнего рукопашного боя, мы увидели, что под камином в кухне прячется мужчина в гражданской одежде. Я подумал, что это владелец фермы, еще не отошедший от испуга, и указал на него Уинделлу. Тот воскликнул: «Боже! Это Колэйн!» Я не знал Колэйна в лицо, но Уинделл вытащил его из дома, крича тем, кто был снаружи, чтобы они посмотрели, кого он нашел, и скоро множество разозленных людей бормотали угрозы в адрес проклятого шпиона. Тому было лет сорок пять, внешне он был типичным провинциальным буром, с большой бородой и в вельветовом костюме. Он был достаточно храбр, потому что, когда наши описали ему его ближайшее будущее, он только пожал плечами и не показал никакого признака испуга. Пока мы толпились вокруг него, подошел командант Боувер и сказал, чтобы двое людей охраняли его, пока генерал Смэтс не примет свое решение.

Мы с Уинделлом, найдя полотно для перевязки, вернулись к Николасу, но оказалось, что его уже увезли на фургоне вместе с другими ранеными на соседнюю ферму.

Поскольку я был хорошо обеспечен лошадьми и всем необходимым после дела при Миддельпосте, фургоны меня не очень интересовали, но я набрал газет и книг, и, оставив остальных продолжать свое дело, приготовился ехать вниз, на ферму Атис, принадлежавшую старому Айзеку ван Зиджлу, члену местного парламента, где, как мне говорили, находился генерал Смэтс. Но сначала я пошел посмотреть убитых, и с грустью обнаружил среди них молодого Мартина Весселса, моего школьного друга, который много раз проводил свободное время со мной и моими братьями в старые блумфонтейские дни. Я впервые с начала войны встретил его за два дня до этого, когда

приезжал в один из местных отрядов, действовавших в окрестностях. Год назад он был ранен и попал в плен, но вместе с Корнелиусом Вермаасом, теперь тоже убитым, он спрыгнул с поезда в Хекс Ривер Моунтинс, чтобы присоединиться к коммандо. Когда я прибыл на ферму Атис, генерал Смэтс был там в гостинной и беседовал с хозяином, Айзеком ван Зиджлом, жена и дочери которого находились там же. Вскоре охранники привели и шпиона, Колэйна, спрашивая, что с ним делать. Генерал Смэтс выслушал всю историю предательства Колэйна, и, опросив сопровождающих, чтобы те подтвердил его личность, приговорил его к смерти без особых формальностей. Когда генерал Сказал охранникам: «Выведите его и расстреляйте!», нервы изменили Колэйну и он упал на колени, умоляя о пощаде. Женщины в слезах выбежали из комнаты. Генерал Смэтс повторил приказ, но, когда Колэйна выводили, вошел преподобный Крил и попросил дать ему возможность помолиться о душе грешника. Поэтому Колэйна отвели к небольшой кузнице позади жилого дома и, когда я немного позднее заглянул туда, то увидел, как они вдвоем стояли рядом с наковальней и молились. Через некоторое время Андрису де Вету из нашего штаба было приказано собрать расстрельную команду, и, поскольку это задание ему не нравилось, он попросил меня пойти вместе с ним. Мы послали нескольких слуг-готтентотов вырыть могилу, так чтобы она была не видна из дома, чтобы пощадить чувства его жителей, и, приказав троим оказавшимся в саду мужчинам взять винтовки, пошли к кузнице. Поймав взгляд преподобного Крила, де Вет глазами указал на пленного, и священник, тронув того за плечо, сказал: «Брат, будь мужествен, ибо твой час настал!» Колэйн спокойно поднялся с колен, пожал руку пастору и, попрощавшись с охранниками, сказал, что готов. Мы повели его туда, где рылась могила. По пути он заговорил с нами. Он сказал, что знал, что идет на смерть, но он был бедным человеком и взял у англичан деньги, чтобы его жена и дети не голодали. Когда мы подошли, готтентоты заканчивали рыть могилу, и несчастный побледнел, когда увидел ее. Возможно, он до конца не верил в свою судьбу и надеялся на снисхождение. Даже теперь он пытался выиграть время и попросил послать за преподобным, чтобы еще раз помолиться вместе с ним. Потом он повернулся ко мне и попросил, чтобы я привел генерала Смэтса, но мы поняли, что дело надо заканчивать, поэтому де Вет завязал ему глаза и поставил его на краю могилы. Поняв, что это конец, он поднял руки и стал молиться. Когда он произнес «Аминь», они выстрелили. Колэйн свалился на дно могилы и испуганные готтентоты быстро забросали его землей.

Когда мы возвратились, то нашли, что раненные были вывезены из Виндхука и помещены в главный жилой дом. Николас Сварт был все еще жив, тряска, казалось, улучшила его состояние, поскольку он был в сознании и способен говорить. Он был помещен в комнату один, пока остальные были положены на матрацы или на соломе, везде, где хозяйка дома и ее дочери могли найти для них место. Николас был в нездоровом рассудке и решил, что я должен оставаться рядом с ним. Когда я хотел уйти, он схватил меня за руку и не позволил, поэтому генерал Смэтс сказал мне, чтобы я остался, и я провел с ним остаток того дня и всю следующую ночь. Иногда я менял влажный тампон на его ранах. Так прошло двадцать часов, и вскоре после рассвета он, наконец, задремал. С этого момента он начал выздоравливать, и через месяц снова был в порядке. Из остальных раненых умер только один, остальные быстро оправались благодаря хорошему уходу и замечательному климату.

Сам лагерь в Виндхуке не стоил тех потерь, в которые обошелся его захват, но зато теперь англичане отказались от мысли вытеснить нас на север от Олифантса и оставили нас в покое в этом районе, который мы уже начали считать своим. Генерал Смэтс снова разделил команду на небольшие отряды, потому что пока уму не была нужна большая сила. Это повлекло за собой много работы для членов штаба, который был сохранен, и нам пришлось много ездить, чтобы поддерживать контакт между этими отрядами.

Я, однако, оставался на ферме, поскольку Николас Сварт не хотел слышать о моем отъезде.

В то время как я был здесь, я имел время, чтобы прочитать английские газеты, которые я нашел в лагере в Виндхуке. Из разных писем и статей я понял, что в Англии было много людей, которые считают эту войну несправедливой. Я вырезал одно стихотворение и храню его до сих пор.

Мир на земле, и в людях добросердечие Рождество, 1901

История слишком стара: больше она не вызывает трепета.

Жалость мертва; мир — несерьезное искусство.

Как может слава на Иудейских холмах

Сделайте довольным мое сердце?

Могущественные блески нашего государства должны показать

Более достойное кредо чем десять заповедей или любовь,

Позвольте смерти и мести, обращенной к каждому
противнику
Доказать наше величие.
Почему дразнят нас с мыслями о Вифлеемском
противнике
И унижают славу. И возвеличивают любезность?
Музыка небес — совсем не Гордость нашего народа.
Прости, о Боже! Позволь другим сердцам быть камнем;
Рождественское сообщение Христа потрясает меня как
тростник.
Ни гордость, ни власть, ни страна не могут
потворствовать.
Это кредо дикого животного?

Примерно через десять дней Николасу стало настолько
лучше, что я был в состоянии оставить его, чтобы разыскать
генерала Смэтса, которого нашел на берегах Олифантс-ривер,
ниже по ее течению. До моря оттуда было всего двадцать пять
миль. На следующий день он послал меня объехать окрестные
отряды с приказом собраться. Через сорок восемь часов собралось
шестьдесят или семьдесят человек, и с ними мы отправились к
побережью, к небольшой бухте Фишуотер. Мы проехали станцию
Миссия Эбенезера и к полудню через просветы в дюнах увидели
блеск моря. Забавно было наблюдать выражение лиц мужчин,
которые никогда не видели водного пространства большего
размера, чем пруд на ферме, и, когда мы пересекли последние
дюны, они с изумлением уставились на водную гладь, которая
уходила за горизонт.

Они как по команде, осадили лошадей, а затем так же
единодушно, словно древние греки, в едином строю бросились
вперед с криками: «Море! Море!». Каждый хотел первым
доскакать до воды.

Скоро они сбросили одежду, и не могли помешать им войти в
волны, но хотели предостеречь их не забираться слишком
глубоко. Это было бесполезно — они спустились с седел,
разделись до пояса и вошли в прибой, хохоча всякий раз, когда
волна накрывала кого-то с головой.

Через некоторое время генерал Смэтс приказал троем из нас
проехать по берегу к находившимся недалеко хижинам и
спросить там, не появлялись ли здесь солдаты. При этом
произошло забавное столкновение с рыбаком-готтентотом. Он
смотрел с открытым от удивления ртом на вооруженных буров,
скачущих по воде, и, видя его удивление, я остановил мою

лошадь и приказал, чтобы он показал мне, где проходит дорога. Он сказал, 'Какой дорога, хозяин?' Сделав сердитое лицо, я ответил, «Дорога в Англию, дурак, и покажи мне ее немедленно, потому что сегодня вечером мы хотим захватить Лондон!» Он уставился на меня на мгновение, и затем воскликнул: «Мой Бог, хозяин, не делайте этого; здесь такая глубина, что вас накроет с головой и вы все утоните!»

Когда позднее я встретил Марица и рассказал ему эту историю, он сказал, что двое из его людей недавно поехали по берегу в Заливе Ламберта, где английский крейсер стоял на якоре недалеко от берега. Спешившись, они открыли огонь. Их пули барабанили по бронированным бортам, не причиняя им вреда, а когда команда навела на них орудие на них, они поторопились исчезнуть в дюнах, но теперь они могли сказать, что принимали участие в единственном морском сражении войны! Той ночью мы разбили лагерь в дюнах, сидя без дела у костров из плавника, обсуждая, кто что видел и кто что расскажет, когда вернется домой.

Мы провели здесь еще два дня, плавая на лодке в устье реки и помогая местным рыбакам вытягивать сети. Потом мы возвратились по Олифантс-ривер к началу пути, гордясь тем, что мы на лошадях вошли в море.

XXV. Последняя фаза

Теперь генерал Смэтс огласил свои дальнейшие планы.

К северу, на расстоянии в сто пятьдесят миль, находился О'Окип — большое месторождение меди, с поселками Спрингбок и Конкордия. Там находятся британские гарнизоны, и он решил туда наведаться. Он рассчитал, что при его попытке захватить эти города англичане направили бы туда подкрепление по морю. Тогда он направился бы на юг и вошел в населенные бурами районы вокруг Мыса Доброй Надежды. Во всяком случае, именно такие слухи ходили среди нас, и все были воодушевлены мыслью о совершении рейда к Столовой бухте. Некоторые даже поговаривали о том, чтобы захватить Кейптаун, и в штабе нам приказали снова собрать разрозненные отряды.

Через несколько дней коммандо было собрано, и мы пошли на север по бесплодным пространствам Намакваленда.

Из-за трудностей снабжения едой и водой мы шли небольшими отрядами, и всем было дано указание собраться в Камьесбергелле. Генерал Смэтс со своим штабом шел своим маршрутом в миссионерской станции Лельефонтейн, которой мы достигли через шесть дней.

Мы нашли это место, заброшенное и разоренное, и среди камней вокруг сожженных зданий лежало двадцать или тридцать мертвых готтентотов, все еще сжимающих старые кремневые ружья. Это была работа Марица. Он приехал в станцию с несколькими людьми, чтобы поговорить с миссионерами, но вооруженные готтентоты попытались его захватить, и им едва удалось спастись. Чтобы отомстить за это, он на следующее утро появился там с более сильным отрядом и уничтожил поселение, что для большинства из нас казалось совершенно неоправданным и слишком жестоким. Генерал Смэтс ничего не сказал, но я видел, как он обошел убитых и, когда он вернулся, то почти не разговаривал и был очень вспыльчив, что всегда служило у него признаком плохого настроения.

Мы жили среди гниющих трупов в течение нескольких дней, поскольку должны были ждать здесь новостей о том, что наши силы были от медных рудников на таком расстоянии, с которого можно их атаковать, и только тогда перешли поближе к ним. В Сильвермоунтинс мы нашли Боувера с его людьми, а также Марица с его отрядом, но, поскольку ван Девентер отсутствовал, меня послали на его поиски.

Я начал этот поиск на рассвете однажды утром, что было самым длинным непрерывным периодом за все время войны, в

течение которого я не спал и не отдыхал — это продолжалось восемьдесят часов. Весь первый день я непрерывно ехал, сменяя лошадей (мои две запасные лошади были все время вместе со мной), расспрашивая фермеров и пастухов о нахождении коммандо. Наконец, с помощью проводника к полуночи я нашел ван Девентера и передал ему приказ, после чего он сразу тронулся в путь. Я должен был ехать вместе с ним и ехал всю ночь и большую часть следующего дня, и только к закату мы добрались до генерала Смэтса и остальной части нашего коммандо в Сильвермоунтинс. Будучи в седле тридцать шесть часов, я надеялся отдохнуть, но в сумерках раздался сигнал и коммандо выступило к Спрингбоку, до которого было тридцать миль. Сначала наш путь проходил среди холмов, и мы двигались медленно, затем по открытой равнине. К четырем часам утра мы были рядом с поселком, другие отряды уже заняли свои позиции, на которые они вышли с помощью местных фермеров. Спрингбок лежит в трех милях от О'Окипа и на таком же расстоянии от Конкордии, и все три пункта были заняты британскими гарнизонами и служившими у них готтентотами. Каждый пункт должен был быть атакован в определенное время, и первым был Спрингбок. Его защищало примерно сто двадцать человек, но они занимали три хорошо укрепленных форта на возвышенности, которые прикрывали все подходы, что сводило на нет наше численное преимущество (у нас было около четырехсот человек), тем более что примерно половину наших сил надо было выделить для наблюдения за Конкордией и О'Окипом на случай вылазки англичан.

Всякий раз, когда начиналось сражение, штаб превращался в обычных рядовых, и теперь я находился под командованием Боувера в составе группы, которая должна была занять низину, по которой проходила от главной дороги на О'Окип отходила дорога к Спрингбоку.

Каждый отряд спокойно занимал в темноте выделенное ему место, но никто не пытался атаковать форты, поскольку ожидалось, что они сами капитулируют, когда окажутся в изоляции.

Форт номер один, с которым мы должны были иметь дело, был большим круглым зданием, стоящим на терриконе шахты. Он имел много бойниц и подходы к нему были покрыты проволочными заграждениями, и, хотя его и защищало менее трех дюжин солдат, они могли держать под обстрелом все подходы, поэтому взятие его было делом нелегким, и могло стоить нам больших потерь.

Форт номер два стоял в нескольких сотнях ярдов от него, на

низком холме, а номер три — на скале, которая господствовала над дальней частью поселка.

Наш отряд, численностью примерно в сорок человек, с помощью проводника прошел к перешейку и там остановился, чтобы посоветоваться. Ночь была черна, и, поскольку никто из нас не знал точно, где расположен наш форт, (хотя проводник сказал, что рядом), мы решили послать маленький патруль, чтобы уточнить обстановку. С нами было два ирландца, Лэнг и Галлахер, члены коммандо Боувера, и, с ирландской любовью к взрывчатым веществам, они накануне добыли в соседних шахтах некоторое количество динамита и фитилей и сделали из этого полдюжины ручных гранат. Они хотели испытать их в действии и предложили мне и Эдгару Данкеру пробраться вместе с ними к стене. Оставив остальных позади, мы наощупь пошли вперед, пока не стали различать смутный контур стены. Тогда ирландцы накрылись одеялом и зажгли фитили у двух гранат.

Когда фитили загорелись, одеяло было отброшено в сторону и гранаты с шипением полетели, пока мы, вжавшись в землю, ждали результата. Гранаты взорвались одновременно со страшным грохотом, и мы помчались вперед, чтобы обнаружить, что они взорвались в пустом краале, не причинив никому вреда.

Шум, однако, разбудил врага, поскольку мы слышали из темноты хриплое: «Стой! Кто идет?», сопровождавшееся стрельбой, при вспышках которой мы увидели форт в пятнадцати или двадцати ярдах от нас, изрыгающим огонь из всех амбразур. Одна пуля попала в верх стены крааля, из-за которой я выглядывал, и частицы свинца и никеля брызнули мне в лицо. Сначала я думал, что ослеп, но все оказалось не так серьезно, и частички металла, ропавшие под кожу, удалили ножом на следующий день.

В это время, поскольку огонь был сильным, нам оставались только присесть под покрытием крааля, иногда постреливая, но не делая никаких попыток продвинуться к форту, поскольку мы были уже ближе, чем хотели. К настоящему времени был открыт также сильный винтовочный огонь из других фортов, что говорило о том, что там наши люди тоже расшевелили осиные гнезда, и, когда на нашем фронте было небольшое затишье, мы убежали назад на перешеек, позади которого оставались остальные.

Генерал Смэтс выехал из темноты, пока мы обсуждали наши следующие действия и, поскольку уже рассветало, он приказал, чтобы мы остались здесь и следили за тем, что бы никто не вошел в форт и не вышел из него в течение этого дня. Дав нам инструкции, он пошел посетить другие посты, а наши люди

распределились среди камней, чтобы наблюдать за фортом. Я же решил выполнить свой собственный план. Пока окончательно не рассвело, я пробежал в возвышенности позади форта. Здесь я нашел удобный камень в пределах сорока ярдов от врага, и залег, чтобы пождать, пока видимость не станет достаточно хорошей для стрельбы. Как только солнце взошло, я начал посылать пули в амбразуры, пока не опустошил свои нагрудные патронташи.

Солдаты в форте пробовали определить мое местонахождение, но рядом был куст, который меня скрывал, и, хотя случайная пуля чиркнула рядом, я не был обнаружен. Когда я почти израсходовал боеприпасы, то пополз от камня до камня, пока не оказался в безопасности за склоном, после чего смог присоединиться к своим товарищам, довольный тем, что доставил обитателям форта неприятности. Этот день был моим днем рождения — третьим, которое я встретил на войне. Остаток дня мы делали ручные гранаты, поскольку были настроены той ночью сделать еще одну попытку.

Генерал Смэтс нанес нам еще один визит, и, наблюдая за нашими усилиями, сказал, чтобы мы поделились динамитом с другими фортами, где он тоже мог бы пригодиться. Когда стемнело, все было готово. Коммандант Боувер привел еще несколько человек, и было решено, что меньшая группа снова должна пройти к форту, чтобы бросить динамит, после чего остальные прорвались бы к форту.

Боувер, два ирландца, я и Данкер и я сформировали авангард. Неся ботинки в руках, чтобы не шуметь, мы шли к насыпи, на которой стоял форт. Спокойно поднявшись, мы достигли внешнего круга проволочных заграждений, тревогу никто не поднял, и, поскольку дальше пройти было нельзя, мы присели за кромкой, и каждый зажег и бросил бомбу. Почти все они взорвались на крыше, и вслед за этим последовала секунда или две мертвой тишины, что могло обозначать, что обитатели форта мертвы или оглушены, но, когда мы стали пробираться через проволочные заграждения, из амбразур на нас обрушился сильный огонь, заставив нас спрятаться. Когда прозвучали взрывы, остальные из нашего отряда бросились в атаку, но тоже вынуждены были отступить, и попадали прямо на нас, так что мы, хохоча, с трудом смогли распутаться. Несмотря на сыпавшийся на нас град пуль, генерал Смэтс прибыл к нам, и, поднявшись на насыпь, чтобы осмотреть форт, сказал Боуверу оставаться на месте, потому что солдаты сами рано или поздно сдадутся. Правда, пока они такого намерения не показывали, потому что на предложения капитулировать они отвечали стрельбой, поэтому мы снова укрылись за кучами щебня и стали ждать дальнейшего

развития событий.»

В течение всего этого времени шла стрельба из других двух фортов, и через некоторое время мы услышали глухой взрыв во втором форте, сопровождаемый торжествующими криками наших людей. Скоро крикнули, что Альберт ван Ройен из нашего штаба с помощью единственной гранаты заставил защитников сдаться. Судя по внешнему виду, самой трудной задачей было взять третий форт, который стоял на высокой скале, словно замок над Рейном, и не было надежды легко им овладеть. Тем не менее, там тоже взорвалась бомба, и мы услышали голос Бена Котце, который предлагал защитникам сдаться. Вскоре раздались ликующие крики, говорившие о том, что третий форт тоже сдался. Мы крикнули об этом защитникам первого форта, но они ответили нам насмешками и залпами. Мы бросили в них оставшиеся бомбы, но без особого успеха, потому что, как мы потом обнаружили, стальные прогоны крыши хотя и погнулись, но выдержали взрыв.

Поскольку наш запас гранат был исчерпан, генерал Смэтс приказал мне пробраться вокруг внешней стороны деревни к третьему форту и принести динамит от Марица, у которого должен был быть большой запас. Я пополз, чтобы избежать пуль, а потом, вместо того, чтобы обойти форт на большом расстоянии, побежал со всей скоростью по улице мимо темных зданий.

Когда я достиг третьего форта, то увидел, что из верхних амбразур шел свет, поэтому я поднялся по узкой полуобвалившейся лестнице и пролез через стальной люк внутрь, где и нашел Марица и нескольких его людей, которые при свете фонаря разбирали боеприпасы и оружие. Поразительно, но англичанам в голову пришла та же мысль, что и нам, и они тоже стали делать самодельные гранаты, и там было их несколько дюжин, только поменьше размером, чем наши.

Любопытной особенностью военных действий при О'Окипе было использование, сначала бурами, и затем защитниками фортов, бомб из динамита». (История войны «Таймс») Заполнив мешок, сколько я смог унести, я сопровождал Маритца туда, где были собраны его пленные, в гостинице поблизости. Их было приблизительно тридцать, включая офицера, бывшего комендантом поселка. Я попросил его дать мне письмо к коменданту первого форта с советом сложить оружие. Это он категорически отказался сделать. Он сказал мне, что был вынужден сдать его форт, потому что часть его была построена на выступающих деревянных балках, а некоторые из наших людей пролезли под ними и заложили туда динамит, так что сопротивление стало бесполезным, но он сказал, что если у

защитников первого форта есть возможность держаться, то он желает им удачи.

Единственное, что я смог от него добиться, было нацарапанное карандашом на деревянном бруске сообщение г. Стюарту, коменданту форта, о том, что форты 1 и 2 захвачены и что тот теперь должен действовать согласно обстоятельствам.

С этим посланием и бомбами я возвратился еще раз через улицы и достиг насыпи перед фортом в полной безопасности. Когда я сказал генералу Смэтсу, что у меня есть послание для г. Стюарта, он сказал, что я должен был подняться наверх и передать его ему. Это было легче сказать, чем сделать, поскольку, когда я поднялся, меня остановили проволоочные заграждения, а солдаты продолжали стрелять. Однако, я встал и крикнул: «Мистер Стюарт, мистер Стюарт, вот письмо для Вас!». Наступила тишина, сопровождаемая ропотом голосов людей, которые переговаривались рядом, а затем грубый голос спросил, что мне нужно от мистера Стюарта. Я сказал, что предлагаю ему сдаться, после чего мне посоветовали пойти к черту, и снова началась стрельба, от которой я смог скрыться, только спрыгнув с насыпи.

На самом деле, хотя мы тогда этого не знали, к тому времени Стюарт был мертв уже много часов, но его люди держались до конца.

Генерал Смэтс, видя их решительность, приказал бросить бомбы, которые я принес. Мы это сделали, но они оказались слишком слабыми и вызвали только поток оскорбительных замечаний и усиление стрельбы. Тогда Смэтс приказал Боуверу взять своих людей и перекрыть подходы к форту, надеясь, что голод и жажда заставят солдат капитулировать. Когда это было исполнено, я снова пошел в город, поскольку, проходя через него, услышал ржание лошадей в загоне и решил их найти.

Пройдя немного ошупью по главной улице, я нашел стойло, и, чиркая спичкой, увидел двух прекрасных животных рядом с яслями. В то время как я выводил их, я услышал, что приближается всадник. Когда он оказался рядом, я схватил его лошадь за узду, чтобы он не смог двинуться, одновременно направив на него свою винтовку. Оказалось, что это был английский офицер, лейтенант Макинтайр, который, когда прошло первое удивление, сказал мне, что он более недели провел в патрулировании около реки Оранжевой.

Он слышал звук стрельбы, когда приближался к Спрингбоку, но не знал, что город был окружен.

Я освободил его от лошади, Ли-Метфорда и револьвера «Уэбли» (оружия, о котором я долго мечтал), и, поскольку гостиница, в которой отдыхали Мариц и его люди, была хорошо

освещена, я направил туда своего пленного, поскольку не хотел с ним возиться. Он сделал вид, что пошел туда, но я обнаружил впоследствии, что он пошел в другую сторону и пробрался мимо наших людей к О" Окипу, где я снова услышал о нем несколько дней спустя, когда снова оказался там, чтобы потребовать его сдачи. Что касается остальной части его патруля, то я мог слышать звон их оружия и топот лошадиных копыт, и понял, что они ждали своего офицера рядом в темноте, поэтому закричал на голландском языке и сделал несколько выстрелов, что заставило их поскакать назад, и на восходе солнца наши мужчины окружили их на холмике в миле или двух, потому что их лошади были слишком усталыми, чтобы скакать дальше.

Я вел трех захваченных лошадей, и по пути наткнулся на Эдгара Данкера, который искал магазин, который можно было ограбить. Мы пожали друг другу руки и, идя дальше по улице, увидели открытый освещенный дверной проем. Здесь мы нашли комнату, полную солдат, все еще с винтовками в руках. Когда мы появились, некоторые встали, и один из них сказал, что они были защитниками первого форта, которые так упорно не желали сдаваться. Они терпели до последней возможности, но вода у них кончилась, и они были вынуждены оставить его. Видя, что наши люди спустились с насыпи, они осторожно прошли в город, надеясь найти жилой дом, в котором есть запасы воды в цистернах, где они могли бы продолжить борьбу. Когда мы появились, они поняли, насколько малой была их надежда на дальнейшее сопротивление, и, после того как мы с Данкером помогли им найти немного воды на заднем дворе, мы отвели их в гостиницу, где они должны были присоединиться к своим товарищам.

Мы хотели увидеть внутреннюю часть первого форта, поэтому зажгли фонарь, и, взяв одного из солдат в качестве проводника, пошли смотреть. Перед входом был сделан зигзагообразный проход, выложенный из мешков с песком, а дверной проем был настолько низок, что мы должны были вползти внутрь. От пола до крыши стояла огромная железная цистерна для воды, занимавшая большую часть тесного пространства. В нее попало очень много пуль, поэтому вода вытекла, и в конце концов солдатам пришлось оставить форт. На своего рода платформе лежало несколько мертвецов. Один из них был г. Стюартом, и другой был молодым местным добровольцем, по имени ван Куворден, сыном доктора из Голландии. Обеими пули попали в голову, и наш провожатый сказал, что они были убиты снайпером со стороны скалы, которую он показал мне, когда стало светло. Это была та самая скала, из-за которой я стрелял предыдущим

утром, и я почти не сомневался, что эти двое погибли от моих пуль.

Весь поселок был теперь в наших руках. Конечно мы намного превосходили численностью солдат, но все же это была хорошо сделанная работа, поскольку мы захватили более сотни пленных, и большое количество винтовок, боеприпасов и провианта, не потеряв ни единого человека убитым или раненым, и это против укреплений! Генерал Смэтс собрал всех после рассвета в большом жилом доме, и мы, члены штаба, стали приводить в порядок все захваченное, чтобы использовать для своих надобностей.

Поскольку я провел три дня и три ночи без сна и отдыха, я нашел кровать и упал на нее, не разуваясь. Я проспал сутки и проснулся только утром следующего дня, когда обнаружил своего друга Николаса Сварта сидящим у кровати рядом со мной. Он почти оправился от ран и только что прибыл с юга. Он сказал, что генерал Смэтс взял людей ван Девентера и Боувера и повел их на соседний городок Конкордию, но особо сказал, чтобы меня не тревожили, поэтому они ушли без меня. Николас сказал, что позаботится о моих запасных лошадях, поэтому я оседлал свою кобылу Джинни и поехал за ними.

Когда я был в пяти милях от Конкордии, она только что сдалась. Приблизительно сто пятьдесят человек было взято в плен, это была пестрая толпа добровольцев и готтентотов-слуг. Было захвачено большое количество оружия, одежды и других запасов.

Видя такой успех, генерал Смэтс послал меня с Мулларом в О'Окип, самый большой поселок, с письмом, требующим его сдачи.

Мы поскакали с куском белой ткани на палке, и, поскольку до этого места было всего четыре мили, скоро были там. Я сразу увидел, что это крепкий орешек — вокруг были блокаузы, между ними заграждения из колючей проволоки, а в середине стоял большой форт на холме конической формы. Когда мы приблизились к ближайшему блокпосту, полдюжины солдат выбежали нам навстречу, и, когда я сказал им, что у нас письмо от нашего генерала, который требует их сдачи, один из них направил на меня ствол винтовки и произнес: «Сдаваться! Будь проклят тот, кто сдастся! Мы ребята из Бирмингема, и мы ждем вас!», так что здесь дело выглядело бесперспективным. Пока мы сидели на лошадях, примчался взбешенный офицер из соседнего блокпоста, который начал оскорблять нас. Офицером он был, но джентльменом — нет. Он кричал, ругался, а затем наставил на нас револьвер и приказал нам поднять руки, а сам обшарил наши карманы. Когда я заметил, что мы находимся под белым флагом,

он приказал нам придержать язык и, завязав нам глаза, пешком повел нас в поселок, продолжая осыпать нас оскорблениями и комментариями по поводу нахальства, с которым мы осмелились требовать сдачи. Я отвечал на его оскорбления, пока он не приставил револьвер к моему лбу и не стал угрожать выбить мне мозги. Я решил, что имею дело с сумасшедшим и замолчал.

Кульминационный момент настал, когда его глаза упали на мою лошадь, которую вели за нами. нас. Я взял седло у лейтенанта Макинтайра, имя которого было написано на кобурах, и тот факт, что я приехал к ним в британском седле и на лошади, отмеченной клеймом британского правительства, вызвал у него новый приступ бешенства, и, выкрикивая всякие непристойности, он толкал и толкал нас вперед, как будто мы были обычными преступниками. Он был самый неприятный, фактически единственный неприятный, англичанин, которого я встретил на войне, поскольку кроме него я не слышал ни одного неприятного слова от офицера или солдата за все время, что мы воевали против них. Так мы достигли своего рода лагеря, если судить по звукам вокруг нас, и здесь нас оставили примерно еще на час, осыпая всякими оскорблениями. Тогда появился другой человек, офицер в более высоком звании, при появлении которого наш мучитель исчез и более не появлялся. Вновь прибывший был разъярен, когда услышал о том, как с нами обращались, он сразу привел нас в палатку, дал каждому по сигаре и охлажденный, напиток. Когда, через некоторое время, ответ прибыл от полковника Шелтона, командующего обороной О'Окипа, наш хозяин лично помог нам сесть на лошадей (поскольку наши глаза по-прежнему были завязаны), и сопровождал нас к месту за пределами укреплений. Там он развязал нам глаза и дружески попрощался с нами.

Ответ, который мы принесли от полковника Шелтона, был изложен более изящном языком чем полученный ранее утром от ребят из Бирмингема, но по сути был примерно тем же — там говорилось, что у него много людей и боеприпасов, а мы можем делать что хотим.

Когда мы вручили этот ответ генералу Смэтсу, он выбрал блокаду. Он сказал, что не очень важно, взял ли он О'Окип или нет, поскольку теперь он имел оружие, боеприпасы, и лошадей в нужном количестве, но ему важно было держать город в осаде, чтобы добиться прихода туда вспомогательных сил, а дальше видно будет.

Чтобы оценить обстановку, он послал нас на разведку через полчаса после нашего возвращения. Мы проехали вперед, пока не достигли линии холмов, опоясывающих город. Отсюда мы могли

видеть, что войска открыто стоят на открытой площади недалеко от главного форта, и казалось, что к ним обращался офицер. Это был, вероятно, полковник Шелтон, перехваченное от него позже сообщение, переданное по гелиографу, показало, что он дал волю своему красноречию и произнес много высокопарных фраз о Британской империи и чести ее флага.

Мы открыли огонь с дистанции в одну тысячу пятьсот ярдов, и, хотя мы не могли видеть, что кого-то задела наши пули, все же мы очистили плац — через несколько секунд, солдаты побежали к своим местам и ответили на наш огонь из блокпостов. Если мы не нанесли англичанам никакого ущерба, то у меня под рукой появилась кровь.

Со стороны города к нам приблизилось большое стадо коз с пастухом-готтентотом. Когда началась стрельба, он погнал стадо к английским позициям, поэтому я подбежал к нему на расстояние, с которого меня можно было услышать, и крикнул ему вести коз к нам, но он не испугался и побежал назад. Глупо было позволить убежать такому количеству мяса, поэтому я прицелился и выстрелил, попав ему в ногу, он упал. Я погнал стадо в нашу сторону, хотя из города продолжали стрелять. Раненый пастух пополз к блокпосту, где его положили на носилки и, я думаю, он оправился от этой раны.

По результатам нашей рекогносцировки генерал Смэтс решил, что будет оправданным закидать гранатами некоторые укрепления. Он сказал, что, поднажав еще немного, мы вынудим власти послать морским путем подкрепления из Кейптауна. Вдали уже мигал гелиограф, посылавший сигналы к порту Ноллот, вне всякого сомнения это была просьба о помощи, и предположение генерала сбылось, потому что через несколько дней мы слышали о прибытии судов со значительными силами.

Мы возвратились к нашему штабу в Конкордии, и, поскольку в медном руднике нашлось большое количество динамита и бикфордового шнура, мы снова приступили к изготовлению бомб.

Той же ночью группу людей Марица послали против двух блокпостов, которые были отмечены в течение дня. Один из них был опорным пунктом на высоком холме в форме сахарной головы, другой был справа на более низком горном хребте.

Группа состояла из двадцати человек, и поскольку командовал ими Бен Котце, мой старый друг, я присоединился к ним, когда они собрались после наступления темноты. Мы вышли из Конкордии, и, когда достигли места, с которого тем днем наблюдали за городом, оставили лошадей, и продолжили путь пешком по пересеченной местности к горному хребту, на котором был расположен меньший блокпост. Мы осторожно поползли

вверх, пока не услышали оклик часового: «Стой! Кто идет?». Бен немедленно зажег и бросил бомбу, рассчитав настолько хорошо, что взрыв разрушил часть стены блокпоста, откуда выскочило десять человек, кувыркаясь и падая. Они принадлежали к Уорквикширскому полку, и, хотя ни один из них не был убит, все были потрясены и ошеломлены. Мы отправили пленных вместе с винтовками и боеприпасами в тыл под конвоем, и затем решили найти второй блокпост на холме. Было настолько темно, что мы заблудились и теперь оказались на городском кладбище.

После блуждания в темноте нас окликнули и обстреляли из форта Шелтон, главной цитадели О'Окипа, расположенного в поселке. Мы отступили, намереваясь отойти к лошадям, но по пути были остановлены в третий раз. Голос, который нас окликнул, звучал с большой высоты над нашими головами. За этим последовали винтовочные выстрелы, при вспышке которых мы увидели блокпост, который искали. Бен Котце сказал, что мы должны подняться к нему наверх, и мы добрались туда невредимыми, потому что стрельба велась совершенно беспорядочно. Достигнув под прикрытием камней вершины холма, мы бросили бомбы на крышу и рядом со стеной, но никакого результата это не дало — солдаты продолжали стрелять. Тогда мы поползли назад, добрались до лошадей и к полуночи вернулись в Конкордию.

Когда генерал Смэтс получил утром наше сообщение, он запланировал еще одну вылазку против того же самого блокпоста в течение следующей ночи. На сей раз бомбометатели были из отряда команданта Боувера, и я пошел с ними. Мы оставили наших лошадей в том же самом месте после наступления темноты, и снова поднялись вверх. Мы бросили больше дюжины бомб, но напрасно; стрельба была очень интенсивной, динамит нельзя было добросить достаточно близко, чтобы это оказалось эффективным, и мы должны были возвратиться с пустыми руками. Наши усилия, должно быть, вызвали тревогу у остальной части гарнизона О'Окипа, поскольку, когда мы отходили, из темноты послышался голос: «Эй, на четвертом номере, как вы там, ребята?», на что прозвучал ответ: «На четвертом блокпосте все о-отлично!», что вызвало большое ликование в поселке.

Следующим утром генерал Смэтс сказал, что, хотя блокпост для нас не имеет никакой ценности но, поскольку мы за него взялись, дело надо довести до конца, и приказал Марицу лично возглавил это мероприятие. С ним пошел маркиз де Керсозон, молодой французский авантюрист, который был его постоянным партнером с самого начала войны. Я тоже пошел, и, как и прежде, нас окликнули, но мы добрались до укрепления в безопасности.

Первое, что сделал Мариц — встал на плечи другого человека, чтобы определить расстояние для броска.

Затем он спустился вниз и связал вместе три бомбы, эта связка весила приблизительно двадцать фунтов. Никакой другой человек, наверное, не мог бы рассчитывать бросить столь тяжелую бомбу на такое расстояние, но Мариц, неуверенно балансируя на плечах одного из его людей, зажег фитиль и швырнул тройную гранату прямо на крышу. Фитиль вспыхнул и шипел в течение секунды или двух, освещая местность на много ярдов вокруг, и затем раздался страшный грохот, и камни и мешки с песком полетели во всех направлениях. Последовала тишина и понимая, что защитники были мертвы или ошеломлены, мы помогли друг другу подняться на скалистую вершину холма и, проползая под проволочными заграждениями, рванулись к входу. Изнутри мы слышали стоны и приглушенный голос: «Прекратите бросать; прекратите бросать» и втиснулись внутрь. При свете зажженной спички мы увидели, что крыша рухнула на солдат. Некоторые из них были мертвы, и остальные лежали на земле. Приблизительно половина из них были из Уорвикского полка, остальные — наемные готтентоты. Сержант сказал нам, что они были в этом форте с самой первой нашей атаки, их специально об этом попросили, и они хорошо держались. Мы вынесли убитых и раненых, забрали оружие и боеприпасы и, заложив динамит в амбразуры, окончательно разрушили форт, а затем вернулись в Конкордию.

Поскольку к другим укреплениям и блокпостам вокруг О'Окипа можно было приблизиться только по открытой местности, генерал Смэтс запретил дальнейшие штурмы фортов и удовлетворился осадой города, пока не прибыли вспомогательные силы. Мы захватили приблизительно двести пленных в других двух поселках и большие запасы продовольствия, поэтому могли себе позволить отдыхать, и следующие две недели прошли спокойно. Я полностью наслаждался затишьем, и даже присвоил маленький дом в Конкордии, чтобы устроить домашний быт с Данкером и Николасом Свартом, который еще не полностью выздоровел от ран и требовал внимания. В услужение себе мы взяли нескольких пленных готтентотов и, поскольку недостатка в продовольствии не было, мы жили хорошо. Генерал Смэтс и остальная часть штаба заняли другой дом, а Мариц и Боувер со своими людьми устроились лагерем в холмах вокруг О'Окипа. Комmando ван Девентера было отправлено в двадцатимильный поход на запад, к железнодорожной линии от порта Ноллот, чтобы не пропустить прибытие вспомогательных сил, которые уже собирались. Так мы спокойно ждали приказа отойти на юг, что

должно было стать самым сильным нашим ударом в этой войне.

XXVI. Мы проиграли

Внешне все выглядело прекрасно. Пять месяцев назад мы вошли в эту западную страну, преследуемые, как преступники, а сегодня мы фактически контролировали целую область от Олифантса до Оранжевой реки протяженностью в четыреста миль, не считая маленьких гарнизонов в редких городах, чьи обитатели не могли показаться за пределами укреплений, не рискуя тут же попасть в наши руки. Им оставалось только наблюдать за нами, в то время как мы бродили по всей территории, куда хотели, и наслаждались своими успехами, которые британцы вероятно расценивали как незначительные инциденты, но которые наши мужчины рассматривали как важные победы, и все это очень поднимало их настроение. К сожалению, в то время как у нас дела обстояли хорошо, ситуация в республиках, на севере, была совсем другой. Тактика выжженной земли, неумолимо проводимая лордом Китченером, постепенно подтачивала мужество коммандос. Мы были вне связи с ними так долго, что не понимали отчаянного положения, в котором они оказались, и наши мужчины судили об их положении по своему, намного более благоприятному. Лично, я был не совсем столь жизнерадостен, поскольку из попадавших мне в руки английских газет я знал кое-что об истинном положении дел, но все же надеялся, что все будет хорошо, и держал свои мысли при себе.

В конце апреля (1902) я выехал однажды днем с Данкером и Николасом Свартом, чтобы обстрелять из укрытия английские посты с другой стороны О'Окипа, и, возвращаясь к нашим лошадям, мы увидели, что с юга по дороге движется фургон с развевающимся над ним белым флагом. Подскакав к нему, мы обнаружили там двух британских офицеров, которые сказали, что являются представителями лорда Китченера.

Мы отвели их к Конкордии. Наши пикеты среди холмов, съехались со всех сторон, чтобы узнать, в чем дело, но офицеры делали вид, что ничего не знают, хотя я в этом очень сомневался.

Когда мы достигли Конкордии, генерал Смэтс принял их в своем доме и, запершись, оставался с ними в течение некоторого времени, после чего он вышел и ушел в вельд один, глубоко задумавшись. Мы сразу поняли, что новости были серьезными.

Тем же вечером он показал мне письмо. Это было сообщение от лорда Китченера, в котором говорилось, что должна состояться встреча между англичанами и бурскими лидерами в Ференигинге, на берегу реки Вааль, чтобы обсудить условия

мира, и он вызван на эту встречу. К письму прилагалось охранное свидетельство, с которым он должен был перейти через английские линии к порту Ноллот, откуда он будет морским путем отправлен в Кейптаун, и оттуда по железной дороге в Трансвааль.

Все это выглядело зловеще, и он очень пессимистично говорил о будущем, но, несмотря на тень, которая нависала над нами, один пункт почти заставил меня забыть темную сторону. Поскольку охранное свидетельство предусматривало секретаря и человека для поручений, он сказал, что я должен был пойти с ним в качестве кого-то из них. Я так восхищался перспективой такой поездки, что больше ни о чем другом думать не мог.

Мужчины были подавлены. Они вынесли огромные испытания, выстояли в тяжелейшей войне, все это на протяжении более чем двух лет, не ожидая за это ни платы, ни награды, и у них все еще была такая огромная вера в цель, за которую они боролись, что, узнав о приглашении Смэтса на мирные переговоры, они были уверены в том, что британцы приняли их условия и готовы восстановить нашу страну.

Было жалко слушать их разговоры, и видеть, что их лица светлеют, когда они говорят о том, что они, наконец, победили, и я, со своей стороны, не мог заставить себя разочаровать их, или даже намекнуть на какой-то иной результат, кроме благоприятного — столь сильной была их вера.

Генерал Смэтс сразу принялся за работу. Следующим утром в О'Окип послали курьера, чтобы сообщать гарнизону, что обе стороны должны были воздержаться от активных военных действий, пока идут переговоры, а два британских офицера продолжали путь к Стейнкопфу, чтобы предупредить вспомогательные силы, которые там собирались, что мы вскоре пройдем через их пикеты.

На следующий день все коммандо с отдаленных постов собрались, чтобы попрощаться со своим командиром. Мужчины выстроились перед зданием суда, все были на лошадях и держали у бедра винтовки, и генерал Смэтс обратился к ним. Он кратко сказал им о цели его поездки и попросил, чтобы они были готовы к разочарованию, если потребуется, но выступление сопровождалось только приветствиями и криками поддержки, потому что все желали ему успеха.

Я пробирался через толпу, чтобы обменяться рукопожатием с теми, кто оказался рядом, другим я просто махал рукой. Здесь я в последний раз видел многих своих хороших друзей и товарищей.

Мы выехали на следующий день, сопровождаемые маленьким патрулем. Я оставил своих запасных лошадей, винтовку и

остальное имущество на попечение Николаса Сварта и Эдгара Данкера, моих лучших друзей, которых я больше не видел. Мы в тот же день добрались до коммандо ван Девентера, которое следило за войсками, подходившими со стороны моря, и в последний раз провели ночь у лагерных костров. Утром мы приготовились к проходу через английские позиции. Когда мы приготовились, генерал Смэтс сказал мне, что его зять, Криге, будет вторым из тех, кого он может взять с собой, и нам надо заранее договориться с ним, кто из нас будет секретарем, а кто порученцем. Я хотел быть порученцем, потому что думал, что это — то же самое, что адъютант, а Криге стал секретарем. После этого мы оседлали лошадей и, попрощавшись с ван Девентером и его людьми, поскакали вниз по долине к английским линиям. Внизу нас встретил полковник Коллинз, который командовал вспомогательными войсками. Здесь у нас забрали лошадей и, когда мы спели гимн нашего коммандо и дали прощальный залп в воздух, они поскакали в сторону английских войск, которые выстроились в линию вдоль дороги. С ними ушла последняя частица свободной жизни и всего, что было заключено для нас в этом понятии.

Нам пригнали фургон, в котором генерал Смэтс, Криге и я были доставлены в большой лагерь около железнодорожной линии, где в нашу честь стоял почетный караул. Сзади толпились английские солдаты, чтобы посмотреть на бургских эмиссаров. Только сейчас я понял, что сделал неверный выбор — порученец был вроде денщика, а секретарь имел положение официального лица. Криге был приглашен в палатку полковника Коллинза вместе с генералом Смэтсом, а я остался снаружи вместе с солдатами. Час спустя, когда нас сажали на поезд, идущий в порт Ноллот, их со Смэтсом с церемониями проводили в первоклассное купе, а мне пришлось ехать на открытой платформе, предназначенной для перевозки скота, вместе с багажом. Тем не менее, быть во вражеском лагере и путешествовать по железной дороге впервые в течение почти двух лет было настолько захватывающим, что мне не было никакой разницы, как путешествовать, и потом мы с Криге посмеялись над разницей наших положений. Всякий раз, когда он выглядывал из окна вагона и видел, как я сидел на платформе позади, он начинал громко хохотать, и я вместе с ним, над тем, что он неожиданно стал офицером, а я — прислугой.

Когда поезд остановился у следующей станции, генерала Смэтса и его секретаря встретил другой почетный караул и в их честь был устроен завтрак, пока я с денщиками сидел на кухне. Зато при следующей остановке меня ожидало неожиданное

повышение по службе. Гусарский офицер, капитан Беркли, которому было поручено нас сопровождать далее к берегу, увидел меня и спросил генерала Смэтса, кто я такой. Генерал Смэтс сказал ему, что в коммандо все равны, но я постоянно находился у него в подчинении, и он думает, что мой отец может принять участие в мирной конференции. Капитан Беркли позвонил полковнику Коллинзу и сказал, что сын госсекретаря Трансвааля находится на положении денщика, а затем подошел ко мне и сказал: «Молодой человек, Вы — начальник штаба генерала Смэтса, поэтому присоединяйтесь к нам». Он в шутку уверил меня в том, что продвижение по службе за одно утро от денщика до начальника штаба — самое быстрое за всю историю всех армий мира.

К вечеру мы достигли Ноллота, небольшого унылого морского порта, где стояло на якоре много судов для перевозки солдат. Один из кораблей, «Озеро Эри», был под парами, и когда поезд остановился на станции, катер был уже готов отвезти нас туда.

Это было концом нашего длинного скитания. Мы стояли на пристани, тихо оглядываясь назад, на дорогу, по которой приехали, и все были заняты своими собственными мыслями. Я не знаю, что было в мыслях моих компаньонов, но возможно они тоже думали о длинном пути, который нам пришлось совершить, походных кострах на горах и равнинах, хороших людях и прекрасных лошадях, которые были мертвы.

С тяжелым сердцем мы сели в катер, который должен была доставить нас на судно, и, едва мы оказались на борту, он снялся с якоря, и мы отправились на юг. Несмотря на нашу миссию, путешествие доставило мне огромное удовольствие. После двух лет полной лишений походной жизни мы имели роскошные каюты, с мягкими кроватями, стюард по утрам подавал нам кофе, мы могли воспользоваться ванной, и готовой едой, о которой я почти забыл. Все это походило на сон, и я наслаждался каждым мгновением этой жизни.

Мы достигли Кейптауна через пять дней, и были перевезены в Саймонстаун на борту линкора «Монарх». Здесь мы снова провели неделю в полном комфорте, потому что капитан Пиркс и все офицеры соперничали друг с другом в стремлении показать нам свое дружелюбие. Британцы, со всеми их недостатками, очень великодушная нация, и не только на военном корабле, но и в течение всего времени, пока мы находились среди них, не было сказано ни одного слова, которое могло задеть наше самолюбие или задеть нашу гордость, хотя они знали, что мы потерпели поражение.

Вскоре поступило распоряжения отправить нас на север. Мы переехали на берег после наступления темноты к пристани ниже железнодорожной станции Саймонстаун, и нас посадили на поезд, который был готов к отправлению. Мы проехали через предместья Кейптауна и затем свернули на главную линию в Солт-ривер-джанкшн, чтобы на следующее утро оказаться в Матьесфонтейне, в Кару. Туда на встречу с нами прибыл генерал Френч. Он оказался невысоким сварливым человеком, который нам очень не понравился, хотя и старался казаться дружелюбным. Он говорил с нами в течение часа, задавая генералу Смэтсу разные неуклюжие провокационные вопросы, на которые тот легко отвечал. Когда он понял, что прогресса не добьется, то стал вести себя более естественно и рассказывал о своем участии в войне. Во время этого разговора мы и узнали, что он просто чудом избежал участи попасть в наши руки у Стормбергена.

От Матьесфонтейна мы продолжали нашу поездку, двигаясь только ночью, перед нами ехал бронепоезд с прожекторами, освещавшими вельд. Каждый день нас уводили в какое-нибудь уединенное место и держали там до темноты, поэтому двигались мы медленно. Мне сказали, что это делалось для того, чтобы трансваальцы, зная о том, что мы едем из Кейпа, не решили, что положение не так плохо, как им кажется. Поэтому лорд Китченер хотел, чтобы мы появились уже тогда, когда все соберутся и пути назад уже не будет. Однако потребовалась почти неделя, чтобы добраться до Кронстада на севере Свободного Государства, где лорд Китченер должен был нас встретить. Вскоре после нашего прибытия он был на станции на великолепном вороном жеребце, в сопровождении многочисленной свиты, включавшей даже индусов в восточных костюмах и тюрбанах с позолоченными ятаганами.

Его свита ждала снаружи, когда он вошел в наше купе, чтобы поговорить с нами. Он стремился завершить войну, поэтому снова и снова говорил о безнадежности нашей борьбы и сказал нам, что у него было четыреста тысяч войск в Южной Африке против наших восемнадцати тысяч. Он сказал, что был готов позволить бюргерам сохранить лошадей и седла в знак признания их заслуг, и что британское правительство поможет восстановить разрушенные фермы, уничтоженные по военной необходимости.

Генерал Смэтс обвинил его в том, что по его приказу были незаконно казнены наши люди в Кейпе, но все же признал, что мы использовали английскую униформу для того, чтобы ввести его солдат в заблуждение.

Перед отъездом Китченер сказал нам, что мы должны были добраться в Восточный Трансвааль и найти генерала Боту, и что

конференция в Ференигинге сможет начаться только после этого.

Таким образом, из Кроонстада, все еще в сопровождении бронепоезда, мы пересекли реку Вааль и оказались в Трансваале. Мы прошли Йоганнесбург ночью, и здесь нас развернули на восток по линии, ведущей в Наталь, пока мы не приехали в город Стандертон, где оставили поезд и отправились на повозке по линии блокпостов, которая проходила прямо по высокому вельду. Там находились небольшие английские лагеря, в каждом из которых находились войска, которые относились к нам вполне дружелюбно.

Мы путешествовали в течение полутора дней, пока не достигли пункта, где нас ожидал отряд всадников, посланных генералом Ботой. Они привели запасных лошадей, поэтому мы оставили повозку с солдатами и, пересекая страну, путешествовали в течение двух дней по голым и пустынным равнинам, к тому месту, где нас ожидал командант-генерал. Здесь было собрано приблизительно триста человек. Это были делегаты от всех командос в восточного Трансваала, прибывшие, чтобы выбрать представителей на мирный конгресс, который состоится в Ференигинге, и ничто, возможно, не показывало более ясно, что силы буров были истощены — это были голодные, оборванные люди, их тела были укрыты кожей или дерюгой и покрыты язвами от недостатка соли и недоедания, и это было большим ударом для нас, потому что мы прибыли из мест с намного лучшими условиями. Их дух был сломлен, они находились на пределе своих физических сил, и мы поняли, что если эти измученные и истощенные люди были выбраны из трансваальских командо, война безвозвратно проиграна.

Еды было так мало, что сам генерал Бота смог предложить нам только пять полос бильтонга, и сказал нам, что, если бы за две недели до этого они не захватили у англичан небольшое стадо, он не смог бы даже приехать на эту встречу.

Я сразу спросил о моем отце и трех братьях. Генерал Бота знал об отце. Он сказал мне, что тот был с одним из северных командо, и будет по всей вероятности участвовать на предстоящей конференции. Он не мог сказать мне ничего о моих братьях, но расспрашивая людей, я узнал, что мой самый старший брат, Хьялмар, был захвачен австралийцами больше чем за год до этого, а мой второй брат, Жубер, был взят в плен, когда лежал с приступом малярийной лихорадки в низкой стране, очевидно не много времени спустя после того, как я в последний раз встретился с ним в Уорм Батс в конце 1900 года, а о самом младшем, Арнте, я так ничего и не узнал.

На следующий день прошли выборы. Даже в бедственной

ситуации буры не утратили способности спорить до хрипоты и состязаться в красноречии. Кандидатуры делегатов выдвигались, утверждались, отвергались и выдвигались повторно, но все же к вечеру голосование было закончено и примерно тридцать делегатов было выбрано.

Следующим утром собравшиеся разошлись — буры на своих голодных лошадях направились к своим командам, а генерал Бота с делегатами направились в сторону английских блокпостов.

Мы прибыли туда к следующему вечеру. Войска снабдили нас продовольствием, поскольку мы голодали, и мы теперь возвратились к Стантену, где солдаты с внимательным уважением смотрели на нашу оборванную кавалькаду. Оттуда мы направились в Ференинг, небольшой шахтерский поселок на берегу реки Вааль, где два года назад я наблюдал за тем, как ирландцы при отступлении с юга жгли железнодорожные склады.

Британцы подготовили для нас большой палаточный лагерь, и едва ли не первый человек, которого я увидел, войдя в лагерь, был мой отец, заросший и неопрятный, но сильный и здоровый, и наша встреча после столь долгой разлуки была очень радостной.

Теперь прибыли делегаты от остальной части Трансвааля и от Свободного Государства. Там были все известные люди — генерал де ла Рей, Христиан де Вет, президент Стейн, Кемп и многие другие, лучшие из бурских бойцов. Мы узнали от генерала де Вета, что мой младший брат служил под его командованием в течение более года, и что сейчас он жив и здоров, таким образом все прояснилось. Хотя двое были в плену, все же нам повезло больше, чем большинству семей, большинство которых оплакивало своих мертвых, тогда как все пятеро из нас были все еще живы.

Я немного знаю о ходе мирной конференции, поскольку не был делегатом, но результат ее был неизбежен и предсказуем. Рассказы всех представителей были похожи — голод, нехватка лошадей, боеприпасов, и одежды, и то, что развитая система блокпостов душила их усилия продолжать войну. Добавлением к этому был тяжелый список умерших женщин и детей, (двадцать пять тысяч которых уже умерло в концентрационных лагерях), и полной разрухе, постигшей страну. Все фермы были сожжены, все посеы и домашний скот уничтожены, и не оставалось ничего другого, как только поклониться неизбежности.

После продолжительных дебатов конференция приостановила ее заседания на день, пока генерал Бота, мой отец, генерал де ла Рей и другие съездили в Преторию, чтобы заключить окончательное соглашение с лордом Китченером и лордом Мильнером.

По их возвращению мир стал свершившимся фактом.

Мы потерпели поражение, но никакого плача или стоны по этому поводу не было. Все приняли это стоически, и делегаты вернулись к своим командам, чтобы сказать им о условиях капитуляции. Я не стал возвращаться в Кейп, чтобы сообщить эту новость оставшимся там нашим людям, потому что мой отец настоял на том, что бы я остался с ним, когда генерал Смэтс отправился на юг. Когда он зашел попрощаться со мной, то сказал, что боится сообщать нашим людям это известие. Нам было тяжело думать о том, какое разочарование их ожидает. Мы в последний раз обменялись рукопожатием, затем он ушел.

Моего отца посылали в низкую страну, чтобы организовать разоружение командо, с которым он служил. Мы поехали по железной дороге к станции Балморал на линии к бухте Делагоа, и оттуда верхом в дикую местность, через которую мой брат и я ранее проезжали в поисках генерала Бейерса. После трудного двухдневного похода мы нашли лагерь, и мой отец исполнил свой тяжелый долг — сообщил людям, что все закончено. Большинство из них восприняло это спокойно, но некоторые разразились проклятиями и кричали, что никогда не сдадутся. Мой отец, хотя он сам голосовал против мира на конференции, указал им, что они должны или подчиниться тому, что произошло, или покинуть страну, как он сам намеревался сделать. Это успокоило самых буйных, и на следующий день отправились в Балморал, где бойцы должны были сдать свои винтовки. Над этой угнетающей церемонией наблюдал английский офицер, сидевший за столом под деревьями, рядом с полком солдат. Несмотря на его протесты, наши мужчины расстреляли все боеприпасы в воздух, разбили приклады винтовок и молча бросали сломанное оружие, перед тем, как подписать свое имя под обязательством соблюдать условия мирного соглашения.

Когда пришла очередь моего отца, он передал винтовку ответственному офицеру, но отказался поставить подпись. Он сказал, что, хотя он был одним из подписавших мирный договор, при подписании он сказал лорду Мильнеру, что подписывает договор только как госсекретарь Трансвааля, но не как частное лицо, и лорд Мильнер принял это к сведению.

Офицер указал, что ему не будет разрешено остаться в стране, и мой отец согласился. У меня не было определенного мнения на этот счет, но я поддержал отца и тоже отказался поставить подпись. Мне сказали, что я тоже должен покинуть страну, что в тот момент не очень меня волновало, потому что я хотел посмотреть мир.

Когда все было закончено, мужчины разъехались своим

путем, чтобы посмотреть, что осталось от их домов и их семей.

Мы с отцом отправились на станцию Балморал, где получили сообщение от лорда Мильнера, в котором подтверждалось, что мы должны покинуть страну, но нам предоставлялось две недели, чтобы уладить все дела в Претории. После более чем двухлетнего отсутствия мы вернулись домой. Наш дом был занят английским генералом, Все наши вещи исчезли, пойти было некуда, и мы остались без крыши над головой. В это время из Свободного Государства приехал мой брат, который вырос на шесть дюймов с тех пор, как я видел его в последний раз, и остался цел во время своих многочисленных приключений. Он тоже решил уехать, и в конце июня мы отправились в добровольное изгнание.

Пока мы ожидали на границе в Комати Поорт, перед тем как попасть на португальскую территорию, мой отец написал на листе бумаги стихотворение, которое отдал мне.

Вот оно:

ЮЖНАЯ АФРИКА

Пусть я должен ходить по чужой земле,
Надежда моя жива.
Солнце свободы может зайти,
Но видит Господь, не навсегда.

И он сказал, что, пока его страна не станет свободной, он не вернется.

Он теперь живет в Америке, а мы с братом — на Мадагаскаре, под французским флагом.

Мы слышали и о моих других двух братьях. Самый старший прибыл в Голландию из лагеря для военнопленных в Индии, а другой все еще находится на Бермудах и ждет освобождения.

Мариц и Роберт де Керсозон — с нами в Мадагаскаре. Мы были в экспедиции далеко внизу, в стране Сакалаве, чтобы посмотреть, можно ли там обосноваться.

Генерал Голлини предоставил нам ездовых мулов и отряд сенегальских солдат, поскольку те места все еще беспокойны. Казалось, что все идет к войне, но обошлось, и мы увидели все, что было интересно — озера и леса; болота, изобилующие крокодилами, и большие открытые равнины, на которых паслись стада дикого скота. Но при всей этой красоте чего-то нам не хватает, и вряд ли мы останемся здесь надолго.

В настоящее время мы зарабатываем на жизнь, сопровождая

товары, которые возят на волах между Махатсарой на восточном берегу и Антананариве. Работа трудная — приходится постоянно находиться в сырых пораженных лихорадкой лесах, и пересекать горы, мокрые от вечных дождей; в свободное время я написал эту книгу.

Антананариве, Мадагаскар 1903.